ISSN 0131-0097

ИЮЛЬ № 29 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 29 (3339)
13 — 20 июля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоплакат Павла Чекмарева (см. в номере материал Вл. Солоухина «Не наливают новое вино в старые мехи»...)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 24.06.91. Подписано к печати 09.07.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 624. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ КОЛХОЗА...

ОКНО НАДЕЖДЫ

«Выходец — человек, совершивший переход из одной социальной среды в другую».

(Словарь русского языка)

**Павел НИКИТИН,
соб. корр. «Огонька».
Марк ШТЕЙНБОК (фото)**

Было тихо, так тихо, что с улицы явственно слышалось, как шлепают галоши на ногах Николая Матушкина.

Часы показывали три утра. А Матушкин уже занимался хозяйством, сновал по подворью от овец к коровам (их у Матушкиных две), от коров к телятам, от них к огороду.

Это была зарядка перед рабочим днем.

Есть люди, которые нравятся с первого взгляда. Матушкин из таких. Лицо у него бесхитростное, простецкое. Фигура аккуратная, подобранная, легкая. Из-под матерчатой кепочки выглядывают умные, добрые и немного усталые глаза.

Ему 37 лет. У него четверо детей. Всю жизнь, за исключением очень короткого времени, Коля прожил здесь, в Шаготи. Да и то уехал не по своей воле. Наде, работавшей дояркой, пришло время рожать. Раздосадованный председатель заявил: пусть коров доит муж. Коля отказался: почему он, тракторист, должен коровам хвосты заносить? Надя тоже возмутилась: что, и ребеночка доярке нельзя родить? Из Шаготи их распорядились выставить в двадцать четыре часа.

Работали под Ярославлем, в пригородном совхозе, а как только председателя-самодура куда-то перевели, вернулись в родную Шаготь.

Но недолго прожили с колхозом в мире. Опять Коля — персона нон грата. Колхозная продавщица его в упор не видит. Всем муку отпускает, а Коле — нет. Без блинов, конечно, можно прожить, но как без курева? И сигарет Коле тоже не продают.

А все из-за того, что вышел из колхоза. Вопрос Матушкин перед правлением поставил так: пусть «Дружные всходы» отдадут заработанную им за долгие годы долю, включая землю, на которой он и станет хозяйствовать.

Застенчивый Матушкин на такой решительный шаг никогда бы не отважился, если бы не Валентин Новиков. Фигура на селе заметная. Страстный любитель георгинов: весь двор у него ими засажен. Георгиновые клубни он получает со всей страны. Будучи председателем сельсовета, разбил колхозный

сад с теплицей. В прошлом году Новиков не стал выставлять своей кандидатуры на сельсоветовский пост, а подался вместе с четырьмя мужиками в арендаторы. Арендное звено показало завидные результаты. По производительности обошли колхоз в два раза. И заработали на зависть многим. Но продлевать договор не стали.

— Разобрались, что аренда — сплошной обман,— объясняет свое решение Новиков.— Арендатор никакой не хозяин, он даже не может самостоятельно распорядиться выращенной продукцией. Аренду ввели, чтобы обмануть общественное мнение: вот, мол, на селе начались перемены. Но село спасти могут не полумеры, а реальная перестройка. И как только был принят Закон о фермерстве, а крестьянину предоставили право выходить из колхоза с долей, я подумал: наконец-то свершилось!

Восемнадцать человек подали заявление о выходе из колхоза. Но пятеро из них не выдержали свалившихся испытаний и отказались от свободы. Непросто оказалось выйти из колхоза. Одни поддерживали «изменников колхозно-совхозного строя», другие, таких было большинство, готовы были пойти на них с вилами.

— Мой отец с кулаками боролся,— кричал со слезами на глазах пенсионер в потертом пиджаке,— а вы капитализм реставрируете!

Сосед бывшего агронома Хрусталева, решившего податься в «кулачье», пригрозил даже «изменникам» красным петухом.

— Не думали, не гадали, что дело приобретет политическую окраску,— вспоминает Новиков.— Кажется, есть закон, есть заявления, отдайте долю — и все проблемы сняты. На чужое не посягаем, свое заработанное просим, а нам не отдают. «Беглецы» искали правду в районном Совете, били челом районному прокурору. Весна на носу, сеять вот-вот пора, а у них еще конь не валялся.

Три колхозных собрания отшумело, прежде чем отпустили фермеров на волю! Пять вариантов земли рассмотрела специально созданная комиссия! Фермерам было целесообразней трудиться вблизи центральной усадьбы — колхоз ни в какую. Ишь, дескать, чего захотели, на лучшие участки замахиваетесь!

Наделили «кулачье» землей в глухом углу, у погибающей деревни Медведково, до которой девять километров бездорожья. Туда полтора часа на тракторе, обратно — полтора. Когда работать? Но деваться некуда — согласились.

Дележ имущества тоже шел на нерве. Просто ли разделить детский сад, лесопилку, мастерскую, кузницу? Решили в конце концов считать помещения «неделимым фондом», пользоваться им сообща, на равных условиях.

Имущественный пай оказался скудным — не нажил богатства колхоз. Откуда взяться достатку, если каждый год большая часть урожая остается в поле, лен, к примеру, то и дело приходится сжигать. За поджог даже деньги платят. Техника бесхозная, ни внимания к ней, ни заботы. Две трети машин и механизмов, перепавших фермерам, оказались неработоспособными. А комбикормов каждому досталось по ведру. Телят дали — кожа да кости. Попробуй, похозяйствуй! Пришлось сразу к государству в долг влезать, взяли на всех 100 тысяч рублей ссуды.

С выходом из колхоза конфликты не кончились. Решили «неделимый фонд» использовать сообща, а сейчас говорят: гоните денежку за использование токарного станка в час 3 рубля, мастерской — 9 рублей 30 коп... За сушку льносемян колхоз заломил такую цену, что фермеры срочно приобрели собственную сушилку. А как расценить ущемление в житейских мелочах? Ряд товаров правление отказалось продавать фермерам: табак, муку. То, на что запрета нет, стоит фермеру дороже. Колхозник покупает сыр по 8 рублей за килограмм, фермеру велят выкладывать 10, колхознику масло обходится в 15 рублей, фермеру — в 20. Почему?

Ответить мне на этот вопрос взялась заместитель председателя колхоза А. Фомина, еще недавно работавшая экономистом. Карьеру Фомина сделала на «расколе». Собралась тоже выйти из колхоза, но в последний момент ей предложили должность «зама» и более высокий оклад. Подумав, Фомина решила сохранить верность «Дружным всходам».

Она радушно улыбалась мне во время разговора, с улыбкой выслушала претензии, которые я высказал от имени фермеров, в частности что техника им досталась старая. Когда я кончил, она, так же мило, радушно улыбаясь, сказала: «Другие и этого не получат. Хватит разорять колхоз».

Ни одного доброго слова я не услышал о фермерах: и лентяи-то они, и живут не по средствам, и наглецы. Нагнетая страсти, «зам» договорилась до того, что обвинила бывшего главного агронома Хрусталева во... вредительском акте. «В прошлом году он погубил на полях всю колхозную картошку потому, что в мыслях уже был частником». Вот-те раз! Да когда уборка шла, Закона о фермерстве еще в помине не было. Ну, хорошо, не стало вредителя в колхозе: баба с возу, кобыле легче. Но какой злодей помешал «Дружным всходам» в этом году посадить картофель? В исконно картофельном краю ни на одном колхозном га картошки нет!

Уж не о том речь, что город ни клубня из «Дружных всходов» не получит, сами-то колхозники что есть будут, где возьмут картошку для того же детского сада, колхозной столовой?

Откуда ненависть к выходцам, работающим от темна до темна? Фермеры — угроза привычному укладу жизни, бельмо на глазу. В «Дружных всходах» ныне на половине колхозных угодий, похоже, вообще ничего не взойдет. На дворе лето, а колхоз умудрился всего половину площадей засеять! Говорят, дожди залили, на поля не выехать. Но фермеры давно уже отсеялись, под тем

же самым небом, под теми же самыми дождями. Картошку садили из-за сильной влажности вручную. Под лопату! Полтора га — «Лужники», считай, засадили! Способен ли колхозник на такое?

Водитель колхозного автобусика, подвозивший нас, говорил, что «другой жизни он не хочет», что «капитализм бесчеловечен», что он «построен на эксплуатации трудящегося человека». Слушая его, я вспомнил Матушкиных. Линия, разделившая Шаготь на сторонников «капитализма» и «социализма», прошла посередь их дома. По деревне пронесся слух, что у семей, вышедших из колхоза, коров не будут принимать в общее стадо. Посоветовавшись, Матушкины решили не рисковать, и Надя осталась в колхозе.

Сутки, проведенные у них дома, признаться, ошеломили меня. Как люди работают, как крутятся! В три они уже на ногах. Надя доит коров, Коля поливает из ведра огород, затем вместе с освободившейся от дойки Надей кормит скотину.

В 4.00 Матушкины уже идут на ферму. Надя снова доит коров, но теперь уже колхозных. Ни много ни мало: сорок пять буренок! А Коле надо поить-кормить сорок три фермерских теленка да фляги с надоенным от 38 фермерских коров молоком загрузить на трактор.

В 6.00 оба дома. Надя встала к плите готовить еду детворе, а Коля понес молоко, надоенное утром Надей от Малышки и Малинки, в ведрах на молокозавод. Пришел оттуда, стал чистить стойла, а Надя тем временем уже боролась с сорняками, наступающими на огород.

В 11.30 вновь держали курс на ферму. Наступило время дневной дойки. Опять Надю ждали сорок пять колхозных коровушек, а Колю сорок три фермерских теленка и тридцать восемь буренок.

В 13.30 — опять домашние хлопоты. Надя пошла доить личных коров, которых поутру отвели в стадо. Полтора километра туда, полтора обратно. Пока Надя обернулась, Коля успел всю скотину накормить. Сами наскоро пообедали, посуду перемыли. Надя молоко, надоенное от личных коровушек, на молокозавод снесла, огородом занялась, а Коля городил загон для фермерских телят.

В 18.30 — опять на ферму. Пришло время вечерней колхозной и фермерской дойки и кормежки скотины.

В 20.15 Коля доил Малышку и Малинку, вернувшихся в родные стойла, Надя запаривала корм для скотины. Закончив дойку, Коля направился поливать огород, а Надя стала готовить ужин, ребячье белье замочила в тазу, чтобы завтра выстирать.

В 23.00 в доме Матушкиных стало тихо. Но не надолго — в три утра все началось сначала.

И так каждый день! Зимой и летом!

Ни один западный фермер не согласится так жить и работать. Им вообще многое даже не по силам понять. Почему, к примеру, надо поливать огород из ведра? И как это может быть, чтобы в магазине не было ни электронасосов, ни ручных леек? Ну, и совсем уже непонятным покажется, как можно работать, разрываясь между личным и коллективным хозяйством. Почему Надя Матушкина, зная, что от своих двух коровушек получит больше, чем от сорока пяти колхозных, тем не менее ходит на ферму? От такого «раздвоения» шизонуться можно. А Надя улыбается своей тихой, застенчивой улыбкой да еще Коле детишек рожает.

Когда о «бесчеловечной сущности капитализма» под приятный шумок кондиционеров рассуждает Иван Полозков — это еще понять можно. Но когда слышишь подобное от колхозного шофера, который одной рукой крутит «баранку», следя за тем, как бы не въехать в какую-нибудь колдобину, а другой постоянно трясет карман с семечками,— это впечатляет. Неужели, думаешь, он не видит покосившиеся избы, приткнувшиеся к дороге, не слышит карканья воронья, кружащего над умирающим селом, неужели не понимает, что жалеть западного фермера то же самое, что, сидя в тюрьме, сочувствовать живущим на воле. До чего же забит и обезличен советский крестьянин, если у него отнята даже возможность объективно взглянуть на себя!

В сельской библиотеке я наткнулся на чудом сохранившиеся там труды академика Лысенко, идеолога колхозно-совхозного строя. Занятно было средь шаготской разрухи читать: «Советское крестьянство повернуло на единственно правильный путь, указанный товарищем Сталиным, путь социализма, объединившись в колхозы»... «Только в колхозах крестьяне обрели настоящую, счастливую жизнь»... «В нашей стране нет труда подневольного, тяжелого труда на эксплуататоров». Страшно, если с малолетства здравый смысл атакуется такими заклинаниями.

Чем лечить крепостное сознание? Гласностью? Да проймешь ли гласностью человека, для которого шесть лет перестройки — не более чем опасный зигзаг на «единственно правильном пути»? Я верю в спасительную силу примера. Пронять шаготского колхозника, сокрушить миф о том, что «только в колхозах можно обрести настоящую жизнь», могла бы деревня Медведково.

Конечно, не такая, как сегодня — полуживая, из сил выбивающаяся. Другой должна быть деревня. Там и коттеджи современные, и сады великолепные. В небольших добротных фермах — скотина племенная, лоснящаяся от хорошего ухода и сытных кормов. В искусственных водоемах плещется рыба. Прохладный ветерок колышет тучные хлеба. А вот и наши фермеры. Собрались в саду у Новикова. Вечер. Работы все выполнены, можно под гитару погонять чаи, обменяться новостями.

Нет с ними только Николая Матушкина. Он, как всегда, в трудах. Старательно полирует вишневые бока недавно приобретенного «мерседеса»...

Картина эта, между прочим, не плод моего воображения. Я нарисовал ее по рассказам Новикова, который в этом году, будучи в Финляндии в гостях у родственника жены, познакомился с жизнью тамошних фермеров. Я лишь заменил в этом раю финских мужиков шаготскими. Неужели, подумал, они не достойны лучшей жизни, неужели на работу менее споры, чем финны?!

Вздохнут грустно шаготские «кулаки», увидев себя «пририсованными» к финской действительности. Не до жиру — быть бы живу. На словах вроде они свободны, а на деле ни шагу не могут сделать без оглядки на колхозно-совхозный строй. Он ведь их на коротком поводке держит. Захочет помочь окрепнуть фермеру — тот поднимется, не захочет — погибнет. За колхозами мощь административно-командной системы, во всеуслышание отпетой, но все еще продолжающей здравствовать, распределять фонды, лимиты. За фермерами нет ничего.

Станет ли монополист помогать конкуренту? Не перекроет ли однажды краны?

Новиков, убежденный, что перекроет, договорился о закупке горючего в Ярославле, чтобы быть независимым хотя бы в этом вопросе. Колхоз пока заправляет фермерскую технику без проволочек. Но если начнутся перебои с горючим? Да еще в уборочную, как было в прошлом году? Ясно, колхоз будет блюсти свои интересы. Над фермерами нависнет угроза гибели урожая.

Договор в Ярославле был подписан, оставалось дело за малым — привезти бензин в Медведково. Но даже это малое стало камнем преткновения. Колхоз отказался дать в прокат бензовоз. Уступите, говорят, нам бульдозерный нож, тогда сговоримся. А нож самим вот так нужен!

Сидят шаготские мужики, ломают головы — как быть. То ли ножом пожертвовать, то ли бензиновой независимостью.

Сложно выстоять фермеру. Куда ни кинь — везде клин, то бишь колхозное. И склад с удобрениями, и зерноток. Лавка и та во власти колхоза. Только фермер сделает шажок в сторону самостоятельности — колхоз дерг-подерг за поводок! Решили мужики скупать молоко в личных подворьях по ценам выше колхозных. И людям выгодно, и фермерам приварок. Нормальная рыночная логика. Но колхозу выгодно людей обирать. Такой переполох поднялся! Сказали с угрозой: если Новиков не отступится от частного молока — закрыть перед ним шлагбаум колхозного молокозавода! Пусть куда хочет, туда и везет молоко. А куда его повезешь по бездорожью? И на чем?

Не многие выстоят в кольце колхозной блокады. Горожанам фермерская доля вряд ли по силам. Надежда лишь на выходцев из колхозов, на крестьян, которые могут все: и корову подоить, и сруб срубить, и печь сложить, и по росе определить, какая будет погода, и из куска металла розу выковать.

Молодцы шаготские выходцы! Стоят богатырями, демонстрируя завидную жизнестойкость. Земля-то теперь своя, и не колхоз ею владеет, а они сами со своими семьями.

По первоначальному замыслу каждое из трех хозяйств, объединенных на родственной основе, должны были вести дело самостоятельно: свой счет в банке, свой скот, свои земля и техника. Однако уже вскоре семейные «кланы» образовали добровольный союз. Посеяли культуры, сроки созревания которых позволяют действовать сообща, помогая убирать урожай друг другу.

Ведра комбикорма, с которым они вышли из колхоза, хватит на день. Чем скотину кормить? Нашли выход. Арендное звено Новикова внесло зерно, заработанное в прошлом году, в общий котел, что при окончательном подведении итогов, конечно, будет учтено.

Две трети техники, как я уже говорил, нуждающейся в ремонте, колхоз передал им. Лечить в одиночку — года не хватит. Решили ремонтные работы вести коллективно, а действующую технику использовать сообща.

Не наездишься поодиночке и по снабженческим делам. Роль коллективного снабженца взял на себя лидер шаготских фермеров Новиков. Он мечется между Шаготью, Даниловом, Ярославлем и Москвой, приобретая все, что подвернется под руку. Привез трактор с одной гусеницей, с виду развалюха, но вдохнуть в него жизнь можно, причем без особых затрат. А «ЗИЛ» привез зато добротный, на ходу. Раздобыл на случай «молочной войны» с колхозом цистерну-молоковоз. Договорился об открытии в райцентре фермерской молочной лавки. Попробует пусть теперь колхоз взять фермеров в ежовые рукавицы! И «табачную блокаду» разорвал, обменяв в Ярославле молоко на сигареты.

Даже зарубежного родственника в орбиту своих забот вовлек. Финские фермеры списывают технику через три года. Налоговая система устроена так, что им выгоднее новые машины купить, чем старые использовать. Новиков через родственника, человека, кстати, довольно известного в Финляндии, ведет переговоры о приобретении тамошней подержанной техники. Есть мысль договориться приобрести за недорогую цену и породистый скот. В Финляндии в связи с перепроизводством сельхозпродукции идет сокращение поголовья.

Финские фермеры готовы по сходной цене уступить излишки или обменять их на мед, ягоды и прочую сельхозпродукцию, на которую есть спрос. Новиков истоптал пороги внешнеэкономических ведомств, добиваясь открытия валютного счета, лицензий. Выставят в дверь — в окно лезет. Нельзя ему никак отступать.

— Нам,— сказал он мне на прощание,— до осени бы продержаться. Собрать хороший урожай, продать его выгодно. Глядишь, за нами другие потянутся. А станет нас хотя бы вдвое больше — это уже сила, которую не сломишь.

...Внимательно наблюдает Шаготь своими оконцами за фермерами, гадает: чья возьмет? Размышляет под шлепанье галош на босых ногах Коли Матушкина, как жить: по-новому? по-старому?

**с. Шаготь
Даниловского района
Ярославской области**

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Мне представляется, что сейчас необходимо срочно издать закон об уголовной ответственности военнослужащего любого звания за применение оружия против мирного населения. В первую очередь такой закон необходим для самих военнослужащих, которые с чистой совестью смогут не стрелять в своих соотечественников.

В. ТАТУСЬ
Харьков

По просьбам трудящихся решено закрыть ночное телевидение. Вчера мне приснился сон, будто господин Кравченко по просьбам трудящихся подал в отставку.

А. ДАВЫДОВ
Баку

Город на Неве — святыня прежде всего времени, его созидавшего, память создателю города и государства. Ленинград не переименовать нужно, а восстановить в истинном названии — Санкт-Петербург.

А. ЛЮДВИНСКИЙ
Полтава

Свойство аппарата — голосовать за приватизацию правой рукой и одновременно крепко держать имущество левой — надо принять как закон природы. Уговоры здесь бесполезны. Собственность надо забирать на законных основаниях. Этот необходимый перечень законов просто можно «срисовать» у любого процветающего государства.

С. ЕВСТИФЕЕВ
Алма-Ата

Чем объяснить, что в списке заслуг перед своим Отечеством ветераны трудового фронта Великой Отечественной войны стоят на последнем месте? Хотелось бы спросить историков и писателей, как получилось, что участниками Великой Отечественной оказались только фронтовики, а не весь народ? Где же признанное историей единство фронта и тыла?

Ю. БЕЛЯЕВ
Москва

Очень забавно читать, что 24-летний юноша, правда, миллионер («Огонек» № 23), называет тебя рабом и скотом. Но еще забавнее сознавать то, что он прав. За 17 лет работы на заводе не приобрел ничего, кроме лысины и отупения.

В. БЕРЕЖНОЙ
Сумы

Считаем, что должен быть принят юридический закон, запрещающий детским писателям, пишущим для малышей, употреблять в своих произведениях политизированные категории, касаться политической жизни взрослых.

И. ШЕВРЫГИН, А. ЗАНИН
Москва

В нашей стране, несмотря на модные разговоры о милосердии, малейшее проявление человечности, даже во взгляде, необычно и достойно места если не в Книге рекордов Гиннесса, то уж в Красной книге СССР точно.

Б. ПИНХАСИК
Харьков

■

Пишет вам настоятель Храма Иоанна Крестителя, который находится в американском городе Спринг Валлей. Приблизительно полгода тому назад московская православная группа милосердия, которая шефствует над Республиканской детской клинической больницей в Москве, обратилась ко мне с просьбой — помочь перевезти семилетнюю девочку Надю Папину в США на лечение. Надя нуждалась в пересадке почки, жизнь ее была в опасности, и операция была единственным спасением. Такая операция в Америке стоит огромных денег, которых нет не только в моей церкви, но и во всей епархии. Но нам сообщили, что предприятие, на котором работает отец девочки — Новолипецкий металлургический комбинат,— берется оплатить все расходы, связанные с операцией.

Мы сделали все, что от нас потребовалось,— нашли больницу и хирурга, перевели все документы и выписки из истории болезни Нади. Ее отец должен был стать донором при пересадке почки. Новолипецкий комбинат прислал нам официальное письмо, подписанное директором г-ном Франценюком, что все расходы будут немедленно оплачены. Больница приняла это письмо, и мы организовали приезд семьи Папиных в Америку. С февраля до июня Папины жили в моем доме при храме. Прихожане многих православных церквей в Америке, зная о судьбе девочки, присылали нам пожертвования.

Слава Богу, и операция, и лечение прошли исключительно удачно. На наших глазах Надя из больного и изможденного, медленно умирающего ребенка превратилась в здорового, счастливого и жизнерадостного...

Завтра Надя улетает обратно в Москву, а потом в свой родной Липецк и увозит с собой не только новую жизнь, но и много новых друзей — наших прихожан, врачей в больнице, медсестер, пациентов из соседних палат, которые буквально завалили ее подарками, игрушками, письмами и конфетами.

Жалко портить такой счастливый конец, но он оказался испорчен. Новолипецкий металлургический комбинат отказался платить деньги за операцию. Почему? Неизвестно. Общая сумма операции вышла в 112 000 долларов. Две недели назад комбинат прислал 10 000 долларов, а остальные деньги платить не хочет. Несмотря ни на что, лечение было завершено, но я и моя церковь подвергаемся постоянной бомбардировке письмами и звонками из больницы — ведь мы были инициаторами и посредниками в этой истории. Мы получили еще несколько запросов из России помочь детям приехать на лечение в Америку, но теперь нам не станут верить, будут требовать деньги вперед, что в нашей стране совершенно не принято,— обещаниям доверяют.

Пожалуйста, если это только в ваших силах, убедите директора Новолипецкого комбината, что гарантию надо соблюдать.

Священник
Яков РЫКЛИН
США

■

Я хотел бы обратиться к членам «большой семерки» и напомнить известную истину: отрицательный результат в науке также считается результатом. Это положение относится как к наукам точным, так и к общественным. Я являюсь представителем той одной шестой части мировой территории, на которой был проведен наиболее впечатляющий за всю историю человечества эксперимент по строительству самого совершенного общества. Этот эксперимент можно считать чистым, так как его результаты, полученные в отдельно взятой стране, были впоследствии тщательно подтверждены в ходе эксперимента над другими отдельно взятыми странами. Везде был получен отрицательный результат.

С момента своего появления человечество стремится к лучшей жизни. Лучшее — враг хорошего, и это является основой всех революционных изменений. Зная о рае небесном, трудно избежать искушения построить рай на земле. По теории Мыслителя райская жизнь сначала должна была наступить в одной из стран «большой семерки». Но мой соотечественник, Первый ученик, поступил вопреки положениям своего учителя и, лишив эту страну такой возможности, представил ее нам.

Поэтому я бы посоветовал представителям «большой семерки» в гуманных целях приобрести у нас за валюту некоторое количество памятников Первому ученику, поставить их на центральных площадях больших и маленьких городов, сделав примерно такую надпись: «Человеку, который провел эксперимент с отрицательным результатом на собственном народе и тем самым позволил спастись другим народам».

Перехожу к делу. Речь пойдет о деньгах. И я их не прошу. Я их требую. Во имя всего человечества мы стали подопытными крысами. Отрицательный результат эксперимента не просто научная фразеология, для нас это вполне реальная жизнь. Конечно, их воля — давать нам денег или не давать, но чего стоят тогда все разговоры о гуманизме? Мы не будем кланяться в ножки, мол, спасибо, барин! Нет! Мы хотели бы получить заработную плату, как получают ее испытатели в медицине, в авиации, в космонавтике. Хотя, если вдуматься, исторический трюк, который мы исполнили, куда страшнее и рискованнее полета из пушки на Луну.

Если у «большой семерки» и появится желание дать нам денег, при возникновении таких словосочетаний, как «социалистический выбор» или «социализм с гуманным лицом», им нужно быть бдительными. Эти мимикрирующие названия ведут к той же великой цели с теми же великими отрицательными результатами. Поскольку и их, и наши экономисты почти в унисон говорят о том, что деньги должны быть даны под какую-то конкретную программу, а наша система все еще инерционно настроена на то, чтобы кого-то догнать и перегнать, то я им предлагаю вместе с деньгами подбросить нам лозунг: «Догнать и перегнать Америку по капитализму!»

Генрих РЯБКИН
Ленинград

■

В газете «Советская Россия» за 5 мая 1991 года под вывеской «Чаадаевщина» опубликовано «Письмо из Парижа» писателя Эдуарда Лимонова. Уже само название «Письма», непристойное производное от фамилии философа-идеалиста, друга Пушкина, оканчивающееся на «щина», выдает воззрения автора. Говоря о протестах либеральной интеллигенции в СССР по поводу происходивших недавно событий в Литве, он заключает в неодобрительные кавычки такие слова, как «демократической», «насилие». «Осудили тотчас, еще до расследования происшедшего»,— возмущается Лимонов. При этом автор ссылается на свидетельство журналиста Невзорова, что трагедия в Вильнюсе будто бы провокация экстремистов. «Я отказываюсь говорить о литовской стороне»,— заявляет Лимонов, тем самым отвергая право Литвы на самоопределение, и приводит в пример Корсику, отошедшую к Франции тогда же, когда и Литва к царской России.

В дальнейших рассуждениях Лимонов проводит мысль, что в СССР происходит «холодная» буржуазная революция, и вводит понятие «новая буржуазия», считая за таковую не предпринимательство, а интеллигенцию — деятелей науки, техники, искусства, а также офицерство. Он считает, что «советские новые буржуа... работают зачастую против национальных интересов своего государства». Упоминая о 60-х годах, он говорит, что первые диссиденты — писатели Синявский и Солженицын, ученый Сахаров — впервые осмелились зарычать на партийную аристократию. По Э. Лимонову, если честно и смело выступить против тирании и тоталитаризма,— это значит «зарычать».

Далее Э. Лимонов, снова применяя выражение «чаадаевщина», то есть деятельность как бы последователей философа-демократа, характеризует это явление как «своего рода интеллектуальный мазохизм», пользующийся популярностью у «демократической» советской интеллигенции». А обращение Пен-центра Э. Лимонов считает «предательским по отношению к нашим солдатам» и беззастенчиво утверждает, что декабристы... «прокляли бы подписантов-«демократов». Автор считает, что «интеллигенция в нашу эпоху потеряла роль Просветителя и Идеолога. Указывать народу сегодня не нужно», и не желает замечать того, что он сам является указчиком.

Я не за то, чтобы затыкать рты даже таким знатокам нашей внутренней жизни, как Э. Лимонов из Парижа. Но при прочтении его статьи поневоле возникает мысль: «А казачок-то засланный».

А. АЛЕКСЕЕВ-ГАЙ
Москва

■

Да, была революция; да, уничтожали друг друга два противоборствующих класса; да, Ленин и большевики боролись за социализм. Ну и что? Мы, ветераны Великой Отечественной, сражались с фашистами. А что надо было: чтобы фашисты уничтожили всех советских людей и превратили бы Россию в сырьевую базу? Вы этого хотели? И вы добиваетесь сейчас уничтожения Советской власти?

Как же нужно ненавидеть свою Родину!

Вы обвиняете Ленина и его единомышленников в тоталитарном режиме, а что хорошего в том, что Горбачев объявил так называемые плюрализм, многопартийность, суверенитет республик? Льется кровь, народы, жившие в мире и дружбе при этом режиме, враждуют. Создается искусственный дефицит во всех сферах жизни, а кто это делает? Кто не хочет Советскую власть. Сейчас повторяется все то, что было после революции, с той разницей, что тогда, при Ленине, саботажников привлекали к суровой ответственности и расстреливали. А сейчас всплыла на поверхность вся нечисть: анархисты, монархисты, белая армия, махновцы, петлюровцы и прочие — и никто за это не отвечает.

И все это называется перестройкой? Что перестраиваем? Нормальную жизнь на кризис, на насильственный переход от социализма к капитализму?

Если вам нравится система капитализма, то вас никто не задерживает, и перестаньте обливать грязью Родину. Руки прочь от социализма!

Мы боролись с фашистами, поборемся и с вами.

Н. ШЕВЧЕНКО
Макеевка, Донецкая область

■

Ходят слухи об очередном подорожании подписки на периодику. Если это случится, на «Огонек» и все другие издания я больше не подписываюсь. И не только по материальным соображениям. Значительно больше по моральным. Цены становятся просто оскорбительными. Вымогатели всех мастей и рангов, от министерств до последнего спекулянта у входа в ГУМ, с редким единодушием тычут тебе в глаза этими ценами: «Смотри, какое ты ничтожество со своей фиксированной зарплатой».

Извините за некоторый ущерб, который я нанесу своим решением уважаемому мной изданию, но и четвертая власть, похоже, не на высоте своих возможностей. Чья, например, задача, если не журналистов, проводить активное исследование бесспорной зависимости между динамикой цен и нравственно-профессиональным уровнем высшего исполнительного руководства государства? Только не видно что-то этого исследования. А оно, думается, очень помогло бы увеличить процент компетентных министров и премьеров.

Ю. ЛЕВИН,
инженер
Москва

■

Не могу успокоиться до сих пор после того, как посмотрела «Шоу» по телевизору 9 мая из Кремля: встреча М. С. Горбачева с детьми, одетыми в военную форму. Что же происходит? Сейчас я пенсионерка, бабушка троих внуков. В 1945 году я была в таком же возрасте, как эти дети, но до сих пор помню, с каким страхом и ужасом мы смотрели немецкую хронику о гитлерюгенде — искалеченном поколении немецких детей. А что же хотели показать нам — милитаристское воспитание нашего подрастающего поколения?

Р. КОСАЧЕВА
Омск

■

В 1941 году я был студентом медицинского училища. С первых дней войны нас послали работать в передвижной полевой госпиталь-летучку № 70 Белорусского фронта. В течение 4 месяцев я работал в этой летучке санинструктором; летучка подавалась к фронту, забирала раненых с передовой и отвозила в тыл страны. Со мною работали еще 20 товарищей. И эта санитарная летучка № 70 «потеряна» (ее потеряли те же военные) — нигде не осталось бумажных следов ее деятельности, но остались в живых люди, с которыми я работал, и они свидетельствуют обо всем этом. Я неоднократно обращался в Министерство обороны, откуда мне ответили, что по указанию ЦК КПСС верить никому не велено. Из других инстанций все опять направлялось в военное ведомство, а оттуда — все то же «не велено».

Тогда я трижды обращался в Верховный суд СССР, а он всякий раз отправлял мое заявление в Министерство обороны, а оттуда — «не велено». Недавно обратился в Конституционную комиссию со всеми удостоверенными подтверждениями моего запроса с просьбой сообщить мне, почему суд не берет его к рассмотрению. А комиссия снова пересылает все в Министерство обороны, а те, в свою очередь, со ссылками на ЦК КПСС — «не велено». Это тянется уже 11 лет.

И я начинаю понимать: еще не созрело право на правду.

Ф. ЛЕЩЕНКО
с. Лобаново, Пермская область

ПРОШУ СЛОВА

ГЛАЗАМИ ВЕРУЮЩЕЙ

Я никак не могу согласиться с новым Законом о свободе совести. Судя по этому закону, и в обновленный социализм нас решили повести без Бога. Опять без Бога! Одна надежда на Российский парламент, во главе которого теперь будет Борис Николаевич Ельцин. Утверждают, что верующих 16 миллионов, но, я думаю, их не менее 160. И ни я, ни мои сестры и братья никогда не примиримся с тем, чтобы в нашей православной России коммунисты держали Бога на задворках государства, как бедного родственника. Закон о свободе совести, выработанный в Верховном Совете СССР, по существу, ведет к следующему: совесть — отдельно, государство — отдельно. Если школа отделена от церкви, то в такой школе могут быть учителя — ярые коммунисты и сталинисты, которые снова будут взращивать волчат. Волчата вырастут и перегрызут хребты овцам — это тем, кто учится сейчас в гимназиях и воскресных школах. Как после семидесятилетней лениниады можно не понимать, что двойственность в воспитании чревата для общества тяжелыми последствиями.

Признаюсь, оппонентом режима я стала совсем недавно, уже в годы перестройки. А до этого неизменно верила в Советскую власть и на фронт пошла добровольно, защищать «социалистическое» государство. Теперь же я подругам пишу, что мы не социализм защищали от фашистов, а нашу Родину, ту Россию, которую защищал Кутузов, ничего не ведавший о социализме.

Я поверила Михаилу Горбачеву, ведь имя Михаила есть и в Святом Писании. Он часто говорил о возрождении духовного начала и тут же проповедовал социализм. И мне казалось, что без социализма нет никакой духовности. Я даже забыла на время, что он вырос из учения, связанного с унижением веры. Да что там говорить, я даже коммунизм пыталась приблизить к христианству.

Мое оправдание социализма окончилось с приходом гласности. Я поняла, что коммунисты цепляются за власть и умышленно держатся за «социалистический строй», при котором они были во главе всего. Поэтому демократия им не по духу, они ее боятся. Возьмем, к примеру, мартовский референдум. Все коммунисты агитировали голосовать за СССР и против президентства в России. Какие ужасы они предрекали нашему государству! Даже церковнослужителей сбили с пути: церковь призывала мирян голосовать за единый Союз. Но ни один из депутатов, кроме Ельцина, в своих предвыборных выступлениях ни слова не сказал о своем отношении к христианству, словно забыли, что Россия десять столетий была христианской державой. И я не поверила, что государство распадется. Я голосовала за избрание Ельцина Президентом России.

А посему я хочу сказать, что не сможем мы поднять экономику, не сумеем усмирить бунтующий народ, если будет пропагандироваться марксистско-ленинское учение о социализме. Спросите, кто я такая, чтобы это утверждать? Я простая смертная, живу в миру. Как и все, грешная. А безгрешен один Христос.

Н. ГИЛЬВАНОВА
Пермь

С интересом прочел заметку С. Калиничева «Как объегорить державу» в 21-м номере «Огонька». Только, по-моему, зря он подводит «идеологическую подкладку» под данный вопрос. Уклонение от налогов — нормальное явление во всем мире, которое существует с тех пор, как появилось государство. И ничего тут стыдного нет. В США существует множество фирм, которые консультируют компании, как «уходить» от налогов. У нас это дело только разворачивается. Поэтому очень хотелось бы знать, в какой газете было объявление о продаже книги «Налоги — как их избегают».

С. ТЕМРИНУ
Кишинев

КАК ОБЪЕГОРИТЬ ДЕРЖАВУ

Георгий **РОЖНОВ**

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

ШАНТАЖ

Уверен: пока буду писать и печатать эту статью, события меня опередят и оценки придется делать жестче, а выводы круче. Да вот, пожалуйста, накаркал — воскресенье, жара, нормальные люди одурело бегут из Москвы, а ТСН объявляет, что как раз сегодня отзаседало «Движение коммунистической инициативы», а побывавшим там операторам телевидения едва не стало дурно. Это когда кто-то ляпнул, что кругом предатели, а Кремлем управляет рука Вашингтона.

Поэтому сразу о главном: правые сегодня не просто выкарабкались из окопов, где надеялись переждать камнепад рушащихся коммунистических структур. Они ринулись в бой, если не последний, то по крайней мере решительный.

Главный объект атаки — Горбачев. Две важнейшие политические инициативы — соглашения в Ново-Огареве и совсем уже близкие переговоры в Лондоне с лидерами стран «семерки».

У кого так зудят руки на Президента — знаем уже, наслышаны. Да они и не таились никогда, бравируя показной своей смелостью то на трибуне парламента, то в выступлениях по телевидению, то в газетных интервью. Ниспровергателей нынче немало, но солируют, как правило, двое полковников — Алкснис и Петрушенко. Ни на одного из советских лидеров при власти никто не обрушивал такой сокрушительной критики, таких яростных нападок, такой злой, истеричной, а то и просто хамской ругани, как эти двое на Горбачева. Самое мягкое: он беспомощен и медлителен. Круче: предал партию, сдал рубежи социализма и разорил страну. Как и положено, подпевает солистам довольно многоголосый хор как входящих в депутатскую группу «Союз», так и им сочувствующих.

Если Горбачев своим оппонентам и отвечал, то весьма своеобразно. Требуете твердости — вот Баку и Вильнюс. Обвиняете в заигрывании с «так называемыми» демократами — получите в марте войска в Москву. Сердитесь за интерес к рынку — прочь тогда программу «500». Недовольны правительством — пусть уходят Бакатин и Шеварднадзе.

Действенная критика, не правда ли?

В феврале я спросил Бакатина: неужто два полковника столь всесильны, что перед ними пасует даже Президент?

Бакатин усмехнулся: при чем тут полковники?

Я не отставал: тогда кто же? Бакатин не ответил, в глазах не то боль, не то злость.

И вот конец июня, сессия Верховного Совета Союза, Горбачев — на трибуне. Давно мы его таким не видели — яростный, гневный, упрямый. За вашу ненасытность в диктате, за выкручивание рук, за непробиваемую политическую дремучесть, за проглоченные ранее оскорбления, за саботаж любого разумного шага — вот вам, полковник Алкснис, вот вам, Блохин, вот вам, группа «Союз»!

Я записал эту речь на видеокассету, смотрел раз, другой — неужели все, неужели праведный гнев Президента только одним «союзникам» и адресован, а куда более опасные силы либо не замечены, либо главе государства вообще не по зубам? Ужели забыли доложить ему стенограмму именно того заседания Верховного Совета, на котором с речами выступили Язов, Пуго, Крючков? Нельзя же предположить, что, как и для нас, грешных, оно и для Президента осталось столь же закрытым? Впрочем, какая уж там скрытность, если едва ли не на следующий

Полковник Алкснис: — Я вижу, как по Невскому проспекту шагает американская пехота.

Фотомонтаж И. ПЕТРОВА

день пространные отрывки из выступлений трех членов правительства опубликовал еженедельник все той же группы «Союз» — «Политика», а газета российских коммунистов немедленно растиражировала их на своих страницах? Да что там газеты — из выставленного Невзоровым на телеэкране двухкассетника мы смогли своими ушами услышать, что именно вещал при закрытых дверях сам председатель КГБ СССР Крючков. Как легко понять, дело здесь не в журналистской сметке, не во всемогуществе невзоровской «службы информационной разведки», а в довольно-таки примитивно легализованной утечке информации все из того же ведомства, которое, по идее, должно хранить ее за семью замками. А тут вот не сохранило. Почему?

Прежде чем ответить, я все же изложу на бумаге то, что услышал из уже упомянутой кассеты,— ленинградскую программу смотрят немногие, а ни «Политика», ни «Советская Россия» как раз именно эту часть речи Крючкова не обнародовали. Читаем: «Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. Все, что я говорю вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем тех проблем, которые охватываем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения станут реальностью».

Если этот отрывок предложить несведущему человеку и попросить того определить профессию автора, ответ, думаю, будет однозначным — лектор, скорее всего районного масштаба, примитивные идеологические клише тому свидетельство. Но чтобы подобное сочинял шеф секретной службы страны, да еще подсовывал Президенту — шутить изволите?

Погодите с выводами, вот несколько строк из поминавшихся нами газет, в коих Крючков извлекал из небытия документ, подписанный аж в 1977 году Андроповым для сведения ЦК КПСС: «...американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи».

А эта безадресная болванка чье перо напоминает? Певца КГБ тех лет профессора Н. Н. Яковлева? Уверен: с Лубянки времен Андропова тот получал гораздо больше информации, чем ее нынешний председатель Крючков счел возможным даровать народным депутатам. Какой фантазией им нужно было бы обладать, чтобы по примеру профессора создать такой бестселлер, как «ЦРУ против СССР»? Впрочем, чем тому же Н. Яковлеву не подарок: можно создать еще одно сочинение, в коем бы красной линией проходила вербовка ЦРУ агентов влияния, которых после концентрированной политической обработки и приобретения навыков шпионской деятельности засылают преподавать методы управления аж в само руководящее звено нашего на ладан дышавшего народного хозяйства. Они что — развалили бы то, что и без них разваливалось на протяжении семи десятков лет? Или, что отраднее, попытались подвинуть это хозяйство к рынку в 1977 году? И еще: хоть одну фамилию пробравшегося в тогдашний Госплан мог обнародовать депутатам первый чекист страны?

А теперь речь уже идет о днях сегодняшних: «В одном из американских документов под названием «Требования к разведке в 90-е годы» говорится: «В предстоящем десятилетии тайные операции американских разведывательных органов против СССР будут важным инструментом внешнеполитической деятельности правящих кругов Соединенных Штатов Америки». Так уж и говорится, теми же словами, которые присутствуют, пожалуй, только в нашем идеологическом лексиконе? Или словечки о правящих кругах ввернул в документ ЦРУ пробравшийся в Лэнгли подчиненный Крючкова?

А теперь, пожалуй, главное, ради чего шеф КГБ выбрался на трибуну парламента. Опять пишу с его голоса: «Через несколько дней будет ровно полвека, как началась война против Советского Союза, самая тяжелая война в истории наших народов, и вы, наверное, сейчас читаете в газетах о том, как разведчики информировали тогдашнее руководство страны о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война. Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-нибудь время, историки будут копаться в сообщениях не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств, и будут поражаться, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения. На происходящее в Советском Союзе ведущие западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, смотрят прагматично, исключительно через призму собственных интересов. Отсюда настойчивое, если не сказать ультимативное, выдвижение вполне конкретных условий, которые СССР должен выполнить уже сегодня в ответ на туманные обещания благосклонности в экономической помощи со стороны Запада завтра. В числе этих условий — проведение фундаментальных реформ в стране не так, как это видится нам, а как задумано за океаном. Сокращения Советским Союзом ниже допустимых расходов на оборону, свертывание отношений с дружественными нам государствами, уступки Западу в так называемом прибалтийском вопросе и другие. Кстати, у нас есть достоверная информация относительно кредитов, разговор о том, что нам могут выделить кредитов в 250 миллиардов, 150, 100 миллиардов — это сказки, это иллюзии, это или самообман или обман других людей».

Догадываетесь, в кого целятся с Лубянки, кто на мушке? Да Горбачев, кто же еще! Это ведь он ездит за кредитами и, кстати говоря, получает их отнюдь не в сказках. Это ведь он, по словам Крючкова, не реагирует на треп, которым тот его пугает. И, уж если договаривать и называть вещи своими именами, именно Горбачева его подчиненный обвиняет в той глухоте, которой перед войной страдал Сталин. Не слишком ли, генерал? Погодите, еще не все, вот удар, что называется, под дых: «Скажу больше, есть и данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над ее ядерным арсеналом».

В добрый путь, Михаил Сергеевич,— теперь хоть будете знать, с какими оккупантами придется искать согласие на шанс в Лондоне. Куда как приятнее было бы, как в добрые старые времена, прокатиться в дружественные, по мнению Крючкова, страны и подбросить кредитов им. И на оборону расходов не сокращать, и с прибалтами не церемониться.

Что, как не обвинительное заключение предъявлено председателем КГБ генералом армии Крючковым Президенту СССР с трибуны Верховного Совета и потом обнародовано?..

И что же? Кто-нибудь из депутатов потребовал парламентских слушаний? Попросил у Крючкова доказательств, а у Горбачева объяснений? Да нет — послушали и разошлись. Обошел, как мы знаем, и поистине чудовищные обвинения в свой адрес и сам Президент, вскоре появившийся в Верховном Совете. Алксниса с Блохиным и с прочими «союзниками» отхлестал, не очень стесняясь ни в тоне, ни в выражениях, а трех обхамивших его министров вроде как бы и не заметил. Я бы не объяснял это молчание Горбачева его робостью или личной неуязвимостью бунтовщиков с сияющими звездами, хотя и силу каждого из них преуменьшать не следует. Крупный политический скандал в кремлевской верхушке перед лондонской встречей явно не на руку Президенту, от которого его западные коллеги ожидают прежде всего стабильности в стране и, разумеется, в руководстве.

Что ж, расчет, коли им Горбачев и вправду сейчас руководствовался, может быть, и оправдан, но лишь при одном условии — если и противная сторона пойдет на перемирие. Увы, взаимности Горбачев не дождался — буквально через несколько дней после его локальной атаки в парламенте ОМОН Вильнюса устроил дебош на телефонной станции явно с расчетом на широкий международный резонанс. Что должны были думать тамошние политики и общественность, когда ни с того ни с сего оборвалась связь с уже обложенным войсками городом? А ведь буквально за неделю до этого огоньковская публикация предупреждала: мятежный ОМОН оружие не зачехлил и перед встречей в Лондоне преподнесет Президенту еще не один сюрприз.

Отчего же так обмишурились Крючков и Пуго, почему не выполнили прямой своей служебной обязанности и не положили на стол Президенту оперативный прогноз касательно новой провокации, который под силу сделать и рядовому сыщику?

Не прошли на этот раз срабатывавшие не единожды ссылки на законность омоновских набегов — впервые руководитель пресс-службы Президента Игнатенко сказал с исчерпывающей прямотой: трудно отделаться от впечатления, что кто-то хочет такими действиями осложнить обстановку перед встречей Горбачева со странами «семерки» в Лондоне. Вот вам первый результат умолчания по поводу речей трех министров в Верховном Совете СССР. Только после заявления Игнатенко руководители МВД слегка пострашали шаловливые ОМОНы — надолго ли они запомнят эту деликатную выволочку, в которой как самая суровая кара за грубейшие нарушения законности обещано им увольнение из милиции?

Шантаж, которому реакционные силы подвергают Президента, адресован не только ему одному. Пугают прежде всего нас, настойчиво вбивая в голову обывателям страхи, казалось бы, канувшей в Лету холодной войны,— председатель КГБ, как помнится, стращает нас грядущей оккупацией. А все тот же полковник Алкснис с ленинградского экрана с обреченным взором делится конкретным видением — по Невскому проспекту грохочут бутсами морские пехотинцы армии США, а благодарные демократы осыпают их цветами. Не отделаюсь от давней уже аналогии времен ранней холодной войны. Один американский лидер из своего вашингтонского кабинета узрел пожарные машины, счел их за советские танки и сиганул из окна.

Вот что на том же заседании Верховного Совета СССР говаривал министр обороны Язов: «...в силу того, что все президенты республик требуют, чтобы армяне служили в Армении, азербайджанцы — в Азербайджане, украинцы — на Украине, Вооруженных Сил у нас скоро не будет». Нам что, от такой безнадеги записываться в ополчение? Уходить в партизаны? Кликать на помощь войска ООН?

Откройте любой номер газеты «День» — грохота полковых барабанов не услышит разве глухой. Если у кого нервы не шалят, прочтите статью одного из разработчиков ядерного оружия Нечая. Что, напугали вас ужасами ядерной войны и ядерными же испытаниями? Ерунда, отмахивается ученый человек: «Если это обойдется сотней взрывов... ничего особо страшного не произойдет». Бедные японцы почти полвека спустя не могут прийти в себя после взрыва только лишь двух бомб, а лауреат двух премий Нечай не видит ничего страшного и в сотне взрывов.

Читаю в свежем номере моего настольного «Военно-исторического журнала» статью доктора военных наук, профессора, генерал-майора Слипченко «Что будет без иконы?». Одну цитату осильте: «Особо следует подчеркнуть, что война с применением обычных средств поражения станет для нас неприемлемой. Если в этой войне мы не сможем наносить адекватные удары по континенту США, то такая война для нас будет проигранной, так как мы будем подвержены воздействию по всей территории, а до североамериканского континента мы ничем не достанем». И еще один совет генерала: «В войнах прошлого, для того, чтобы победить противника, требовалось разгромить его вооруженные силы, подорвать экономический потенциал и сокрушить политическую систему. Этого нельзя было достичь без оккупации. В войнах будущего оккупация вообще не нужна». Профессор в генеральских погонах руководит научно-исследовательским отделом Военной академии Генерального штаба, несет знания в широкие массы полковников и генералов. Я не знаю, как желание генерала достать североамериканский континент и нанести ему удар ядерным оружием соседствует с доктриной оборонительной достаточности, которой привержены Президент и, по крайней мере на словах, его министр обороны.

Я бы не хотел, чтобы эти и подобные им вопросы участники «семерки» стали задавать нашему Президенту во время предстоящей уже встречи в Лондоне. Отвечать на них будет нелегко. Хорошо, если не появятся новые.

P. S. Не скрою, мне трудно было быть первым в своих размышлениях по поводу «закрытого» заседания ВС СССР. Пока моя статья печаталась, вышел 26-й номер «Нового времени», в нем о парламентских страстях две статьи — Александра Пумпянского, главного редактора журнала, и Марины Шакиной, обозревателя. Из Пумпянского должен привести две цитаты. Первая: «Глава такого сугубо государственного ведомства, как КГБ, не может бросать тень на главу государства». Вторая: «Нарушив законы собственной службы и бросив вызов Президенту, В. А. Крючков не оставил выбора. Теперь он должен подать в отставку. Либо Президент должен его уволить».

По-моему, ясно, против кого мой коллега выступает, кого — защищает.

Теперь открываю «Правду» № 159, реплика секретаря ЦК КПСС Шеина. Цитирую: «Главный редактор еженедельника, по-видимому, решил, что Президент страны М. С. Горбачев не сможет без его помощи определить, кто из членов Совета Безопасности СССР и в какой степени соответствует занимаемой ими должности, о чем и поведал в достаточно бестактной форме...» Далее: «...считаю, что упомянутые публикации не только выходят за рамки журналистской этики, но и наносят моральный ущерб престижу главы государства и государственных органов власти и их руководителей».

Следуя секретарской логике, защищать Президента от оскорбительных нападок подчиненных ему госслужащих — бестактно и неэтично?

Спасибо за разъяснение.

Отдел искусств представляет:

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Государство, не дрогнув, берет у Русского музея деньги, «заработанные» 200 лет назад художником Боровиковским.

РОК-Н-РОЛЛ МЕРТВ

Нечаянная радость в дурдоме нашей музыки.

В реалиях русского рока были и наркотики, и водка, и прорыв к высокому искусству. Заметки с уникальной выставки.

Наталья СЕМЕНОВА,
Наталья ТРОЕПОЛЬСКАЯ

ПАСЫНОК БЛАГОРОДНЫХ КРОВЕЙ

Начнем с того, что открывались парадные двери. Облеченный государственным доверием швейцар откидывал на больших деревянных счетах костяшки — по числу входивших в роскошный вестибюль посетителей. Основанный 19 апреля 1895 года указом молодого Николая II Русский музей императора Александра III сразу попал под высочайший протекторат. Местом ему был определен поражавший современников благородством вкуса и гармонией пропорций Михайловский дворец. Переустройство под музей здания, перешедшего в ведение казны после смерти последней владелицы — великой княгини, обошлось той же казне в 540 тысяч полновесных золотых рублей.

До торжественного дня 7 марта 1898 года Петербург — столица империи! — своего музея национального искусства не имел, хотя подобные проекты выдвигались давно. Но, как это бывало в России, частная инициатива опередила государственную. Москвичи уже успели полюбить свою, почти домашнюю Третьяковку, переданную городу незабвенным Павлом Михайловичем. Десятилетиями, с заботой и тщанием создаваемая московская живописная коллекция по систематичности и подбору ушла далеко вперед от Русского, получившего в качестве «первоначального капитала» собрание картин и скульптур из императорского Эрмитажа и Академии художеств, Зимнего, Царскосельского и Гатчинского дворцов. Революция, как не трудно догадаться, оказалась для Русского музея началом новой эры в буквальном смысле. Фонды его пополнились невероятно...

Только появившись, Русский музей — как поздний, с трудом вынашиваемый ребенок — имел все то, чего было лишено большинство его собратьев. Сотрудники числились по ведомству министерства императорского двора, получали солидное жалованье и на пенсию уходили с чинами и в достатке. Третьяковка еще не украсилась нарядным васнецовским фасадом с Георгием Победоносцем, а Русский — в знак особого покровительства — охранял гербовый двуглавый орел.

...Он и поныне над Русским музеем. Только вход давно сбоку (весь Ленинград ходит с черного хода, да и парадный подъезд уже не выдерживает наплыва посетителей — куда там старые счеты!). Из нескончаемой анфилады залов открыто всего... Впрочем, нагляднее будет так: сегодня Русский музей имеет возможность показывать лишь 0,3% своих богатств. А экспонатов насчитывается 370 тысяч; в Третьяковке их, для сравнения, 70 тысяч. В реставрационных мастерских постоянно чего-нибудь не хватает; на сей раз подходят к концу запасы осетрового клея. Без него работа остановится. В хранилище живописи — очередная протечка.

В 1998 году Русскому музею исполнится сто лет. Министра культуры всей страны, слишком буквально, вероятно, понимающего принадлежность искусства народу, при посещении музея более всего волновало не бедственное положение «бывшего императорского», а не выносят ли чего. Выносят. Ведра с водой, с падающей штукатуркой. Произведения? Простите, Русский — музей старых традиций, почти аристократических. Здесь особые люди. Музейные люди вообще святые — уйти на пенсию в достатке при нашей-то власти не удавалось еще никому. На нее просто не уходят.

Судьба играет злые шутки. Тихая московская любимица Третьяковка теперь в правительственном браке. Главнейший наш музей, больше того — объединение, концерн, украшен государственными дотациями — валютными и деревянными. Но и она переживает трудные времена: опять не хватает денег и опять валюты; конца строительству не видно, основные фонды не экспонируются. Русский же за прошедшие десятилетия лишился императорского покровительства, собрал лучшую в стране коллекцию и перешел из разряда столичных музеев в провинциальные. Одно слово — пасынок.

Ленинград больше не Петербург, да и от Москвы далеко. Третьяковское начальство выбивает деньги напрямую у союзного начальства. Русский, хотя и «головной» в Российской республике, хотя и курирует еще 149 музеев (влачащих совсем уж жалкое существование), состоит в подчинении у нищего Министерства культуры РСФСР. У него разве что получишь — у самих денег нет. «В стране с валютой напряженно, крутитесь сами».

Из письма директора Государственного Русского музея В. А. Гусева Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину, Председателю Совета Министров РСФСР И. С. Силаеву, министру культуры РСФСР Ю. М. Соломину, председателю Ленсовета А. А. Собчаку: «...нельзя исключить возможность того, что... к своему 100-летию Русский музей может быть полностью и очень надолго закрыт для посетителей... Капитальный ремонт и полная ре-

Строгановский дворец. Фрагмент гравюры Бенжамена Патерсена. После 1808 года.

ОГОНЁК

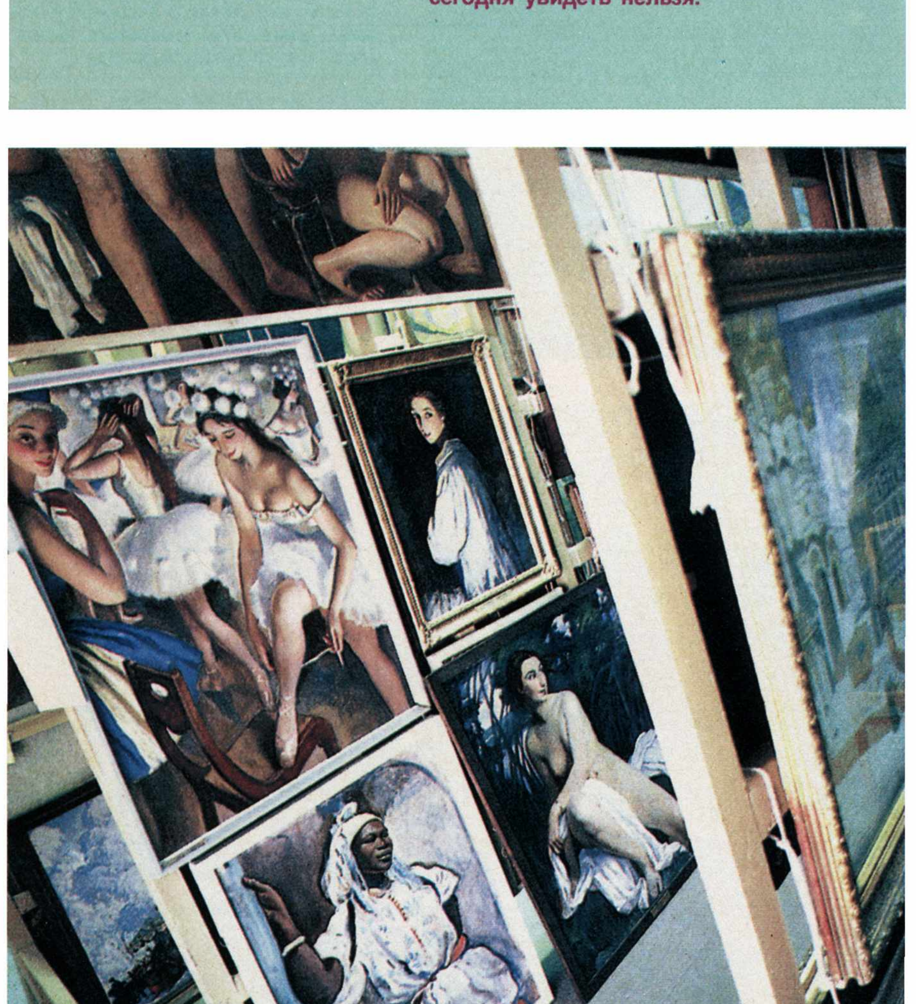
РУССКИЙ МУЗЕЙ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА и В. ФОМИНА

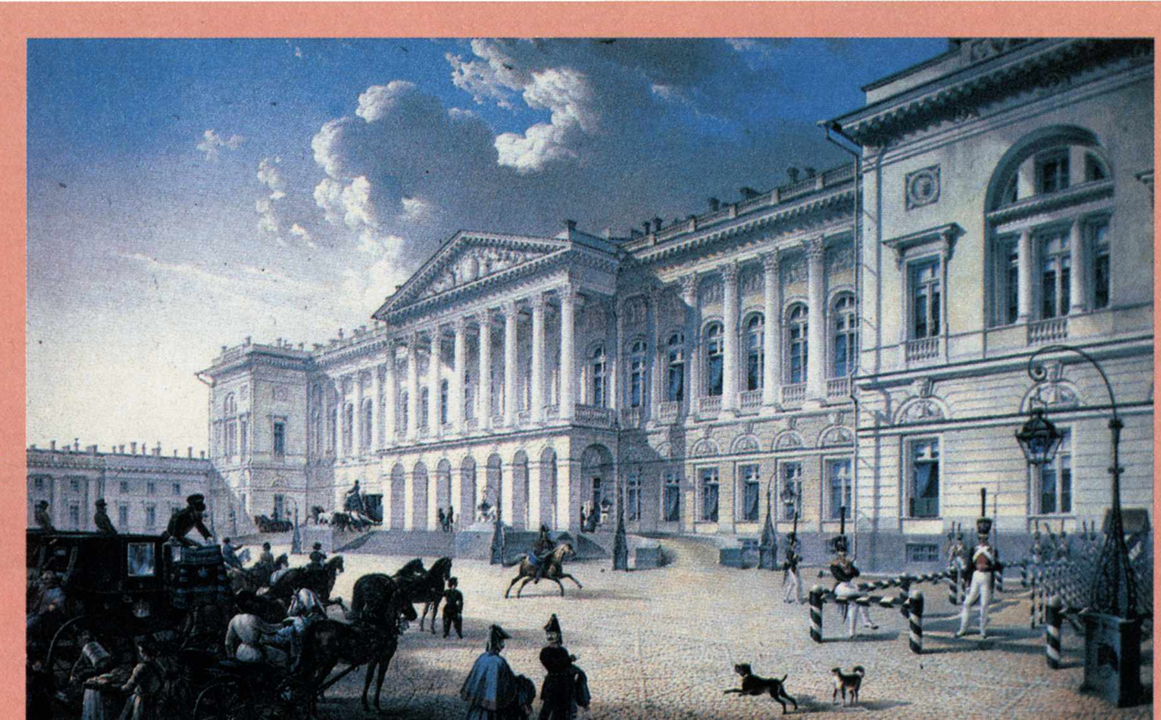

● Это крупнейшая в стране коллекция русского искусства, 99% которой сегодня увидеть нельзя.

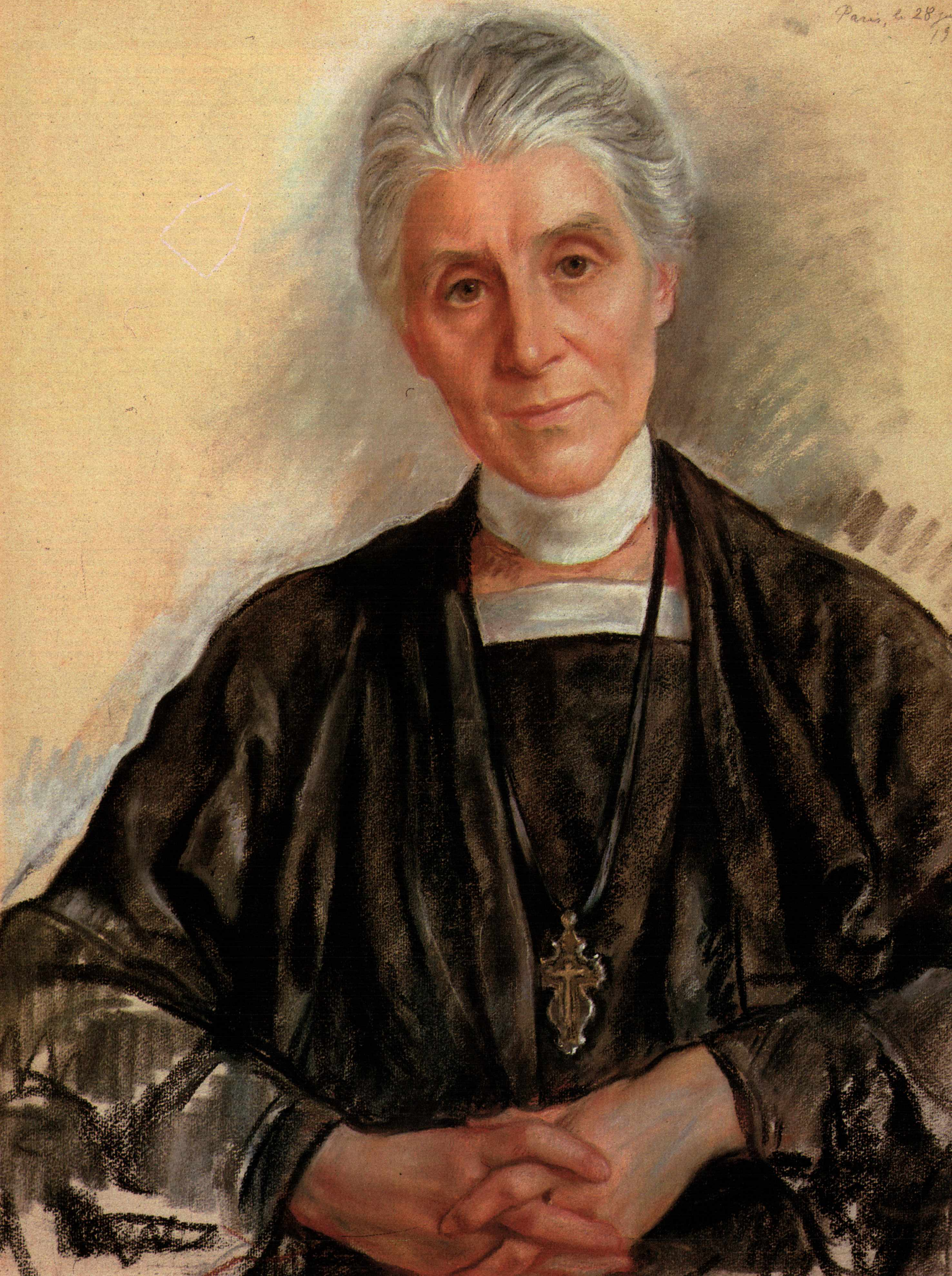

● Так выглядел Михайловский дворец в 1832 году. Гуашь К. П. Беггрова.

● Если не помочь Русскому музею, даже эти любимые всеми залы могут быть закрыты.

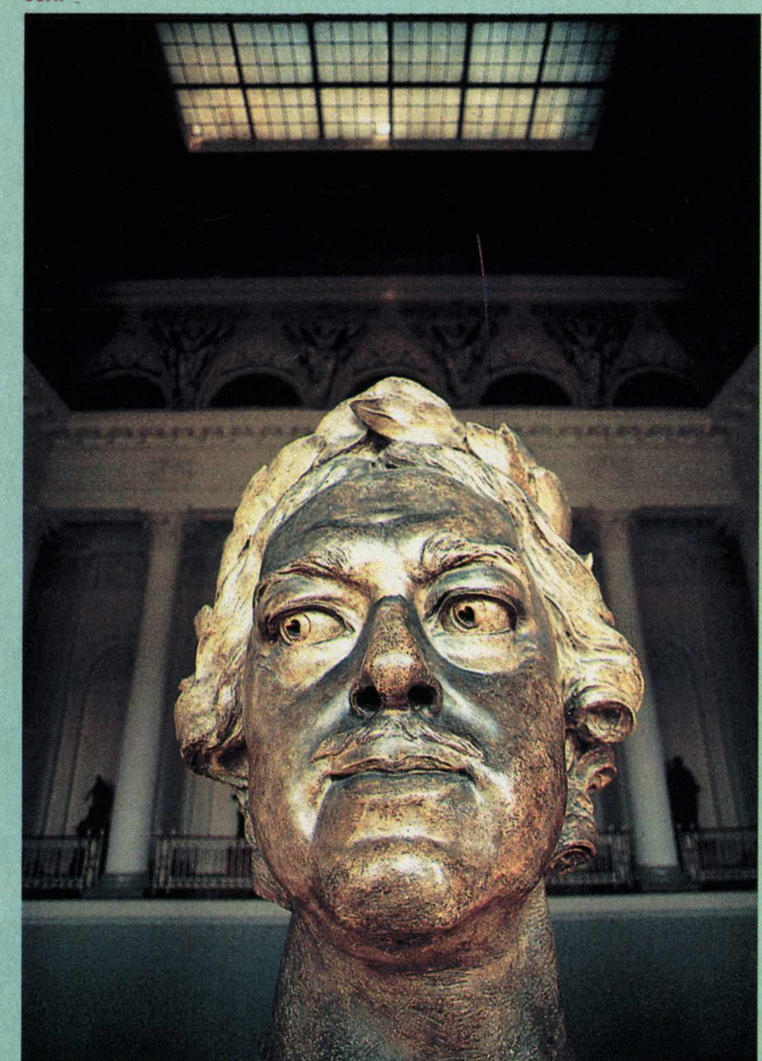
● Справа — Зинаида Серебрякова. Портрет С. М. Драгомировой.

Paris, le 28
19

● Что сказал бы грозный Петр I, увидев, как его потомки относятся к своему наследству?

● Филипп Малявин. Портрет Л. Д. Троцкого. Новое приобретение музея.

● Елена Александровна Иванова — заведующая отделом декоративно-прикладного искусства Государственного Русского музея.

ставрация зданий, входящих в основной комплекс ГРМ, не проводились с конца XIX века, инженерные сети и значительная часть строительных конструкций во дворцах находятся в аварийном состоянии».

Здания, о которых пишет директор музея,— гордость Петербурга.

МИХАЙЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ — законченный образец «благородного стиля ампир». Построен в 1819—1824 годах Карлом Росси для великого князя Михаила Павловича «со всей роскошью художественного замысла и единством идеи»,— как того желал его отец Павел I, повелевший со дня рождения своего младшего сына ежемесячно откладывать несколько сот рублей на постройку его дворца.

МИХАЙЛОВСКИЙ (ИНЖЕНЕРНЫЙ) ЗАМОК в 1797—1800 годах построен Винченцо Бренна по проекту Василия Баженова для Павла I у южной границы Летнего сада на месте деревянного дворца Елизаветы Петровны. Мощный, суровый замок оказался ненадежным убежищем для императора. После убийства Павла в 1801 году замок пустовал. В 1822 году перешел в распоряжение Инженерного ведомства и с тех пор стал называться Инженерным. В 1989 году передан ГРМ, но до сих пор окончательно не освобожден прежними арендаторами.

СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ построен в 1752—1754 годах Бартоломео Растрелли на углу Невского и Мойки для барона С. Г. Строганова. В начале 1790-х годов был перестроен Андреем Воронихиным. В барочном дворце елизаветинской эпохи сохранились копии фресок Рафаэля и второй по величине в Европе живописный плафон работы Джузеппе Валериани. В 1989 году передан ГРМ. Как и Инженерный замок, нуждается в реставрации.

Когда смотришь на макет будущего музейного комплекса, протянувшегося между Невским проспектом, набережной Мойки и Фонтанки, Летним садом и Марсовым полем, охватывает, право слово, смешанное чувство. Трудно забыть облупившиеся стены Строгановского дворца, прохудившуюся кровлю Михайловского дворца, перегороженные конторскими столами залы Инженерного замка. Но ясно, что без их возрождения не начнется вторая жизнь великого города.

При кажущейся фантастичности задуманного все вполне реально: подготовлены проекты, представлено технико-экономическое обоснование. Получается великолепная картина: во дворике Строгановского дворца ухоженный сад со скульптурой. В залах экспонируется то, что удалось вернуть из Строгановской галереи. В Инженерном — все внушительнее и грандиознее. В парадных залах «исполненного неожиданной силы и суровой красоты» замка, некогда со всех сторон окруженного водой, огромные полотна исторических живописцев. Галерея Рафаэля. Шпалеры — настенные ковры-картины, вытканные на Императорской мануфактуре в Петербурге.

Галерея русского фарфора. Парадные сервизы, вазы, статуэтки заводов Юсупова, Батенина, Попова, Гарднера, Императорского фарфорового завода. На другом этаже — религиозные картины русских художников, церковная утварь. Скульптура, мраморы и бронза отечественных ваятелей. В залах воссозданы интерьеры недолгой, «проникнутой меланхолией» Павла I эпохи, давшей изящную «павловскую» мебель и изысканный фарфор.

А портретная галерея русских исторических деятелей, созданная по образу и подобию Национальной портретной галереи в Лондоне? Идея ее отнюдь не английская. О ней мечтали еще в XIX веке, а в начале XX Александр Бенуа и Сергей Дягилев предложили организовать ее. Единственная в своем роде по широте и размаху Историко-художественная выставка русских портретов, устроенная в 1905 году в Таврическом дворце, давала тому реальную возможность. Почти сто портретов, бывших на той выставке, сегодня принадлежат музею. Галерея мальтийских кавалеров — магистром мальтийского ордена был сам император Павел — могла бы расположиться в предназначавшейся для нее Мраморной галерее. В необъятных просторах замка найдется место и для золотой кладовой, и для нумизматических коллекций. Наконец-то на свет Божий извлекут собрание русской портретной миниатюры, сложенной в коробочках в недоступных стороннему глазу ящиках старинных бюро...

Это только мечты, хотя, судя по планам, макетам, рисункам восстановленных (гипотетически) дворцов, музей готов к этой работе. Однако даже при наличии отсутствующих пока миллионов советских рублей, требуемых на реализацию задуманного и на возведение специального фондохранилища, ни одна строительная организация брать подряд за отечественные деньги не соглашается. Хотя бы треть, но в валюте! А валюту Русскому музею не выделяли никогда.

Между тем не сложно заметить, что все здания «комплекса ГРМ» построены итальянскими архитекторами. Взять хотя бы Строгановский — творение великого зодчего Растрелли. Потому-то итальянские фирмы и банки (ценящие и почитающие своих прославленных соотечественников) предлагают помощь. По их предварительным подсчетам, восстановление, скажем, Строгановского в его первозданном блеске обойдется в 27 миллионов долларов: кредит в 20 миллионов готовы предоставить иностранные партнеры, но 7 миллионов необходимо найти советской стороне. В таком случае не пройдет и двух лет, как засверкает новая музейная жемчужина. Мало того, Строгановский начнет приносить прибыль. Для чего в конце концов иностранные туристы приезжают в «богатый революционными традициями» город на Неве? Во всяком случае, не для знакомства с военно-промышленным комплексом. Всему миру давно известно, что индустрия туризма — одна из самых прибыльных (после печатания денег, разумеется) сфер бизнеса.

Проведение выставки Марка Шагала в 1985 году принесло Нью-Йорку 7,5 миллиона долларов.

Выставка работ Огюста Ренуара в Бостонском Музее изящных искусств принесла за 3 месяца 30 миллионов долларов местной сфере обслуживания. Выставка Винсента Ван Гога в Метрополитен-музее привлекла в Нью-Йорк 252 604 иногородних жителя, которые израсходовали 223 миллиона долларов на оплату гостиниц, питание, транспорт, развлечения.

На фоне кризиса в стране становится все труднее призывать к благотворительности. Но если правительство не хочет, не может выделить деньги на крупнейший музей России, быть может, отечественные бизнесмены захотят вложить средства в эти проекты?

В 1989 году промышленные корпорации США направили в сферу искусства 1 миллиард долларов, что в 45 раз превышает сумму, выделенную в 1967 году.

Честно говоря, при мысли обо всем этом поневоле начинаешь злиться. Уж очень мы любим последнее время вспоминать о традициях российского меценатства, бросаться словами о возрождении Отечества, о былой славе и гордости... Ну, вот оно, реальное дело, где есть все — возрождение, и меценатство, и, если хотите, бизнес. Большое дело, настоящее. Кто за него возьмется? Сам музей мало что может.

Впрочем, это не совсем так.

Когда программа «Время» рассказывала об одном из аукционов «Кристи», на котором шла с молотка русская живопись, корреспондент в очередной раз посетовал, что вот, мол, мы (читай — государство) опять ничего не купили из бывшего национального достояния. И только сотрудники Русского музея знали тогда, что это не так. Именно на этом аукционе Русский музей приобрел через посредников портрет князя Гагарина работы Ореста Кипренского, сочтя, что без него представление о живописце будет неполным.

Вообще с октября 1990 года музей истратил на закупку и пополнение коллекции за рубежом около 100 тысяч долларов; на «Сотби» куплены рисунки Ильи Репина, на «Кристи» — Бориса Григорьева и Филиппа Малявина. Или такая история: гражданка Соединенных Штатов Софья Александровна Исакова желает передать России домашнюю коллекцию, в которой, в частности, портреты Зинаиды Серебряковой. Спасибо ей огромное. Но чтобы получить дар, надо и в Америку съездить, и с пожилой соотечественницей поговорить. Интересно, какое министерство выделит на это валюту, если речь идет о даре не президенту и не Фонду культуры? Русский музей лишь за последние два года перекрыл все существовавшие до этого нормы зарубежных командировок сотрудников, справедливо полагая, что музейный работник должен, просто обязан ездить и смотреть. Кстати, благодаря одной только поездке по Италии было найдено немало великолепных произведений русских мастеров, пылившихся Бог знает где — даже в полицейских комиссариатах!

И все это самостоятельно. Нам по крайней мере неизвестен больше ни один советский музей — российский, нищий! — который, понимая, что от государства помощи не дождешься, бьется за свое существование сам. Причем беря за образец мировые нормы, что довольно сложно, поскольку наша страна музейной конвенции не подписывала. Раньше, например, издательство платило за один щелчок фотоаппарата 25—30 рублей и потом многократно использовало слайд с музейного произведения, ничего за это не платя.

Русский музей пытается действовать цивилизованно, исходя из своего музейного права.

15 лет назад положение американских музеев отчасти напоминало наше. Резко сократившееся государственное финансирование заставило музеи развивать коммерческие структуры, открывать свои магазины. Торговая площадь в музейных магазинах используется примерно в пять раз эффективнее, чем в обычных универмагах.

Можно представить, какие громы готовы обрушиться на голову директора Русского музея Владимира Гусева или его заместителя по коммерции Михаила Шавина в нашем невероятно ханжеском обществе. «Нельзя торговать искусством», «изгнать торгующих из храма»... Да ведь не искусством, а ради искусства.

Русский музей, начав заниматься коммерческой деятельностью с конца 1989 года, научился зарабатывать валюту на изданиях каталогов, книг, открыток. Русский музей научился проводить выставки на компенсационной основе, разумно сочетая возможность заработать деньги за демонстрацию шедевров за рубежом и благое дело пропаганды нашего искусства. Русский музей переводит свою огромную коллекцию на лазерные диски, и нет сомнения, что за этой технологией и будущее, и коммерческий успех. Русский музей открывает свой магазин, где будут продаваться изобразительная продукция, постеры, копии ювелирных изделий, мелкой пластики, фарфора... В Нью-Йорке уже существуют представительство Русского музея и издательство.

Русский музей учится выживать в обществе, которому, кажется, нет дела до музеев.

Чтобы сразу упредить ревнителей чужих доходов, приведем пункты расходов заработанной валюты в долларах.

Фотооборудование — 33 250; станки для обработки багета — 9 600; кисти, оборудование для реставрационных мастерских — 60 000; рамы для картин Репина — 17 500; копировальная техника — 32 292; лак для полов — 22 300; экспозиционно-выставочное оборудование — 200 000; изготовление печатной продукции — 22 500 и т. д.

Заметим, что даже лак для полов необходимо покупать за валюту, поскольку наш, отечественный, не выдерживает и месяца... Практически все приходится покупать самим: и упаковочные материалы (даже полиэтилена в стране нет!), и малую технику для ремонта — всего не перечислишь! Чтобы издавать альбомы мирового уровня, из каждого миллиона нужно 800 тысяч снова вложить в издательскую деятельность. В общем, все заработанное уходит на латание дыр, просто на существование.

Это хорошо звучит — «все заработанное». Вышеприведенный пример с издательством чисто метафорический. Потому что из миллиона, в среднем за год получаемого музеем, 800 тысяч аккуратно пригребает государство, то самое, которое ни цента не дает. Вот простейшая схема.

Допустим, в результате работы получен миллион в валюте. Из него 40 процентов — так называемый президентский налог. Из оставшихся — 61 отбирает государство в лице Министерства культуры СССР. Из оставшихся — 5 процентов отчисления в местный бюджет. Что же тогда остается?

Хочется напомнить, что такое компенсационные деньги. Это зарубежная сторона, получая, скажем, Боровиковского, платит музею за амортизацию работ. Ведь так или иначе всякое перемещение для холста не на пользу. Эти деньги могут пойти на реставрацию, улучшение хранения того же Боровиковского. Но нет, наш министр финансов, президент и все, кто утверждал эти законы, не дрогнув, берут деньги, заработанные... Боровиковским. Интересно, не жгут они государственный карман?

Из письма В. А. Гусева: «Музей, понимая сложность финансового положения в стране и трудности государственного дотирования строительства, капитального ремонта и восстановления музейных зданий и сооружений, самостоятельно выступил как участник внешнеэкономической деятельности, что приносит определенную выручку и позволяет удовлетворять текущие нужды музея.

В связи с этим мы просим содействовать освобождению музея от обязательной продажи валюты из валютной выручки от внешнеэкономической деятельности, а также от всех существующих валютных отчислений,— это позволит нам со временем самостоятельно финансировать хотя бы часть неотложных работ».

Мы не знаем пока, каковы будут практические меры Российского правительства. 14 июня состоялось совместное заседание Ленсовета и Министерства культуры РСФСР с участием А. А. Собчака и Ю. М. Соломина, на котором было принято решение о создании Международного центра Русской художественной культуры на базе Русского музея. Это была первая акция А. А. Собчака в новом качестве мэра. Однако вопрос о финансировании остается открытым. Но знаем только одно: если не найдется людей или организаций, готовых не подарить, а вложить средства в создание комплекса Русского музея, если государство не перестанет безжалостно обирать тот же музей, наша следующая статья будет состоять всего лишь из двух слов: «Стыдно, господа!»

ОН ВРЕДЕН ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

Владимир РЕКШАН

В силу печальных особенностей нашей действительности Владимир Рекшан давно должен бы занять место в музее современности по состоянию здоровья и души сорокалетнего поколения. В начале семидесятых он почти первым вступил на тропу советского рока с решительностью (и обреченностью) индейца, вышедшего с дротиком против «винчестера». Рекшан возглавил легендарную ленинградскую группу «Санкт-Петербург», получив на голову все шишки, что растут на древе совдействительности. «Санкт-Петербург» перестал существовать в самом начале эры подпольной магнитофонной записи, вынесшей на гребень известности «Машину времени», а чуть позже — «Аквариум» и «Зоопарк». Именно «Машина» в памяти народной и стала знаменовать отсчет отечественной рок-эпохи, оттеснив (по техническим причинам) Рекшана и «Санкт-Петербург» как бы в палеозой.

Но, в общем, принадлежность к ископаемым дала Рекшану нечто вроде лаврового венка, чтобы до старости понемногу щипать из него на суп. Но он не застыл за витриной, а усадил себя к письменному столу, за пишущую машинку и написал роман «Кайф». Опубликованный два года назад журналом «Нева», ироничный, смешной и умный «Кайф» оказался реваншем за поколение, которому подчас остается лишь зябко кутаться в джинсовую униформу на нашем ветру.

Конечно, Рекшан — рептилия ушедшего поколения, слоя и быта, и его джинсы и борода частенько мелькают в дыму ресторана ленинградского Дома писателей — этом оазисе несостоявшегося. Но он — пишущая, живущая, думающая рептилия, говорящая с миром без посредничества литобработчиков и интервьюеров.

Послушаем?

Д. ГУБИН

На наших глазах рок произвел электрогитаризацию всей страны. Через электрогитары процесс сознания подключается к мировой энергосистеме...

А. Вознесенский.

Ничего себе выставка! Вместо ленточки натянули колючую проволоку, начало экспозиции задрапировали полосами, склеенными из «Правды», которые первым посетителям предлагалось срывать, чтобы узнать правду истинную, а на выходе в пивном ларьке, расписанном «митьковскими» афоризмами типа «Пива есть», действительно выдавали по благотворительной бутылке ячменного!

С другой стороны, удовлетворение глубокое и скупая слеза: «Дожили, ейбогу дожили, есть что вспомнить и сказать: мы все-таки есть, как ни пляши, есть факт истории, явление и социально-музыкальный феномен длиною в четверть столетия!»

Итак, выставка «Реалии Русского Рока» — двадцать незабываемых дней в лучшем выставочном зале Питера с видом на Финский залив.

* * *

Реалии Русского Рока — это Реалии Русской Судьбы, и это правда, как и то, что в самих звуках, нотах, композициях русского рока нет ничего русского или, точнее, российского. Вся звуковая основа пришла Оттуда, создав неожиданно идеальную форму, которую вдруг наполнило оригинальное и сугубо отечественное содержание. Правильно пишут мыслители вроде врача Углова — рок вреден для здоровья. Да, он безусловно вреден, но не более чем сама русская жизнь.

* * *

Кроме Цоя, в поминальном зале полтора десятка стендов с фотографиями. С них на меня смотрят молодые и жизнерадостные, как правило, лица. Многих я знал лично и со многими дружил. Помню их голоса и интонации. Не помню всего доподлинно, но многое останется со мной навсегда. Помню Валеру Ч. из группы «За», его толковые суждения о музыке, и суждения «вообще», и то время, когда он отказался от диплома в университете и стал «дышать» пятновыводителем. Была такая мода, и тогда это мне казалось смешным. Но вдруг я узнал, что Валера пытался покончить с собой: взял два скальпеля, упер в стол и уронил на них голову, стараясь попасть скальпелями в глаза.

Он не умер, даже уцелел один глаз, но не уцелел разум. Он сам хвастался диагнозом: параноидальная шизофрения. Он стал страшен в общении, словно черные щупальца безумия душили тебя в его присутствии. Говорят, он пытался переложить на музыку Конституцию, озвучивая ее двумя аккордами параграф за параграфом и записывая на магнитофон.

Через несколько лет он умер на кухне своей однокомнатной, жарким летом, умер в одиночестве, и пришлось жильцам ломать дверь — страшный запах разложения проник в соседние квартиры.

Пусть немногие так кайфовали, но зато с реальным российским упорством. Несколько лет назад умер Александр Д. из популярных «Странных игр». Несколько отличных музыкантов отсидели сроки. Добрый мальчик с мягкой улыбкой, приличный поэт, сочинявший тексты для разных групп, попался милиции с двумя граммами «пластилина». Отделался легким испугом условного срока. Мальчик проскочил зрелость и стал похож на старика. Из ближайших друзей один побывал в исправительном доме, другой погиб.

Кайф Реалий Русского Рока поразбросал и покосил многих. Жора Ордановский, «звезда» начала 80-х, пропал без вести (в мирное-то время), и теперь каждый год Рок-клуб проводит концерт в его память...

Но не будем делать быстрых выводов. В Реалиях Русского Рока было все, что есть в жизни вообще, только, может быть, в более обостренном виде. Реальны наркомания и бражничество, но реальны подвижничество, чистота помыслов и прорыв, отнюдь не редкий, к высокому искусству.

* * *

Шесть лет назад о роке заговорили вдруг со скоростью и грохотом крупнокалиберного пулемета. Заговорили вдруг и разом, будто не было до того многих лет существования этого жанра в стране, будто не спас он своим независимым кайфом целое поколение в недрах однопартийного бровастого режима... Одни говорили, что рок уничтожает национальное, агент он чей-то, прибежище наркоманов и половых извращенцев. Другие доказывали, будто, наоборот, русский рок и подготовил перестройку. Говорили в самых неожиданных местах, даже на партийных пленумах, а в ленинградской писательской организации собрался седовласый ареопаг и долго слушал записи «Аквариума», пытаясь, похоже, ухватить за хвост актуальную тему нового веяния.

Я же, как действующая реалия, брожу сегодня по выставке «Реалии Русского Рока»...

* * *

До открытия этой выставки еще надо было дожить, зажечь ее идеей людей с кошельками, готовых оплатить аренду зала и стоимость оформительских работ. С кошельками в Питере туго. Зато были реалии — фотографии, афиши, судебные повестки, ломаные гитары, были энциклопедисты типа Андрея Бурлаки, помнящие все имена и события, был архитектор Володя Лемехов, сам реалия начала 70-х, и его братья Сергей и Леонид, и другие безумцы, готовые сократить себе жизнь ради сомнительных перспектив,— Сергей Щавинский и Владимир Терещенко, они же «кооп.» при Рок-клубе под неожиданно бразильской вывеской «РИО» (Рекламно-информационное объединение).

Сперва деньги нашли.

Работа пошла круто и кайфово, но после январской денежной реформы исчезли тугие кошельки и замаячило банкротство.

— Мы готовы ночь напролет и бесплатно! Не в деньгах счастье! — говорили Лемеховы, у Сергея Щавинского поседела борода, а у Владимира Терещенко на нервной почве сломались «Жигули».

Откуда-то появились новые деньги. Борода осталась седой, но «Жигули» поехали. Как это все странно и сложно у нас: чтобы сделать хоть что-то, надо совершить подвиг.

* * *

Лемеховы мечутся уже неделю без сна. Возле своего стенда с мольбертом задумчиво бродит Шевчук.

— Что рисуешь, Юра?

— Это будет портрет мамы,— отвечает ласково.

Сергей Лемехов буквально за час до открытия монтирует стенд «Санкт-Петербург», вывешивает потертый кожушок семидесятого года, рваные джинсы «Ли» тех же лет, чехол от гитары.

У «Аквариума», напротив, стеллажи уставлены сотней пустых бутылок. Сергей отзывает, щекочет усами, шепчет самолюбиво.

— Понимаешь,— говорит,— у них все пустое, они как бы пустые, выдохлись! А у нас будет одна, но полная.

— Брось ты,— смеюсь я.— Сколько она там продержится?!

— Нормально все будет, о'кей!— И ставит за стекло одну непочатую.

Сразу после открытия экспонат исчез.

* * *

Про Колю Васина надо говорить отдельно и долго, хотя кажется, что его должны знать все. Его все и знают, но все-таки в узком кругу. Двадцать один год назад Коля поздравил телеграммой Джона Леннона с тридцатилетием и получил в подарок от Джона посылку с автографом — круто! Когда замели нашу первую Поп-федерацию, Коля сбежал с драгоценным подарком в лес и пытался зарыть пластинку до лучших времен. У Коли Васина есть личная футболка Джона. Все про Битлз и много-много-много Реалий Русского Рока. Фактически в его коммунальной комнате уже существует музей Рока, точнее, и музей, и его запасники, и жилище хозяина-экскурсовода. На выставке Васину выделили зал в несколько раз больше коммуналки, и он развернулся. На самом деле его коммуналка вышла за пределы страны, и, будучи год назад по приглашению в Лондоне, он попал в парламент (жаль, не на заседание, но все-таки!) и, поднявшись туда, где спикают парламентарии, выкрикнул гордо: «Да здравствует русский рок!» Его отвезли в Америку, и в Лас-Вегасе он, переполненный энергией и восторгом,— при полном отсутствии вокальных данных! — пел под аккомпанемент большого оркестра классические рок-н-роллы. Это не ложь! Есть вещественные доказательства — реальные фотографии и статьи из тамошних газет.

Двадцать дней Коля Васин водил экскурсии по своему залу и протащил на выставку массу молодняка, тех, у которых не было двух рублей на входной билет. Благодарный молодняк спер у Коли Васина из экспозиции несколько редчайших книг, но все равно Коля был счастлив.

* * *

На закрытие почти не осталось сил. Пришло много публики и много своих. Временная прописка в рок-городе подходила к концу. Все были лихорадочно веселы, расставляли аппаратуру прямо среди экспонатов — предполагался концерт, попытка воскресить прошлое, те залы андеграунда, где не было сцен и рок-артист просто стоял перед зрителями, не поднятый, как сейчас, коммерцией на пьедесталы дворцов спорта, хотя, впрочем, деньги — штука хорошая и нужная всем. Уже бухал тактовый и строились гитары. В излишней веселости сквозила печаль, и я ушел от нее наверх, в поминальный зал, охваченный печалью скорого расставания. Там одиноко бродил Терещенко.

— Жив еще, реалия? — спросил я его, одинокого.— Заработал себе славу?

— Ага! — ответил глава кооператива «РИО».— Счета арестованы, вкладчики, ха-ха, разорены!

— Не может быть! Столько народу приходило!

— Брось ты, какие от них деньги. Билеты дали каких-то пятнадцать тысяч. Половина зрителей бесплатно прошла. Все ушло на рекламу. Бешеные деньги. Триста пятьдесят тысяч. Знаешь, кто нас чудом спас? Всесоюзное общество «Спасатель». Они в Спитаке людей из-под обломков спасали, а нас из-под Реалий Русского Рока. Половину расходов взяли на себя. Одна надежда на новый исполком, на нашу демократическую, законно избранную власть. Сам Щелканов, председатель, посетил выставку, прохаживался час, так скромно. Но я его узнал, и он обещал площадь под постоянную экспозицию.

* * *

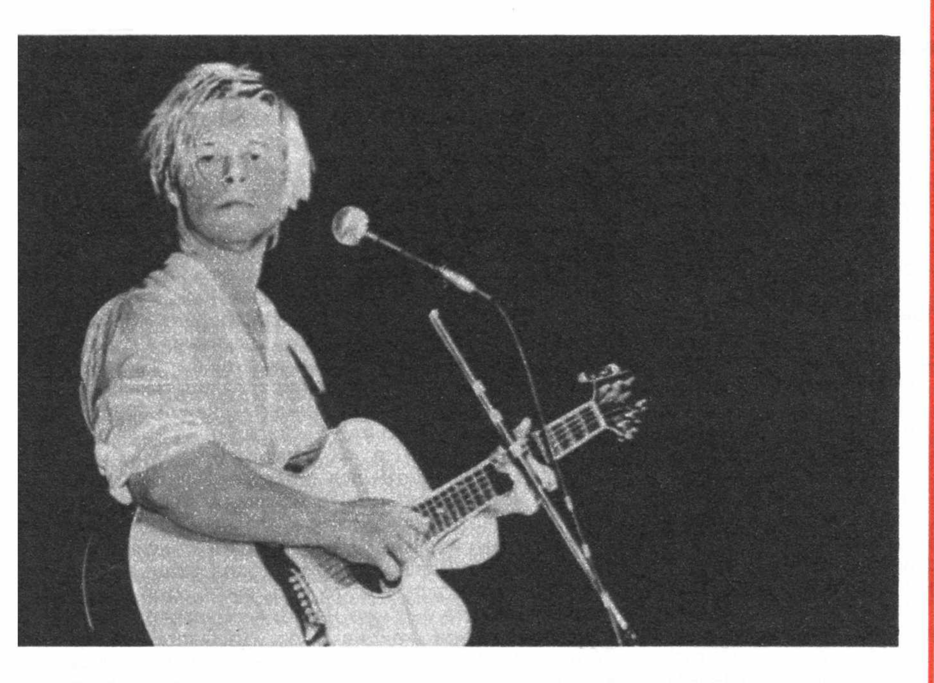
Сейчас ребята ударят по струнам и оживет вечно живой роковый «квадрат».

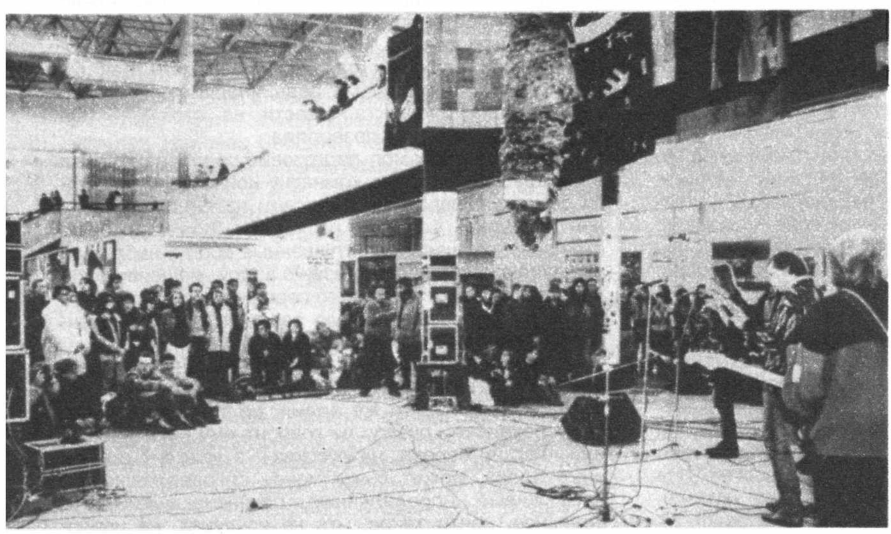
И ударяют. Мы ловим кайф. Мы вот-вот рухнем в клевость. И нам до слез жалко отсюда уезжать.

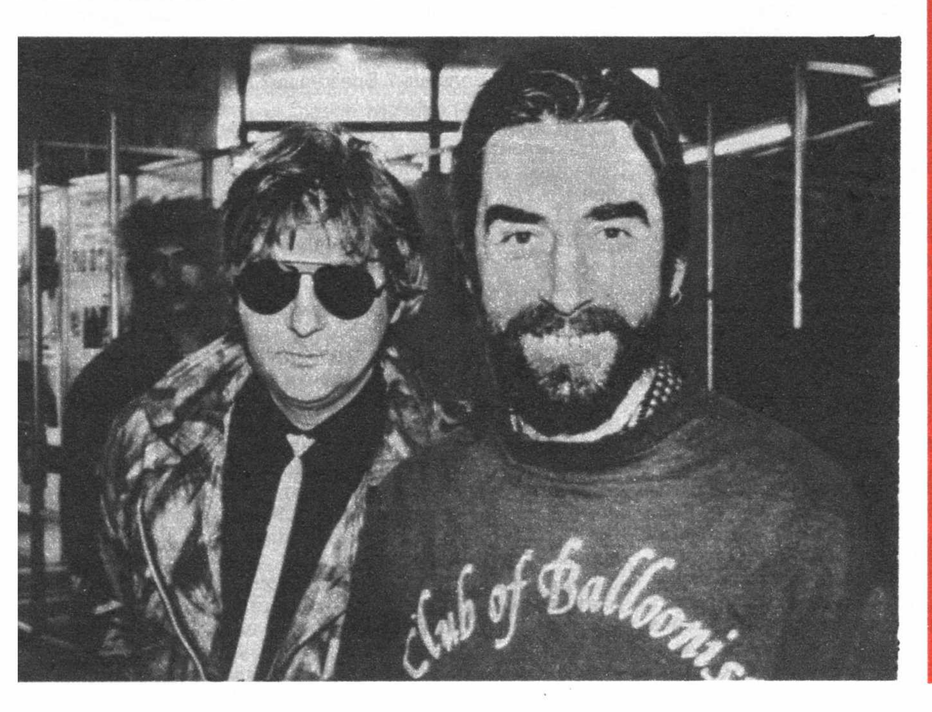
Где-то к полуночи я натыкаюсь на самого бородатого из «митьков». Он дышит громко, как большое и доброе животное.

— Дык, браток! — говорит он взволнованно.— Елы-палы, браток. Или нет?

— Да что ты! — плачу я.— Елы-палы, браток! Елы-палы и, конечно же, дык!

ОТКУДА ТАКИЕ?

Андрей МАКАРЕВИЧ

Скажите, вы слышали группу «Квартал»? Нет? Понятно. Ну хорошо, а что-нибудь о группе «Квартал» слышали? Тоже нет? Неудивительно. Полтора года назад я сам о них ничего не слышал. А мне-то уж как бы совсем непростительно. Но вот не слышал — и все. А потом мы встретились на борту теплохода «Эстония» во время конкурса, пардон, «Супруга-89». Ребята еще не заиграли — они только настраивались, и каждый пробовал свой инструмент. Тут я получил первый удар. Видите ли, сегодня группа, честно играющая живьем,— это уже редкость, мамонт из древних времен, их не много и они потихоньку вымирают поодиночке. Но я не об этом печальном феномене родной страны. Обычно в наших группах хорошо играет один, ну, два человека. Остальные как бы создают ему фон. Я впервые увидел команду, где все музыканты необыкновенно сильны и потому ощущают себя равными в своей музыке. Причем в любом музыкальном направлении, будь то свинг, реггей, блюз, рок-н-ролл, плавают как рыбы в воде.

Откуда такие взялись?

А потом они заиграли свои песни и стали моей любимой группой. Не хочу, не умею и не буду рассказывать о музыке словами. Культура, вкусность, изобретательность мелодий и аранжировок, потрясающе наивный и в то же время необыкновенно стильный вокал Тани Литвиненко — все это очень непохоже на то, к чему мы уже привыкли на нашей эстраде. Слова их песен, будучи напечатанными в виде стихов, возможно, вызвали бы у меня возражения. Но, вплетаясь в музыку, они живут совершенно естественно и органично — и возникает Красота — та самая, которой мы практически не видим. Ни в жизни, ни на сцене.

Первый вопрос, который я задал их шефу, композитору и клавишнику Артуру Пилявину,— почему же это их до сих пор нигде не слышно? Наивный я человек! Мягко улыбаясь, объяснил мне Артур, что и не рассчитывают на всенародную любовь — лишь на тех, кто эту Красоту готов увидеть. А работают много, песни сочиняют, выступают с концертами, только народ не очень-то ходит. «А раскрутка? А клипы?» — закричал я. Да нет, были клипы, и неплохие клипы (даже не представляю, на какие деньги они их сняли), и крутили эти клипы на ТВ. И что? Ничего.

А еще оказалось, что ребята все из разных концов страны,— кто из Братска, кто из Краснодара, и как и на что они умудряются жить в Москве, не имея ни квартир, ни прописки, ни пресловутых визиток для покупки еды,— не знаю.

Полгода назад собрались они с силами и средствами и устроили этакую презентацию группы «Квартал». Изумительно все было — и концерт, и фуршет. Приглашенные иностранцы отбили себе все ладони. «Мелодия» дала карт-бланш на выпуск альбома. Были цветы, поздравления. И что? Иностранцы отхлопали и уехали в свои Америки, пластинки пока не видно. Очень надо любить свое дело, чтобы не плюнуть на все и не пойти аккомпанирующим составом в какой-нибудь «Ласковый вечер». А там, кстати, и играть не надо — только ножкой дрыгать под фонограмму с макетом синтезатора, называемым в этих кругах «расческой», через плечо.

Да нет, я не про «Квартал» даже. Я ведь про нас всех. Что же это с нами творится? С нашими ушами? Конечно, понимаю — не может вся страна зачитываться, скажем, Бродским и торчать на Вивальди. Страна будет петь «Не сыпь мне соль на раны» и читать уголовную хронику в «Московском комсомольце». И что живем в дурдоме — понимаю, а стало быть, и любимая музыка несет отпечаток нашей общей клиники — все это тоже понимаю. И что с поднятием цен и прочими проблемами вообще становится не до этой самой музыки — понятно. И что забыли уже, какая она, Красота, на вид и на вкус, и атрофировался за ненадобностью тот орган, который на нее, Красоту, реагировал,— и это понимаю.

Но ведь не у всех же!

Ведь остались еще, несмотря ни на что, нормальные, почти не покалеченные! Так вот — меня распирает от желания поделиться с ними радостью:

— Есть и для вас группа!

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

Глава из повести
«УТРО И ВЕЧЕР»

НЕПРИКАЯННЫЙ

Ехать было надо на трех троллейбусах, но иногда удавалось на двух, если успеть на девятнадцатый, выходивший утром из парка. Он шел до центра по линии третьего, до начала собственного маршрута, как бы сам, вместо третьего, довозил себя до себя.

До Дзержинки ехали всякие разные, но от Дзержинки — одни технари. Это было ясно из разговоров, и по мере неуклонного приближения к своим НИИ и своим КБ они настраивались в резонанс, как бы заранее стремясь соответствовать. И если вначале еще трепыхались: «двадцать метров и кухня пять, он скорей запивать, а там то же самое, сотня сверху — это по-божески, гамма — как говоришь — глобулин?..» — то, выйдя на финишную прямую, на знаменитый Владимирский тракт, уже никак не могли устоять, поддавались его силовому полю, излучению многооконных зданий, надвигавшихся поочередными глыбами. И уже не разговоры звучали в троллейбусе, а словно бы легкий производственный шум, гул моторов и гироскопов, шелест упругих синек, стук и шорох мелка о доску. Зеленые импульсы и синусоиды вспыхивали в его атмосфере: «Переключаю ПТ на АП, и веришь ли? — никакого эффекта!..»

Лампы гасли, за окном становилось светло.

Славка выходил перед самым концом, когда никого уже не оставалось, а кто оставался — выходил вместе с ним. Пустой троллейбус тихо отчаливал, увозя какую-нибудь старушку или мать с закутанной маленькой девочкой, «не надо ясельки,- не надо ясельки» твердившей плаксиво и монотонно. Он шел направо по узкой тропинке, мимо одноэтажных домов и сараев и выныривал прямо у проходной. Часы показывали без четверти восемь.

Он работал уже почти полгода, но к этому все еще не привык. Хотелось сгладить этот момент, превратить его в пустую формальность. Он фальшиво улыбался девчонке-охраннице, как всегда улыбался контролерше в троллейбусе,— нет чтоб рассеянно и отчужденно сунуть под нос проездной билет. Девчонка взглядывала ему в лицо, явно не видя его улыбки, а легко и небрежно вскинутый пропуск, готовый так же легко опуститься, чуть притормаживала рукой и всерьез, действительно проверяла. Пять шагов до вертушки от двери он находился на подозрении, после вертушки оно снималось, но ему казалось, что это не все, что в нем еще, может быть, сомневаются, да и где-то внутри, на самом дне, оставалось смутное чувство виновности: подозреваемый всегда виноват, как всегда, несведущ экзаменуемый...

И вышло так, что на этот раз он сперва опоздал на свой девятнадцатый и ехать пришлось в переполненном третьем. Его притиснули в задний угол, он отступал, отступал и уперся в сиденье, и, конечно, садиться было не надо, но все получилось само собой. Круглый выступ толкнул его под коленки, он упал и уже остался сидеть, туго зажатый в узком пространстве, благо, он лишь и мог бы там уместиться. Тесно было и справа и слева, но справа, он сразу это почувствовал, тесней, намного тесней. Теснота справа была активной, она была угрожающей, она надвигалась. Почему-то сначала, косым взглядом, он увидел отвислые мокрые губы, а потом ощутил уже смрад перегара. «Шо, черняверький? — обрадовался мужик, с пьяной цепкостью и целенаправленностью ловя чуть заметное его движение.— У-веселишься? Нр-нравится тебе у нас в России? А? Чо молчишь, тебя спрашиваю? Язык проглотил? Или, может, не знаешь по-нашему? Ну? Ты мне по-еврейски скажи, я пойму, я вашего брата мно-о-го... Ну! Давай с тобой покалякаем, как там у вас? Сары-мары, маца-цаца»...

У них дома никогда не говорили об этом, даже этого слова не произносили, теперь было трудно себе представить, как удавалось его обходить. Тем более что «инвалидов» и «пятых пунктов», всех этих подпольных эквивалентов, предполагавших внутреннюю стесненность и, значит, внешнюю неправоту, отец тем более не признавал.

Отец гордился своим происхождением, все мамины родственники были просто родственники (вот, пожалуй, эквивалент), его же родня именовалась: казаки — хотя Славкин дед, отец отца, родился и умер в Третьем Церковном, в грязном кривом двухэтажном доме, с огромной помойкой в углу двора. Тетя Люда, впрочем, жила в Ростове («На Дону!» — с ударением приставлял отец), но приехала она туда из Москвы, на Ростсельмаш, по распределению. Отец был худ, невысок, не сказать, чтоб красив,— за что его только любили женщины, в том числе, конечно, и мама?

Да, вот именно, в том числе...

Глаза и волосы были у Славки мамины, в остальном же он больше походил на отца, но то ли сами эти отцовские черты, несмотря на бодрячество и казачество, не несли в себе ярких славянских признаков, то ли как-то трансформировались незаметно под напором неразбавленной восточной крови — но только разного рода курьезами он был обеспечен с обеих сторон.

Кем он был, русским или евреем? «Не имеет значения,— говорила мама, и лицо ее становилось торжественным.— У нас, ты же знаешь, все равны!» Почему-то Славке при этих словах представлялась очередь за мукой, бесконечно длинная и унылая, сам он ни разу в такой не выстаивал, у них была знакомая директорша булочной, но много раз с тоской наблюдал. В этой очереди, которая ему представлялась, стояли вперемежку евреи и русские и почему-то еще татары, друг от друга они отличались по цвету: татары были красные, как индейцы, евреи — черные, русские — белые. Они чередовались в строгом порядке: русский — еврей — татарин — русский, и каждому из маленького деревянного окошечка выдавали одинаковый серый пакет... Он довольно рано, еще при отце, почувствовал эту свою половинчатость, странность своего положения в мире. Он катался, катался, будто шарик в коробочке, и если поднимали ее правый край, то он перекатывался в левый, поднимали левый — перекатывался в правый. Конечно, бывали и периоды равновесия, наверное, даже их было больше и дольше по времени они продолжались, но память о крайних была острее и давала постоянное чувство неустойчивости. «Все мы — советские»,— говорила мама, и это звучало, как строчка из песни. «Net dlia nas ni chornyh, ni tsvetnyh!» — пел Робсон своим детским басом, и мама неизменно вытирала слезы и шептала, подрагивая губами: «Как ему, должно быть, приятно это петь! Приятно — и грустно. Ему ведь приходится туда возвращаться...»

«Все мы — советские! — говорила мама.— У нас нет ни евреев, ни русских». И Славка, хотя и явственно ощущал натяжку, несовместимость этих «равны» и «нет», все же с легкостью скатывался в эту лунку, она его тоже как будто устраивала. Но тут же, стоило ему выйти из дому, просто выйти на улицу, хлопнуть дверью, вдохнуть постороннего, не домашнего воздуха, как он чувствовал разочарование в этой песенной формуле, и не то чтобы она ему казалась неверной — но абстрактной, непригодной к употреблению. Он нуждался в заклинании — но только таком, чтобы бросить его в лицо оскорбителю, и тот бы смешался и отступил, отошел понуро и уже никогда... Но такого заклинания у него не было. Не было его, например, и у Гришки. Но зато у Гришки было другое.

Гришкины родители были стариками, старший его брат — намного старший — успел уже погибнуть во время войны. Он учился в Московской консерватории. «У Ямпольского,— говорил отец,— в одном классе с Ленькой Коганом. И можете мне поверить (он был со всеми на «вы»), что Эмика все считали способней. Ямпольский плакал, я сам это видел, он не хотел его отпускать. Но Эмик все же настоял на своем и пошел дирижером в военный оркестр, и даже до фронта он не доехал — их эшелон разбомбили в дороге... Нет, Ленька — большой артист, он многому научился за эти годы, но, уверяю вас, даже сейчас ему еще далеко до Эмика. У Когана полный, хороший звук, но он не умеет играть тихо. Это может Хейфец, ну и Менухин, но Эмик умел это лучше всех...»

Как-то однажды, после школьного вечера, они возвращались с Гришкой домой и уже на Ямской, бесфонарной и грязной, двое мужиков загородили им путь. Мужики были взрослые и почти непьяные, у одного через плечо, как солдатская скатка, была надета бухта веревки, толстой, он пригибался под тяжестью, у другого — такая же бухта ремней, какими обвязывают чемоданы. «Жидята!» — сказал один и гыкнул. Другой бормотнул: «Нагаек хотят».

Славка рыбкой метнулся в сторону, упал в грязь рукой и коленом, но тут же вскочил и успел отбежать, а Гришку они прижали к забору и стали стегать по лицу и рукам, мыча и примурлыкивая от удовольствия. Славка попрыгал, попрыгал вокруг и отчаянно ткнулся куда-то под локти, чтоб и его, чтоб и ему... Но они уже насытились, расступились и разом исчезли, как не было. Но было! Гришка стоял перед ним, ссутулившись, прислонившись к забору, и по лицу у него удивительно параллельно пролегали две явственные темные линии, казалось, они тут были всегда. «Что, здорово видно? — спросил Гришка влажным от слез шепотом.— Как бы мне теперь... от отца... Тут ведь, знаешь, достаточно мелочи. Два инфаркта, двести на сто...» — Он всхлипнул, тема ему позволяла.

И вот тогда, как мог, подготовив родителей, введя в их игрушечно-тесную комнатку криво улыбающегося сына, с синеватыми полосами на лице (на свету они оказались бледнее, не так уж, пожалуй, были страшны), слушая их приглушенные вопли, наблюдая их неуклюжие хлопоты (тазик с водой, мешочек с лекарствами, банка с какой-то серой мазью...), тогда-то он ощутил впервые полную свою от них отчужденность. Господи, и от них тоже!..

Старик бормотал, бормотал непрерывно, ласково, ровно, миротворительно, и Славка, не понимая ни слова, понимал в то же время, не сомневался, что он, успокаивая Гришку, не говорит ему «все равны» или «нет ни евреев, ни русских», а находит совсем иные слова, может быть, менее справедливые, но зато живые, определенные, обозначающие нечто реальное, нечто такое, что не исчезнет, не испортится от дневного света и уличного холодного воздуха...

— Ну что молчишь? Брезгуешь? Как кровь нашу... Так... а так...

Над ними, в притиснутой к ним толпе возникала внимательная тишина, не сплошная — урывками, до остановки, торопливое любопытство проезжих людей.

— Ты чего, ирод, к парню пристал? Надрался с утра, так сиди помалкивай!

Он не поднял глаз. Голос старушечий. Бабушка. Тут бы и успокоиться, тут бы и почувствовать ему равновесие, но он еще прежде принял решение, вспомнил, как надо, ему рассказывали. Он с трудом приподнял вялое тело, отклонился, как мог, от мерзких коленей и с ходу, не дав себе больше подумать, полупрямой рукой, без размаха, чувствуя свою от нее отдельность, пальцами, не сжимающимися в кулак, как во сне, ткнулся во что-то мокрое...

Вышло ужасно. Их разнимали. Чьи-то сильные чужие руки, действуя телом его, как тараном, его плечом расслоили толпу и вытолкнули его из троллейбуса, там, на воле еще подержав, пока он не привык стоять без опоры.

Следующий троллейбус он пропустил — чтоб не ехать с этими, с остановки, свидетелями его позора, а в третьем, в который он нехотя влез, и потом, от Дзержинки, на девятнадцатом, он уже был другим человеком, на лица поглядывал с недоверием, с опа-

ской, мельком, исподтишка — все они были на подозрении. Он уже не мог ни о чем другом... И вот, обсасывая эту боль, обкатывая бережно и всесторонне, языком пробуя каждую грань, он вдруг, уже входя в проходную, почувствовал резкую острую горечь, такую, что ничем не заесть. Он понял внезапно, что все это время, с самого начала, с первого мгновения...

— Пропуск! — Он стоял у вертушки, сзади напирали, девчонка ждала. В правом кармане пропуска не было, в левый он никогда не клал. Ну что ж, мало ли... В левом не было. Сзади напирали и нервно дергались. Он спиной, потом боком, потом уже грудью, мимо выставленных рук и осуждающих взглядов, протиснулся и снова оказался на улице. Да что ж они все, сговорились, что ли? Он повернулся спиной к проходящим, он прекрасно знал эти легкие взгляды, эту снисходительность несочувствия, бесконечную дистанцию превосходства между имеющим и потерявшим. Все содержимое всех карманов: записные книжки, бумажки с адресами, записи каких-то головоломок, проездной билет, билеты в кино, схема приемника на УКВ — все ненужное или нужное прежде было найдено уже по нескольку раз, и если он еще на что-то надеялся, продолжая поспешно, в какой-то конвульсии, тыкаться в тупики карманов, то не на то, что он мог пропустить и вот теперь, наконец, обнаружит, а на то, что эта красная книжечка, никому ведь, кроме него, не нужная, сжалится над ним, сама осознает и появится там, где ее прежде не было...

Начальник охраны с хорошей фамилией Собакин — сначала надо к нему. Славка будет стоять, он будет сидеть, задавать идиотские свои вопросы. «А может, ты передал врагу, и враг проникнет на территорию (он произносит «можеть» и «врах»). А у нас, ты знаешь, какой объект, инструктаж проходил или, может, не помнишь, может, в первый отдел тебя отослать, там, знаешь, не то, что со мной, там могут уже и под суд. Потерял? Что ж, хорошо, потерял. А если враг этот пропуск найдет, а может, даже уже и нашел, вот мы сидим здесь, мирно беседуем (ты-то сидишь, подумает Славка), а враг уже бродит по территории, узнает государственные секреты и, может, уже кое-что и выведал?»

Господи, какие секреты?! Если где-то и есть, то уж здесь-то точно... Схемы пятнадцатилетней давности, да еще цельносодранные с американских. Двухтомник «Основы телемеханики» Массачусетской школы радара, перевод сорок четвертого года — и то получаем в первом отделе, добро еще с одинарным грифом! Но этого Славка ему не скажет, а будет тоскливо ждать конца. Двадцать минут, меньше не выйдет. Наконец Собакину надоест, он снимет трубку, станет звонить начальству, но только не Вере Андреевне, а в отдел, Перелыгину, того не найдут, тогда он согласится на заместителя. Тут, знаете, один ваш герой... Потом заместитель свяжется с Верой...

Он шел назад по своей тропинке, перебирал пустыми ногами и ясно чувствовал это «назад» в вялости неубежденного тела, в сопротивлении плотного воздуха, в тревожном отсутствии видимой цели.

От тропинки ответвлялась еще тропинка, он пошел между яблонь, пришел к сараю, сел на поленницу, под самой крышей, с легким неосознанным сожалением обломив головой стекляшки сосулек. Капля закралась за воротник, проползла по спине ледяной букашкой. Он поежился и отодвинулся, и вдруг понял, что надо делать. Первую сосульку он отломил у верхушки, осмотрел этот гладко-корявый камушек, сунул в рот, пососал, разгрыз. Ничего, оказалось вполне съедобно. Вторую он отхватил смелее, вместе с куском примерзшего толя, грыз, перекладывая из руки в руку, стараясь глотать куски покрупнее, мотал головой, обжигая горло. Еще отломил, засунул за шиворот, потом подвигал, подвигал лопатками, разместил на спине этот гладкий холод, почувствовал с радостью, как намокает майка.

В троллейбусе он стоял, не садился, хотя все места оставались свободными, изгибался толчками и перекручивался, то отслаивая от себя одежду, то плашмя, всем телом к ней прижимаясь. Ему показалось, уже знобит, но, конечно, этого быть не могло, это он просто дрожал от холода. Домой ему пока не хотелось, да и знал он спасительное это тепло: придет, переоденется в сухое и чистое, закутается в мягкое одеяло, напьется горячего крепкого чаю, возьмет книжечку поуютней — и все, попался, пиши пропало: здоров! Он вышел на какой-то промежуточной остановке, за Рогожской, но еще вдалеке от центра, пошел по узкому тротуару мимо тесных обшарпанных зданий, с узкими витринами магазинчиков. В молочных бутылках белела соль, насыпанная впопыхах, с перекосом, откровенно обнажавшим ее зернистость. На пустые бутылки из-под шампанского были надеты фольговые шапочки, плохо обжатые — вот-вот слетят. Бутылки же с минеральной водой сохранялись в подлинном своем виде, неоткупоренные и целые, так же щедро наполненные ничем, как год или пять назад. И снова бутылки, но только маленькие, не бутылки — бутылочки: пузырьки. Духи — это то, что дарят маме. Отец это делал с большой помпой: «А что я тебе... А что у меня...» И тут его вдруг опять шибануло, как еще недавно там, в проходной, и он завертелся в темном пространстве, пытаясь определить на ощупь, откуда эта странная боль: работа, пропуск? — нет, не это, с этим было уже покончено, саднило, но привычно уже и терпимо, а то было где-то вблизи о т ц а, расходилось кругами от этого слова, и так, отходя, рассекая круги, тяжело вздымаясь на каждой волне, он плыл, и доплыл, наконец, и уткнулся — и это было внутри него. Да, всегда, всегда, всегда — не только в детстве, что очевидно, но и теперь, сегодня утром, с этим пьяным идиотом, уже принимая, уже реагируя,— он все еще полностью не принимал, все еще оставлял себе маленький хвостик, короткий, но важный такой отросточек, и там тихонько, свернувшись клубочком,— мыслишка, надеждица, ощущеньице? — что он ведь не тот, он ведь не полностью, и даже скорее наоборот, и сейчас это выяснится, и в паспорте...

«Господи,— подумал он,— ну зачем! Быть бы ему уже тем или этим. Или жить бы, допустим, в такой стране, где жили бы только одни полукровки. А дети их были бы к в а р т е р о н ы — красиво звучит, как барон или граф. Или нет, как же? Так не выходит, дети бы тоже наполовину... А родители? Мама? — Ее не пустят. Скажут: «Русская? Целиком? Нельзя! Еврейка? Тогда тем более!»

Принимал Богданович, хороший врач, единственный, пожалуй, во всей поликлинике, резкий, грубый, заметно чокнутый, инвалид войны и искатель правды. Он орал на всех, в том числе на начальство, за что его, как говорила мама, давно уже собирались уволить, готовили собрание с осуждением. «Садись! — сказал он.— Так. Давай. Карточки нет? Потом принесешь. Работаешь, учишься? Бюллетень захотел? — Он ткнул свои пальцы Славке под челюсть, посмотрел горло, пощупал пульс.— Так, повышена. Не надо, не надо, не снимай ничего, задери рубашку... Ну, парень, ну ты даешь! Ты что, купался? Не рано ли начал?» — «Вспотел...» — с трудом процедил Славка. «Брось, ты мне голову не морочь. Вспотел! Снегу небось накидал! Однако и быстро же ты сработал. Смотри, Валюш, какой реактивный, с утра кинул снегу за шиворот — и вот, на́ тебе, как по заказу! Или еще пожевал чуток? А ну, честно говори — пожевал?» Давно он не испытывал такого позора, с какого-то дальнего пункта в детстве, с какого-то поворота на взрослость, но во взрослой жизни никогда не испытывал. Тут — он понял уже с опозданием — надо было держаться легко и шутливо, почти на равных, мол, все чепуха, ну и кинул, поди докажи — но только не так, как он себя вел, не стоять молча, тряся губами, не заправлять рубашку и майку из-под надетого пиджака, не краснеть до пота, до льющихся капель...

«На,— сказал Богданович,— больничный и чтоб ко мне никогда, ни ногой. На фронте, знаешь, куда таких? Самострельщиков, членовредителей? Полощи горло и много не ешь. Обожрешься — получишь еще пневмонию. И в сухое переоденься, болван!» — это он крикнул ему уже вслед, в открытую дверь, так что слышали в холле...

Пропуск, конечно, лежал за подкладкой, карман отошел аккуратно по шву, и Славка, ощупав угол пальто, бессильно откинулся на подушку. Собственная глупость его убивала.

Две полных недели он провалялся: пневмония, накаркал старый болтун. Две недели никого, кроме мамы, не видел, и только однажды зашел к нему Гришка, в пиджаке, при галстуке, остроносый — ему бы очень пришлись очки, но зрение было у него, как ни странно, отличное. Он учился вечером в институте связи, работал в радиомастерской, видимо, попивал-погуливал, набирался бодрости и здоровья и, только заговаривая о родителях, все-таки проявлял в себе прежнего Гришку, становился как бы беднее голосом и поглядывал влажно и неуверенно. Чувствовалось, что это в нем навсегда, что этого уже ничем не вытравишь. И Славка не то чтобы ему завидовал, чему уж тут было, такая обуза, но испытывал какую-то неясную жалость... И не к родителям Гришки — жалость к себе.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Леонид ПЛЕШАКОВ

— Вы спрашиваете, почему я «здесь». Вы сначала спросите, почему я оказался «там», тогда будет легче ответить на ваш вопрос...

Мистер Кислин, американский миллионер, а двадцать лет назад — наш соотечественник и житель Одессы, смотрит на меня так, словно ждет, когда я задам ему предложенный им самим вопрос. И я, конечно же, спрашиваю, почему он оказался «там».

МИСТЕР КИСЛИН ИЩЕТ ПАРТНЕРОВ

— А потому,— говорит мистер Кислин,— что в какой-то момент я понял: тут мне просто не жить. В том смысле, что жить-то я буду и, может быть, даже процветать, но передо мной всегда будет стоять стена, обойти которую не удастся. А для меня, моего характера, это было невыносимо. Хотя внешне может показаться, что ничего особенного не происходило. Все было просто, обычно, привычно и как-то даже скучно.

Представьте себе, что я окончил Плехановский институт в Москве и пошел по торговой части. Все было хорошо, и через какое-то время я стал директором гастронома номер один в Одессе. Того, что на Дерибасовской, в самом центре города. Кто знает Одессу, тот поймет, что это такое. И кто ее не знает — поймет тоже, потому что быть директором главного гастронома города — это большой пост в нашей стране. Я имею в виду: в вашей стране. Но мне всего тридцать пять, и у меня свои виды на собственную карьеру. Мне этого мало, и кажется, что я способен на большее. И тут как раз освобождается место начальника Управления гастрономов города, и мне намекают, что я вполне подходящая кандидатура. Да я и сам знаю, что вполне подхожу для такой должности. Клянусь чем угодно, я не преувеличиваю своих способностей. Мне нравилось работать в торговле, и это дело у меня получалось.

В общем, меня вызывают во всякие организации, беседуют. Дают понять, что моя кандидатура всех устраивает, и знакомые уже поздравляют меня с предстоящим назначением. А потом вдруг бац — я узнаю, что на эту должность назначили другого. Ничего не могу сказать о нем плохого: наверное, он очень даже хороший человек. Зато в торговле, уж это я знаю точно, я разбираюсь лучше. Хочу узнать, почему так случилось. Говорят что-то невнятное. Мол, у моего конкурента есть заслуги — он был до того, по-моему, военным моряком. Что у него организационный талант...

Пошла какая-то муть, из которой мне стало ясно одно: директор гастронома — мой потолок. Вниз — можно, вверх — уже нельзя.

И я решил: да гори все синим огнем. Не устраиваю вас — найду себе применение в другом месте.

А дальше, понимаете, все было просто и обычно: какие-то там родственники прислали вызов на предмет воссоединения семьи, быстренько собрался и полетел за океан.

— Всей семьей?

— Конечно. Жена, дочь семи лет и восьмимесячный сынишка. Возражала ли жена? Нет, не возражала. Она на три года моложе меня, и живем вместе уже тридцать один год. Она меня понимает, я ее понимаю. «Ноу проблем», как говорят американцы. Дай Бог каждому.

Вот так в 1970 году я оказался в Америке, и одессита Сему Кислина стали называть «мистер Кислин». Между прочим, почему, собственно, мы должны говорить с вами друг другу «мистер» и «господин»? Ну какой я вам «мистер», а вы мне «господин»? Ведь мы у себя на родине. Правда? Чего уж там?

— Хорошо, Семен Захарович, прилетели вы в...

— Нью-йоркский аэропорт имени Кеннеди. Шум, гам, народу! Полиция, таможенники, чиновники из «иммигрейшен». Ждем, пока нас оформят. Тут жена мне и говорит: «Семен, ты что, не видишь — дети хотят есть, пойди купи молока!» Хорошо сказать «купи». В кармане у меня 86 долларов — хватит. Но нас никто не встречает, а по-английски я знаю только два слова: «О'кей!»

— Это одно слово.

— Вот видишь, тогда я не знал даже этого. Но все равно, жена послала — пошел. Вижу, стоит негр, спрашиваю по-русски, где, мол, тут можно молока купить. Он от удивления глаза таращит, не понимает. Тут вижу на столиках стоят такие маленькие пластмассовые коробочки со сливками, берешь, допустим, чашечку черного кофе и выливаешь в него сливки из этой коробочки, там, может, и сливок-то две чайные ложки. Кофе бесплатно, сливки бесплатно — пока ждешь оформления, бери и пей. Так вот, набрал я этих сливок две жмени, сколько мог унести. Выпустил все в стакан, дал детям. Дочка выпила, говорит: очень вкусное молоко...

— Итак, вы оказались «там». Что было дальше?

— Обосновался я в городе Бостоне, штат Массачусетс. Это на Атлантическом побережье. Знакомые советуют: осмотрись, подыщи хорошую работу по специальности... Какая, думаю, специальность, если я языка не знаю. И что значит осмотрись, когда мне семью кормить надо. Мне всего тридцать пять, силы есть, здоровье есть, работы я никогда не боялся: что предложат — туда и пойду. Там и «осмотрюсь», что это за Америка такая. Первая моя должность — подсобный рабочий в супермаркете. Ну это, как наш гастроном — только во много раз больше, и выбор продуктов, конечно, не сравнить. Подсобный рабочий — это всем понятно: разгружал машины, привозившие продукты, подавал их в торговый зал. Потом поставили на сортировку и расфасовку капусты. Ее привозят практически прямо от фермеров с поля. Подают на второй этаж нашего магазина. Тут такие, как я, срубают тесаком верхние листья, кочерыжку, пакуют в пластиковую сеточку, взвешивают на электронных весах и, прилепив ярлычок с ценой, бросают на транспортер. По нему капуста попадает на первый этаж в торговый зал. Короче, работа — проще не придумаешь. И платят вроде бы вполне прилично — два доллара шестьдесят центов в час. Больше двадцати долларов в день, сто два доллара в неделю. Не густо, но жить вполне можно. С той поры доллар подешевел, между прочим, раза в четыре, или даже в пять, или, можно сказать, в четыре-пять раз выросли цены — считай, как тебе удобно.

Так вот, обрубаю я как-то эти самые капустные листья, вдруг подходит ко мне администратор овощного отдела с целой охапкой сеточек с кочанами, спрашивает: «Твоя работа?» «Моя»,— говорю. «Очень плохо работаешь. Почему так много мятых листьев оставляешь, да еще и подпорченных?» Рвет он мои сеточки и давай ножом срезать листья — они только отлетают. «Простите, мистер,— говорю я,— эдак у вас останется всего полкочана». «Правильно,— отвечает,— но если, придя домой, покупатель обнаружит на нашей капусте хоть одно гнилое пятнышко, в следующий раз он отправится за покупкой к нашим соседям. Потерять лишних пять капустных листьев — не страшно. Страшно потерять клиента». У нас, в Одессе, как понимаете, поступали немножко по-другому.

Это был первый урок, который я получил в американской торговле: главное лицо не продавец, а покупатель-диктатор. Он заказывает музыку.

Но мне в моем супермаркете быстро надоело. Каждый день одно и то же, и потом все-таки с дипломом Плехановского как-то неудобно таскать ящики и кромсать капустные листья. И тут жена сообщает, что слышала от соседки, будто на бензозаправочной станции можно очень хорошо заработать на мытье машин. За одну машину платят долларов пятьдесят — шестьдесят, а за день можно помыть шесть или даже семь. Действительно, думаю я себе, можно хорошо заработать. Если американцы могут вымыть за смену шесть-семь машин, чем я хуже? Молодой, силы есть, могу прихватить и вторую смену. Вымою машин двенадцать, а то и все пятнадцать — сразу куча денег. В общем, на следующее утро я уже мыл машины на соседней бензоколонке.

Работка не хитрая. Сначала смываешь грязь водой, потом в ход идут всякие там моющие средства, химикаты, специальные жидкости. А в завершение — специальной такой штуковиной с вращающимися щетками машину полируешь, и она начинает сиять как новенькая. Все механизировано. Все на электрических моторчиках. Но к вечеру я едва-едва одолел два автомобиля и от усталости не чувствовал ни рук, ни ног. Разламывалась спина. Кое-как добрался домой. Конечно, теоретически можно за день вымыть и шесть, и восемь машин. Наверное, кто-то это и делает. Но практически, как говорят у нас в Одессе, это три большие разницы. К тому же, когда на другой день я явился на работу, хозяин бензоколонки говорит: «Ты вчера плохо помыл машины. Один из клиентов пожаловался на два матовых пятнышка на дверце». И я понял: хорошего мойщика машин из меня не получится.

И тут знакомый предложил пойти работать в винный магазин. Хороший такой магазинчик в центре города. Сам маленький, а выбор — с ума сойти можно: виски, водка, коньяки, ликеры — на любой вкус. С утра привезут товар, выгрузишь ящики, расставишь бутылки на полки, а потом целый день практически делать нечего, обмахиваешь пыль такой специальной метелочкой из перьев или тряпочкой протираешь. Покупатели появляются только к вечеру, когда возвращаются с работы домой. Тут более или менее и идет торговля, час-два. Остальное время — не бей лежачего, а платят двести долларов в неделю. Все неплохо, но от безделья можно с тоски сдохнуть. Это не по моему характеру. Думаю, надо искать другое место. Хозяин говорит: «Не уходи, через полгода я тебе накину полсотни в неделю».

А меня не деньги — меня масштаб не устраивал! Тут как раз появилась вакансия ассистента менеджера — по-нашему, заместителя директора — большого супермаркета компании «Файн Фуд», которой принадлежала целая сеть из трехсот или, может быть, трехсот пятидесяти подобных супермаркетов в шести штатах Атлантического побережья США. Но сначала меня послали поучиться на специальные курсы менеджеров. Учиться надо год, мне хватило шести месяцев: все-таки за плечами институт, многие дисциплины известны, а новый материал относительно торговли и рыночных отношений в Америке мне дался легко. К этому времени я уже более или менее английский язык освоил.

Короче, вскоре я стал ассистентом менеджера крупного супермаркета, который в месяц давал миллион долларов выручки. Раньше в нашем гастрономе на Дерибасовской мы наторговывали дай Бог на три миллиона рублей в год. Сами понимаете, и масштаб, и ассортимент, и зарплата — иные. Я, естественно, кручусь, стараюсь работать получше, чтобы оправдать доверие. Все вроде бы хорошо.

Но вот однажды, под вечер, сижу я у себя, подсчитываю выручку за день, а мне сообщают: вас вызывает к себе мистер Гринберг. Это член правления нашей компании — очень большое начальство. Зачем, думаю, я ему понадобился?

Прихожу. Мистер Гринберг заказывает нам двоим кофе. Спрашивает: «Может быть, по рюмочке коньяку?» Я, конечно, отказался: рабочий день еще, пить не положено. «Хорошо,— соглашается мистер Гринберг,— тогда давайте поговорим».

Проговорили мы минут сорок. Соб-

ственно, говорил он, а я сидел слушал. Сначала мистер Гринберг сказал о том, как они меня все ценят. Что я грамотный и очень квалифицированный работник, что мне доверяют и все такое прочее. «Но на вас жалуются. Почему вы кричите на подчиненных? Поймите, вы живете в свободной стране, где все люди имеют одинаковые права. Вы не можете унижать достоинство другого человека. Если он плохо работает — увольте его, но не кричите».

Что я мог ему сказать? Когда в Одессе нас, директоров гастрономов, вызывал к себе начальник торга, он с первой же минуты совещания как начинал стучать кулаком по столу, так целый час и стучал, объясняя нам, где мы что-то не так делаем. И мы его правильно понимали, потому что перед этим на него самого вот так же орали и стучали кулаком по столу где-нибудь в горкоме или обкоме партии, чего-то требовали, уличая в плохой работе. И когда мы, директора, со вздернутыми нервами возвращались от начальника торга к себе в магазин, то вызывали «на ковер» заведующих отделами и начинали орать и стучать кулаком уже на них. Те после орали на продавцов, эти — на уборщиц, грузчиков. Последним уже не на кого было орать. Это всегда так: рабочий человек остается последним, стрелочником, на котором все могут сорвать свое зло. Ну и, естественно, покупатель — тому достается больше всего и ото всех.

В общем, вспоминаю я молча свой одесский опыт, а мне мистер Гринберг говорит:

— Так что, мистер Кислин, я снимаю вас с работы. Вы человек грамотный, но у вас нет опыта общения с людьми. Поэтому мы посылаем вас учиться на курсы комьюникейшен. Это пойдет вам на пользу.

Так я в свои уже тридцать шесть лет, с дипломом Плехановского института, оказался снова учеником.

— Чему же учат на этих курсах?

— Всему понемногу. Но главное — если можно так выразиться — человеческим отношениям в процессе бизнеса. В самом широком понимании этого слова. Основное правило, которое я там усвоил: всегда и всем надо улыбаться. Во всех случаях. Будь на то моя воля, я бы все 300 миллионов советских людей отправил учиться на эти самые курсы. Пусть научатся улыбаться друг другу всегда, во всех случаях. Это совсем не повредит в жизни.

Короче, меня научили улыбаться, быть вежливым и обходительным. А фирма назначила менеджером большого супермаркета. Жалованье — две тысячи долларов в месяц, так что после уплаты налогов на руках остается полторы. Можно нормально жить, не отказывая особенно себе ни в чем, и даже немного откладывать про запас.

Вскоре подвернулась работа в компании по оптовой торговле электроникой: телевизоры, компьютеры, видеоаппаратура со всех стран мира. Проработал там целый год и ушел...

— Семен Захарович, да вы просто «летун»...

— Вот и друзья говорят: «У тебя шило в...» Но я так скажу: я искал себя и свое место в бизнесе. Чтобы мне было интересно, чтобы я мог полностью реализовать свои способности...

— Ну и как? Нашли?

— Сейчас, можно сказать, нашел. Но ведь на это сколько лет ушло. А начал я свое «дело» в 1974 году. К тому времени подкопил, наверное, тысяч восемь и решил открыть собственный магазин электроники. Своих денег, конечно, было маловато, и я принял в долю двух тбилисских евреев, которые эмигрировали из Советского Союза, как и я. В складчину мы собрали пятьдесят тысяч, взяли кредит, сняли помещение и открыли магазин электроники на Пятой авеню, в самом центре Нью-Йорка. Этот магазин сейчас знает почти каждый, кто приезжает из Советского Союза в Нью-Йорк. Его так и называют: «Грузинский магазин», потому что там до сих пор торгуют два моих прежних компаньона...

— Пятьдесят тысяч своего капитала плюс кредит... А как вы делили прибыль?

— Мне полагалось 70 процентов. Им на двоих — остальные 30...

— Семен Захарович, да вы их просто обобрали...

— Дорогой мой, они были рады-радешеньки согласиться на такие условия. Ведь за мной тогда стояла очередь таких же вот потенциальных компаньонов, готовых на тех же условиях вложить в общее дело и побольше капитала, лишь бы я взял их в долю. Я знал торговый бизнес. И особенно торговлю электроникой. У меня был не только опыт, но и связи. Знакомые оптовики, банкиры, которые под мое имя могли дать и товар, и кредиты. А в Америке это много значит. Там это называется «паблик рилейшенз». Если переводить дословно — «общественные отношения». Ну а если проще, то это значит, что многое основывается на личных контактах, доверии, честном слове партнера. Все это, разумеется, сначала надо заслужить и, главное, показать, что ты умеешь вести бизнес, что ты не прогоришь в какой-нибудь авантюре, сумеешь вернуть кредиты и так далее. В общем, 70 процентов прибыли доставались мне совсем не зря. И если те два бывших жителя Тбилиси согласились на такие условия, значит, эти условия их устраивали, они считали их справедливыми. Они имели полную свободу искать другого партнера, но почему-то выбрали меня. Выходит, видели свою выгоду...

Постепенно наша торговля набирала силу. Увеличивалось число покупателей, а значит, и оборот. Вскоре мы сумели расплатиться с кредиторами и уже часть прибыли вкладывать в расширение дела, так что пай каждого из партнеров неуклонно рос. И все-таки уровень магазинчика, пусть даже процветающего, пусть даже и в центре Нью-Йорка, меня уже перестал устраивать. Хотелось большего. И я продал свою долю компаньонам, немного подзанял деньжат и основал посредническую фирму, которая сейчас «стоит» шестьдесят миллионов долларов.

— Все просто, как в типичной сказке об «американской мечте»: все кончается «хэппи-эндом», герой становится миллионером, и в него влюбляется принцесса...

— Внешне все именно так, кроме разве только того, что никакой принцессы нет, а есть моя прежняя жена, двое детей и уже двое внуков, которых мне подарила дочка, вышедшая за американского бизнесмена. В остальном действительно все, как в расхожей сказке. Но это чисто внешние, как бы сказать, приметы. А если взглянуть глубже... Такой финал, как у меня, далеко не обязательная вещь. И совсем не каждый, кто приезжает в Америку из Союза, становится миллионером. Для этого должно совпасть очень многое. Во-первых, ты не должен бояться никакой работы. Есть у тебя диплом об окончании института, нет его — не гнушайся никакого труда: грузчик, мойщик, чернорабочий — должен соглашаться на все, пока не осмотришься и не выберешь то, в чем сможешь наиболее полно проявить себя. А будешь ждать работы по специальности, да еще требовать, чтобы тебя оценили по достоинству, согласно твоим документам... наверняка ничего не дождешься. Делом, трудом докажи, на что ты способен. А потом окружающие сами во всем разберутся и оценят тебя по достоинству. Конечно, такие условия жестки, но они все-таки справедливы...

— А поддержка со стороны? Вас, например, кто-нибудь поддерживал, «тянул» вверх? Только откровенно...

— Конечно, поддерживали и «тянули». Те фирмы, где я работал. Но не потому, что были родственники или, допустим, по знакомству, как это случается здесь или у нас, в Одессе. Совсем нет. Просто мои боссы видели, что я хочу работать, им нравилась моя энергия. Ведь в конце концов им прямая выгода от того, что у них будет энергичный менеджер, который стремится хорошо поставить дело. Прямой расчет.

Но способности, опыт, знания — это еще не все. Для успеха необходимо, чтобы тебе еще и везло. В бизнесе часто приходится рисковать, а где риск, там вполне можно и прогореть. Некоторые здесь считают, что стоит в Америке сколотить миллион — все проблемы будут решены. На самом деле все не так просто. У тебя утром может быть миллион, а к вечеру не останется ни цента. Рискнул — не повезло. Прогорел.

— Но у вас вроде бы был полный порядок...

— Нет. Однажды и я очень крупно «горел». Ввязался в заманчивую, но рискованную операцию и... В общем, было дело. Уже летел в пропасть, но в последний момент каким-то образом удалось зацепиться и постепенно поправить дела и даже наверстать упущенное. Хороший урок на будущее...

— Хорошо. Я понял, почему вы оказались «там» и как складывалась ваша жизнь за океаном. Но чем объяснить, что вы снова приехали «сюда»?

— Все очень просто. Я и уехал-то не совсем по своей воле. Ну, обидели меня какие-то чинуши, а народ-то, страна, в которой родился, при чем? Честно говоря, никогда не думал, что опять когда-нибудь приеду в Союз. Знаете, когда уезжал, ничего другого не слышал, как «эмигранты», «предатели», «враги народа». А в 1987 году приезжает в Америку Михаил Сергеевич Горбачев, встречается в Вашингтоне с нами, бизнесменами, бывшими гражданами СССР, и, обращаясь к нам, говорит: «Дорогие соотечественники...» Ну, если так речь пошла, значит, в России перемены. Страна переживает трудности — надо помогать. Мы же не враги, не предатели, а соотечественники. Поэтому я здесь. Поэтому и моя фирма «Транскоммодитис» основала в Москве свой филиал. Там работают люди, которым легче понять специфику страны, в какой-то мере приспособиться к неповторимым здешним условиям работы...

— Что вы имеете в виду?

— Многое... Вы признали наконец необходимость перехода к рыночной экономике. И это правильно. Это хорошо. Но, провозгласив рыночные отношения, вы не сделали еще практически ни единого шага по направлению к рынку. Даже полшага. Вы продвинулись к рынку пока что миллиметров на пять. Говорю так, чтобы было понятно, сколько вам еще предстоит пройти на этом пути, сколько трудностей преодолеть...

Практически у вас еще нет закона, который бы четко регулировал отношения собственности. Нет законов о правах иностранных инвесторов. Допустим, создается совместное предприятие, оно получает прибыль. Но иностранный совладелец не имеет права свою часть прибыли вывезти. А вложить ее в развитие какого-то производства здесь, внутри страны, тоже проблема. Купить на нее недвижимость — нельзя. Землю — нельзя. Пустить в дальнейший оборот — нельзя. А что же тогда можно? Без движения капитала невозможен никакой бизнес. Деньги все время должны «работать»...

— И все-таки вы решились рискнуть, установили с нами контакты?

— Решился. Потому что верю в конечный успех начатого здесь дела. В СССР богатые природные ресурсы, талантливый народ, развитая наука. Вам только надо взяться, устранить барьеры на пути к разумному ведению хозяйства — и все у вас пойдет.

— Наша «специфика» уже дала себя знать?

— К сожалению, дала. Недавно я уплатил штраф — 400 тысяч долларов...

— А мы-то здесь при чем?

— Да все при том же... Видите ли, моя фирма заключила сделку с одной компанией о поставке советского аммиака. Я выступал посредником и должен был за это получить определенный процент комиссионных, как и полагается брокеру. Но в установленный контрактом срок советская сторона заявила, что аммиака нет. Компания-контрагент купила у кого-то еще, а я выложил 400 тысяч долларов неустойки, так как не обеспечил выполнение сделки...

— Но ведь вина-то не ваша. Обратились бы в арбитраж — наших химиков обязали вернуть вам эти деньги...

— Все верно. Но, во-первых, откуда бы они те доллары взяли, когда на их счету, я это знаю точно, нет ни цента. Во-вторых, химики не виноваты: их самих подвели. Ну и третье, и это самое главное, деньги я, возможно, и вправду отсудил бы, но потерял бы навсегда хорошего партнера по коммерции. Честно скажу, директора советских предприятий — порядочные и обязательные партнеры. Они работают в невыносимых условиях. Сверху давят министерства, ведомства, не дают шага самостоятельного сделать. Снизу — производственные коллективы требуют дать то, чего директора не имеют. По горизонтали — партнеры по кооперации и смежники подводят. И во всех срывах виноват директор. И вы хотите, чтобы я судился? Не стану. Я знаю, что мой добрый жест не будет забыт. Не беспокойтесь, свои деньги я верну. И партнера сохраню...

К тому же история с аммиаком неприятная, но все же частность, в большинстве же случаев наше партнерство с советскими предприятиями проходит нормально. Мы, например, поддерживаем хорошие контакты с автомобилестроителями Тольятти, имели бизнес с некоторыми предприятиями в Донбассе. Могу заверить, что обе стороны остались довольны.

— Что же может предложить «Транс-коммодитис» советской стороне?

— Мы, брокеры, все могём. Сейчас в Советском Союзе остро стоит проблема с продовольствием. Причем дело заключается не в том, что производится мало первичной сельскохозяйственной продукции, а в том, что ее много теряется зря. В ваших газетах сообщалось, что примерно сорок процентов сельхозпродукции гибнет, не доходя до потребителя. Продовольствие гибнет, а полки в продовольственных магазинах в это время пустуют. Нонсенс!

Мне кажется, это происходит из-за недостаточного развития ваших перерабатывающих отраслей, из-за их непродуманной структуры. Долгое время здесь увлекались строительством гигантов. В результате скот, допустим, для переработки гнали или везли на мясокомбинат за сотни километров. Он терял в весе, погибал по дороге из-за недокорма, жажды и так далее. Это всем хорошо известно, и я не делаю открытия. Что предлагаем мы? Мы можем поставить маленькие заводики, способные переработать от двух до двадцати пяти тонн мясосырья в сутки. Их можно быстро смонтировать в любом совхозе, колхозе, подсобном хозяйстве промышленного предприятия, где есть своя свиноводческая ферма или комплекс крупного рогатого скота. Представляете, утром животные поступают на переработку, а всего через двенадцать часов можно отгрузить готовую продукцию в самом широком ассортименте: вареные и копченые колбасы, сосиски, сардельки, ветчина — до двадцати видов. И весь этот мясоперерабатывающий завод — компактное, высокомеханизированное, экологически чистое предприятие. Его легко перепрофилировать с одного вида продукции на другой в зависимости от потребительского спроса. Например, в коптильном цехе предусмотрено использование различных видов дымов, смотря что вы хотите получить.

— Ну а если, предположим, фермер или группа фермеров хотят сами перерабатывать свою живность, но двадцать пять тонн и даже две тон-

ны для них — слишком большая мощность?

— Не страшно. Мы найдем инженерную фирму, которая с удовольствием изменит проект завода, переоборудует его в полном соответствии с требованиями клиента. За это придется дополнительно приплатить, но в конечном счете все траты окупятся...

Аналогичные перерабатывающие заводики можно было бы построить при молочно-товарных фермах, птицеводческих хозяйствах. Село должно отправлять свою продукцию в город не на переработку, а для потребления. Это значительно сократит потери. Да к тому же решит социальные проблемы: деревня получит дополнительные рабочие места, причем «городских» профессий. Решится вопрос о занятости женщин. Мне кажется, он у вас вскоре возникнет...

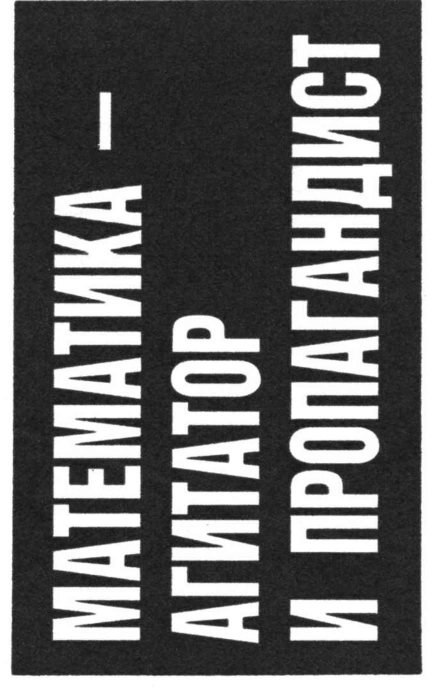
Или вот еще пример. У вас имеются кондитерские фабрики-гиганты, которые обеспечивают продукцией целые области или даже группы областей. И получается — в какой город ни приедешь, в продаже одни и те же сорта печенья, конфет, даже просто всего один сорт. Мы предлагаем строить маленькие кондитерские фабрики в каждом городке или рабочем поселке, чтобы каждый городок или поселок имел свое «фирменное» кондитерское изделие, которого нет у соседа. Пусть, конечно, продолжает «гнать вал» и фабрика-гигант. А маленькие фабрички тем временем своей продукцией будут разнообразить ассортимент. С той же целью можно было бы построить и макаронные фабрики, хлебозаводы и так далее.

— Хорошо, Семен Захарович, вот вы говорите: поставим, продадим, станем посредниками. Все это прекрасно, и дай Бог нашему сотрудничеству успешно развиваться. Но ведь за все эти заводики и фабрики надо платить. А в нашей казне, как вы знаете, валюты нет. У колхозов, совхозов, промышленных предприятий тем более. Где выход?

— Ну, во-первых, кое-что у вас все-таки есть. Только этими деньгами нужно разумно распоряжаться. Я не хочу навязываться со своими советами, но мне кажется, что надо не хлеб и продовольствие покупать за границей, а перерабатывающее оборудование, которое поможет вам сохранять свой собственный урожай и ту продукцию, что выращивается на ваших фермах. Это раз.

Второе. Конечно, мы, посредники, хотели бы получать за свои услуги долларами. Их проще пускать в дело. Но мы в конце концов согласны брать и товаром. Специалисты моей фирмы хорошо знают рынок угля и другой химической продукции. Так что мы согласны получать в оплату уголь и его производные. На мировом рынке мы найдем на них покупателей, так что не останемся внакладе. Ну а ваши внутренние партнеры могут сами между собой договориться, кто что кому и за что поставит. Хотя и в этом деле мы можем выступить в качестве посредников. Мы достаточно хорошо знаем и ваш внутренний рынок.

Более того, мы согласны, чтобы нам платили внутренними рублями, которых много сейчас на счетах практически у всех предприятий. Только тогда пусть нам предоставят право вкладывать эти деньги в какие-то отрасли вашего народного хозяйства и получать свою долю прибыли. Мне непонятно, чего вы боитесь. Ведь от этого будет польза прежде всего вашей стране. Соединенные Штаты Америки на своей территории разрешают вкладывать капиталы и японцам, и арабским нефтяным королям,— всем, и от этого американцы не стали нищими, напротив, процветают. А вы все еще живете под давлением политических догм. Чем скорее вы избавитесь от них, тем быстрее начнете хорошо жить. Еще никому не удавалось обмануть экономику. А если кто-то еще тешит себя такой иллюзией — все равно его ждет тупик.

Каждое утро, провожая ребенка в школу, хочется крикнуть ему вслед: «Эй, милый, гляди как бы тебя там не надули!»

Врут школьные учебники по истории. Беззастенчиво, нагло, прямо в глаза. Врут учебники литературы. Привирает география.

Несчастные учителя, те, что не утратили способности краснеть, стараются не пользоваться этими ненаглядными пособиями. Ни от кого уже не секрет, что школьные история, литература создавались не столько для обучения, сколько для воспитания в духе верности, преданности и непримиримости. А русский язык! Откройте учебник русского языка для 6 класса, изданный в 1990 году. Повторение изученного в пятом классе начинается с фонетического разбора слова «КОММУНИСТ». Хотите изучить орфограммы в окончании слов? Спишите, вставляя пропущенные буквы: «О пролетарск...й революци...; выйд...м к площад...; в благородном порыв...»

В самом конце учебника вас ждет морфологический разбор: «...Рабочие и крестьяне коммунизм стро...т. Плещ...тся на ветру алый стяг. Кто под красн... зна...нем по улиц... идет? Пионеры дорогой отцов шагают».

Сосчитать, сколько раз в этом учебнике русского языка упоминается Ленин, совершенно невозможно. Но это уже вопрос математики.

Кстати, о математике! Она-то уж, казалось бы... Нет. И она туда же. Думаете, ваши дети, сидя на уроках математики, учатся умножать, делить, складывать? Их там скромно, ненавязчиво, но планомерно подвергают идеологической обработке. Взгляните, сколько интересного узнает, к примеру, третьеклассник, решая задачи. Персонажи этих маленьких математических новелл из школьного учебника то и дело выходят на коммунистические субботники, прибывают куда-то по комсомольским путевкам, в день рождения В. И. Ленина вступают в пионеры и т.д. и т.п.

Вот решите такую задачу: «В 1982 году наша страна праздновала 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик... В каком году советский народ будет праздновать 100 лет со дня образования СССР?»

Иногда задачи навевают неожиданные мысли. Например, задача про Беломорско-Балтийский канал. Но это старшему поколению, школьники такого, к счастью, не проходили.

Есть еще задачи проговаривающиеся: «В театр приехали из колхоза 96 человек в трех автобусах и в нескольких легковых машинах...» Спрашивается, сколько легковых приехало из колхоза, но можно сразу же ответить и кто в них сидел.

Итак, дано: школьные задачи по математике. Допустим, мне скажут, что ничего плохого в таких задачах нет, что идеология тут ни при чем, что я преувеличиваю или, того хуже, передергиваю.

С удовольствием предлагаю доказательство от противного, то есть альтернативные задачи, с противоположной идеологической направленностью, чтоб все ясно стало.

Только сразу оговорюсь — эти идеологические задачи в свой задачник включать не собираюсь. А я действительно сейчас пишу задачник по математике. И постараюсь, чтоб задачи в нем были веселые, чтоб маленький Человек решал их улыбаясь. Конечно, математика — дело серьезное, но это еще не повод для того, чтоб на страницах задачников царила тоска зеленая. Остается добавить, что я не собираюсь ждать, когда государственное издательство «Просвещение», публикующее учебники, заинтересуется моим задачником и поставит его в план 2917 года. Задачник будет издан в самое ближайшее время в новом издательстве «Самовар», созданном Эдуардом Николаевичем Успенским.

Григорий ОСТЕР

ЗАДАЧИ ОТ ПРОТИВНОГО

1. Первый секретарь обкома партии проживал с тещей, женой и сыном в четырехкомнатной квартире. После женитьбы сына он оставил ему четырехкомнатную квартиру, теще предоставил однокомнатную, а сам переехал в пятикомнатную. Сколько комнат приходится теперь на каждого члена семьи первого секретаря обкома партии?

2. Художники, рисуя портреты Карла Маркса, израсходовали на его бороду 159 миллионов килограммов краски, а на брови Л. И. Брежнева эти же художники израсходовали краски в пять раз больше. Сколько краски израсходовано на каждую бровь Л. И. Брежнева?

3. Из населенного пункта выехал велосипедист, который двигался со скоростью 15 км/ч. В это же время из этого же населенного пункта выехал в Израиль Семен Лазаревич Шнобельман. Через 3 час расстояние между ними было 1350 км. С какой скоростью двигался Семен Лазаревич?

4. В колхоз привезли 2400 л бензина. В первый день разворовали $^3/_{10}$, а во второй $^2/_{10}$ всего количества бензина. Сколько литров бензина осталось в колхозе на третий день?

5. Советский Союз объединяет пятнадцать союзных республик. Сколько республик останется, если из состава СССР выйдут пять республик? А если восемь? А если все пятнадцать?

6. В совхозе 50 автомашин, тракторов на 14 больше, чем автомашин, а комбайнов в 5 раз меньше, чем тракторов. Топлива в совхозе нет ни капли. Сколько единиц техники не выйдут на поля этого совхоза?

7. Раньше завод выпускал 100 мясорубок в день, а теперь выпускает в пять раз больше. Половина этих мясорубок никуда не годится и их сразу выбрасывают в металлолом. 153 штуки из оставшихся воруют каждый день сами рабочие завода, по десять штук каждый день уносит парторг. Сколько мясорубок ежедневно попадает с завода на склад?

8. Кассирша в день обслуживает 560 покупателей и каждого обсчитывает на двадцать копеек. Сколько зарабатывает кассирша за июнь, если ее официальная зарплата за этот месяц плюс премия, минус налоги и партвзносы составляет 214 рублей?

9. В День рождения пионерской организации пионеры нашего города возлагают к разным памятникам 84 720 свежесрезанных цветов. Эти же пионеры в день 8 Марта дарят своим мамам в пятнадцать раз меньше цветов. Сколько цветов получают мамы пионеров 8 Марта?

10. Очередь за колбасой протянулась на 200 метров, очередь за маслом на 50 метров длиннее, чем очередь за колбасой, а очередь за хлебом в пять раз короче, чем очередь за маслом. Сколько метров очереди нужно преодолеть, чтобы съесть бутерброд с колбасой?

11. На стройку дачи члена Политбюро доставили 1680 т строительных материалов. Известь составляла $^1/_{10}$ часть этого груза, цемент $^1/_{12}$, а остальное — мраморные плиты. Сколько тонн мраморных плит доставлено на стройку дачи члена Политбюро?

12. В городе построили две больницы. Одну общегородскую детскую, а другую специализированную для ветеранов партии. Обе больницы рассчитаны на одинаковое количество коек. По 300 коек в каждой. Но в общегородской детской больнице, в каждой палате по 12 коек, а в специализированной по 2 койки. Сколько этажей в здании детской больницы и сколько в здании специализированной, если известно, что палаты в обеих больницах одинаковые и на каждом этаже помещается по 25 палат?

13. За годы советской власти советские писатели истратили на свои литературные произведения 12 тысяч тонн бумаги. За те же годы советские писатели истратили в три раза больше бумаги на доносы друг на друга. Сколько всего бумаги истратили советские писатели за годы советской власти?

14. У канадского фермера 70-летнего Фреда Чепа, чьи родители покинули Родину за 5 лет до Великой Октябрьской революции, 32 зуба, а у его внучатого племянника Федора Чепуренко, 25-летнего тракториста из колхоза «Ленинец» Запорожской области, зубов в два раза меньше. 10 из отсутствующих зубов Федора выпали сами, а остальные были выбиты во время драки в День международной солидарности трудящихся. Сколько зубов потерял тракторист колхоза «Ленинец» в День международной солидарности трудящихся?

15. Зарплата дорожной работницы 6 рублей в день. Ежедневно бригада из 5 дорожных работниц роет по 15 метров канавы. Сколько метров канавы должна вырыть эта бригада, чтобы заработать столько же, сколько зарабатывает за один вечер группа риска из 5 девушек, если каждая получает за вечер, проведенный в интуристовской гостинице, 100 долларов, а один доллар по курсу черного рынка равен 30 рублям?

16. В пионерской дружине имени Павлика Морозова 300 пионеров. Все они мечтают повторить подвиг Павлика, но не все имеют такую возможность, так как $^2/_3$ пионеров воспитывают матери-одиночки. Сколько пионеров смогут повторить подвиг Павлика Морозова?

17. В колхозе трудятся 40 дедушек, 120 бабушек и 3 внучки. Жучек, кошек и мышек в колхозе неограниченное количество. Сколько репок смогут вытянуть в этом колхозе во время уборки урожая?

18. Парторг тракторного завода на закрытом партийном собрании сообщил коммунистам, что в магазин, находящийся в 3 км от завода, привезли водку. Коммунисты выбежали из завода и помчались к магазину со скоростью 20 км/ч. Через пять минут о водке узнали беспартийные и побежали в магазин со скоростью 40 км/ч. Кто купит водку раньше: коммунисты или беспартийные?

Александр МЕЖИРОВ

ИНОГО НЕ ДАНО

* * *

То, что я написал,
за реальностью первой в погоне,
На предельных и бестормозных скоростях,
Длилось долго и происходило на фоне
Смерти, перед которой все сущее —
сущий пустяк.

Я же по преимуществу все остальное,
А на смерть написал, потому что о смерти его
Никогда не смогу написать ничего
Даже в этом преступно-безоблачном зное,
Даже в этой преступно-блаженной тени,
Отвергающий лоно земное
И клянущий наземные дни.

Но зато без метафоры мог обходиться
И не корчить провидца,
А служить репортером в аду.
Да-да-да. Данта я и имею в виду.
Между профилем Данта
и следовательским анфасом
Изложил
неперевоплощенно и разом,
Безо всякого черновика
То, что длилось века.

Нищий духом, во области не возлетаю заочно...
Невозможно лицом
то, что здесь выражаю,
к лицу
Разглядеть,
но боюсь, что подходит к концу
Мой регламент.
Часы на руке обесточены.

ТОЛПА

Я, конечно, ничто,
производное скуки и лени,
Но величье мое
в грандиозности той клеветы,
Тех нападок неслыханных и обвинений,
Эшафот из которых воздвигла на площади ты.

Все величье мое
только в том,
что, меня обличая,
Долго тешилась ты небывалой напраслиной
и клеветой,—
И мое же ничтожество в том, что, тебе отвечая,
Плоть от плоти твоей,
я вступал в пререканье с тобой.

* * *

Революций в истории было наделано столько,
Что почти прохудился ее окровавленный щит.
Сломан меч. И народ пребывает в молчанье
не только
В те столетья, когда он молчит, но и в годы,
когда оголтело кричит.
Сын встает на отца. Брат на брата.
Но во веки веков ни одна
Революция не виновата,
Потому что от века она
Не является умыслом чьим-то злодейским,
Ни французским, ни русским и ни иудейским,
Потому что стихией истории
к произрастанию возбуждена,
Путь зерна повторяет, закону природы верна.
Совершает ее то одна, то другая страна
В реках крови, в молчанье и гаме.

И, на голову встав,
человечество мыслит ногами.

В ГОДЫ ОБЩИХ СКОРБЕЙ...

В годы общих скорбей
Повторял новобранец ретивый
Знаменитые императивы:
«Жди меня» и «Убей»,
Но невольно
то влево, то вправо
Отворачивал ствол трехлинейки своей.
Неужели сегодня
за это
расправа?

И такое случилось однажды со мной —
Особист появился на передовой,—
Заседателя для трибунала
Выбрать из образованных,—
и в блиндаже
Через несколько дней
заседаю уже.
И устала душа до начала
Заседанья,
в котором
солдата
должны
Обвинить в дезертирстве с великой войны,—
А по этому страшному делу
Приговаривать надо к расстрелу.

Знаю — надо.
А приговорить не могу.
И поэтому я с заседанья бегу
На аппендикс проклятый,
на передовую,—
Там, лоб в лоб, егеря перед нами стоят,
И поэтому наш батальон, как штрафбат,—
Оборону он держит почти круговую.

Так что не запугают штрафбатом меня,
В тыл, в Шушары, не выманят из-под огня,
И расстрел
утверждать
не заставят,
И в покое оставят,—
Ибо стоило руку поднять за расстрел,—
И стихи никогда бы писать не посмел.

Полночь длится другая,
стелется иной полумрак,
И не зажила в сердце
отметина кромки дорожной.
Я не ангел и не пацифист,
но никак
Человека нельзя убивать
и убить невозможно.
Между тем
я убил человека и брата —
и не на войне,
А на улице темной, промозглой и стылой,
Человека и брата, о существованьи которого мне
Ничего не известно
в то время недавнее было.

Не взяла под защиту меня
снежнокрылая рать,
И Господь покарал,— значит, было за что покарать.
Буду крест на душе
до последнего вздоха носить.
А за что? —
не посмею
у Господа Бога спросить.
А спросил бы,
услышал в ответ
То, что знаю и сам с незапамятных лет:
«Только не за твои прегрешенья,
о нет,
Не за них,
а за грех первородный
карал,
За Адамов — тебя,
кто и слаб, и греховен, и мал...»
Я убил человека...
зачем под машину мою...
Жизнь моя протекла
в убежденьи,
что я
никогда
никого
не убью...

* * *

Пускай другого рода я
И племени иного,—
Но вы напрасно у меня
Конфисковали слово.

Ах, эта Пятая статья
Народа небольшого,—
Но вы напрасно у меня
Конфисковали слово.

Ведь слово — родина моя
И всех основ основа,—
И вы напрасно у меня
Конфисковали слово.

Конечно, дело не во мне,
Убитом на другой войне,
В огне иных сражений,
А в том, что здесь, увидев свет,
На даче, до недавних лет,
Великий русский жил поэт,
Русскоязычный гений.
И жизнь была его сестрой,
И здесь недавний предок мой
Схоронен был в земле сырой
В палящий, душный, майский зной
Бессолнечновесенний.

Не обо мне, конечно, речь,
А о моем предтече.
Вам долго предстоит беречь
Его божественную речь,
Часть речи, вашей речи.

Он отодвинул далеко
Мишень,— и пули в молоко
От вас уйдут в полете.
Он поднял планку высоко,
Вам будет прыгать нелегко,
И вы ее собьете.

ПЕРЕНОС

Останется лишь то, в чем нет анжамбеманов.
Нет, потому что их быть вовсе не должно.
А то, в чем есть они, все то исчезнет, канув
В небытие, на дно, с поэтом заодно.

Иного не дано. Но правило не может
Без исключенья быть ни в чем и никогда,—
И только потому «Любовь еще, быть может...»
Звучало и звучать осталось навсегда.

ПОДРАНОК

Он только что упал в кровать,
А через час ему вставать,—
Зачем под утро доставать
Расстрелянного и распятого,
Зачем будить его опять
Звонками в половине пятого?

СБЕЖАЛ СОЛДАТ...

В каждом случае это тяжелая драма, а то и трагедия, которая требует отдельного разбора.

Виталий Гугленко из Полтавы был призван в строительные войска, поскольку к строевой службе не пригоден. Но в подмосковной части его школьные представления о дружбе народов не подтвердились. Он попал в госпиталь с сотрясением мозга и следами серьезных побоев. В госпитале удалось задержаться. Парень тихий, работящий, к тому же столяр. Его и придерживали после выздоровления, сколько могли. А когда все сроки вышли, из части приехал представитель и увез его «для прохождения дальнейшей службы». Скоро Виталий вновь оказался в госпитале — со сломанной челюстью.

Третий раз попадать в объятия коллектива родной части он не рискнул и был задержан на территории Киевского военного округа в качестве, как говорит Устав, «военнослужащего, самовольно оставившего свою часть».

Совсем недавно участь «самовольщиков» была незавидной. Суд и дисциплинарный батальон. А после истечения срока наказания — возвращение на прежнее место службы. Но Гугленко даже под статью закона не попадал. Дело в том, что за почти полгода службы он так и не успел принять присягу. И служить бы ему снова в «родной» подмосковной части «со товарищи», если бы в конце прошлого года в Киевском, как и в иных военных округах, не были бы созданы специальные подразделения, куда направляют беглецов. Что-то вроде милицейского детприемника, где разбираются с каждым задержанным: кто, откуда, какие причины побудили его оставить часть?

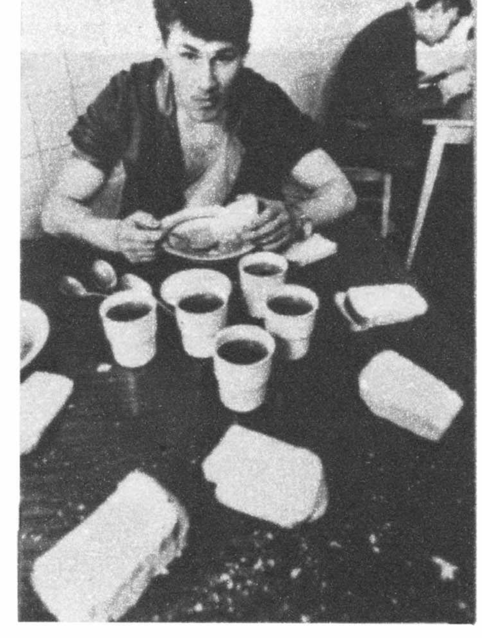
По моему (сугубо личному) мнению, это тот случай, когда на задержанного смотрят не как на инвентарную принадлежность к СА, а как на живого, хотя и подневольного, человека: со своей судьбой, характером, суммой житейских эпизодов, свершившихся с ним при конкретных обстоятельствах.

В Киеве таким местом, куда препровождают беглецов, определен полк гражданской обороны — довольно известная, причем с лучшей стороны, войсковая часть. Солдаты и офицеры полка не раз отличались при стихийных бедствиях, обезвреживали мины, снаряды, авиабомбы. Они первыми, уже в ночь аварии, были на Чернобыльской АЭС и многое сделали, чтобы спасти нас всех от более страшной беды.

В этот полк и направили Виталия Гугленко, а после разбора обстоятельств, при которых он дал деру из своей части,— оставили тут и служить в пожарной роте.

На такой ноте, созвучной счастливому окончанию святочного рассказа, можно было бы и поставить точку. Но замполит полка Владимир Павлович Германцев подобных историй может рассказать еще пятьсот — и все они

будут немного не такими или даже совсем не такими.

— Конечно,— говорит подполковник Германцев,— самовольное оставление части — один из тягчайших проступков. Но если собирать таких людей в одном месте, изучать причины, то можно обнаружить и свои закономерности.

Подполковник Германцев на фактах показывает, что большая часть прошедших через эту роту — военные строители, солдаты железнодорожных войск и тех частей, что прикомандированы к перекрашенным организациям бывшего Минводхоза, который и сегодня поворачивает вспять если не реки, то здравый смысл. И это вполне объяснимо. Рабски дешевая рабочая сила, отданная на откуп ведомствам, она и используется как необученный рабочий скот, и содержится соответственно. Ну как убедить юношу в необходимости оставить родных, друзей, родную улицу и дорогие сердцу увлечения, чтобы на два года стать почти собственностью старшины, а то и «дедов»? Есть магическая формула: «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина». А если этот «священный долг» всего лишь перебирание гнилой картошки или колупание в болоте, которое Минводхоз осушает по ошибке, а того хуже — стройтельство командирских гаражей или генеральских дач,— тогда огромная масса людей в неопрятной форме превращается в питательный бульон для всякого разложения.

По наблюдениям Германцева, многие трагедии молодых людей начинаются задолго до прибытия в часть, еще в военкоматах. Создается впечатление, что военные комиссариаты на местах отвечают только за план поставки рекрутов. И ни за что больше. Иначе как объяснить, что к Германцеву попадает солдат, у которого одна рука не сгибается в локте? Совсем. А другой слова сказать не может. Ну, не просто заика, а такой, что минуту-другую — до пены у рта — напрягается, чтобы вытолкнуть «Слушаюсь!». Представьте, как ему служилось до того, как попал он в в/ч 01646...

Мне искренне жаль беглецов. Служба в армии никогда не была легкой. Мои сыновья тоже отслужили солдатами. Один — совсем недавно. И в Самарканде, золотой осенью, полроты страдали авитаминозом — когда базары ломились от фруктов и зелени. А в казарме месяцами — хлеб, каша да иногда ржавая сельдь. И труд — ежедневный, тяжелый, и «деды»... Но все же это не причина для побега. А кто решается на него, тот совершает — при любом исходе — роковой шаг, от влияния которого не будет свободен всю жизнь.

Заглянули в казарму роты, куда определили только что доставленных. Как будто тут Мамай прошел. «Вот эти дырки в стене,— пояснял Германцев,— от штепселей и выключателя... А тут еще вчера была лампочка...»

В конце репортажа напрашиваются какие-то обобщения. Резюме... Но не рискну. По части выводов сегодня даже люди более осведомленные в большом затруднении. Все понимают, что нужна военная реформа. Все согласны, что армия сильна профессионализмом. Но как сделать всех специалистами, продолжая пополнять армию не конкретными, штучно подобранными личностями, а безликим призывным контингентом , не знает никто. Думать надо. И богатейший материал для размышлений дает отдельная рота для отдельных судеб.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собственный корреспондент
«Огонька»
Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

Вл. СОЛОУХИН

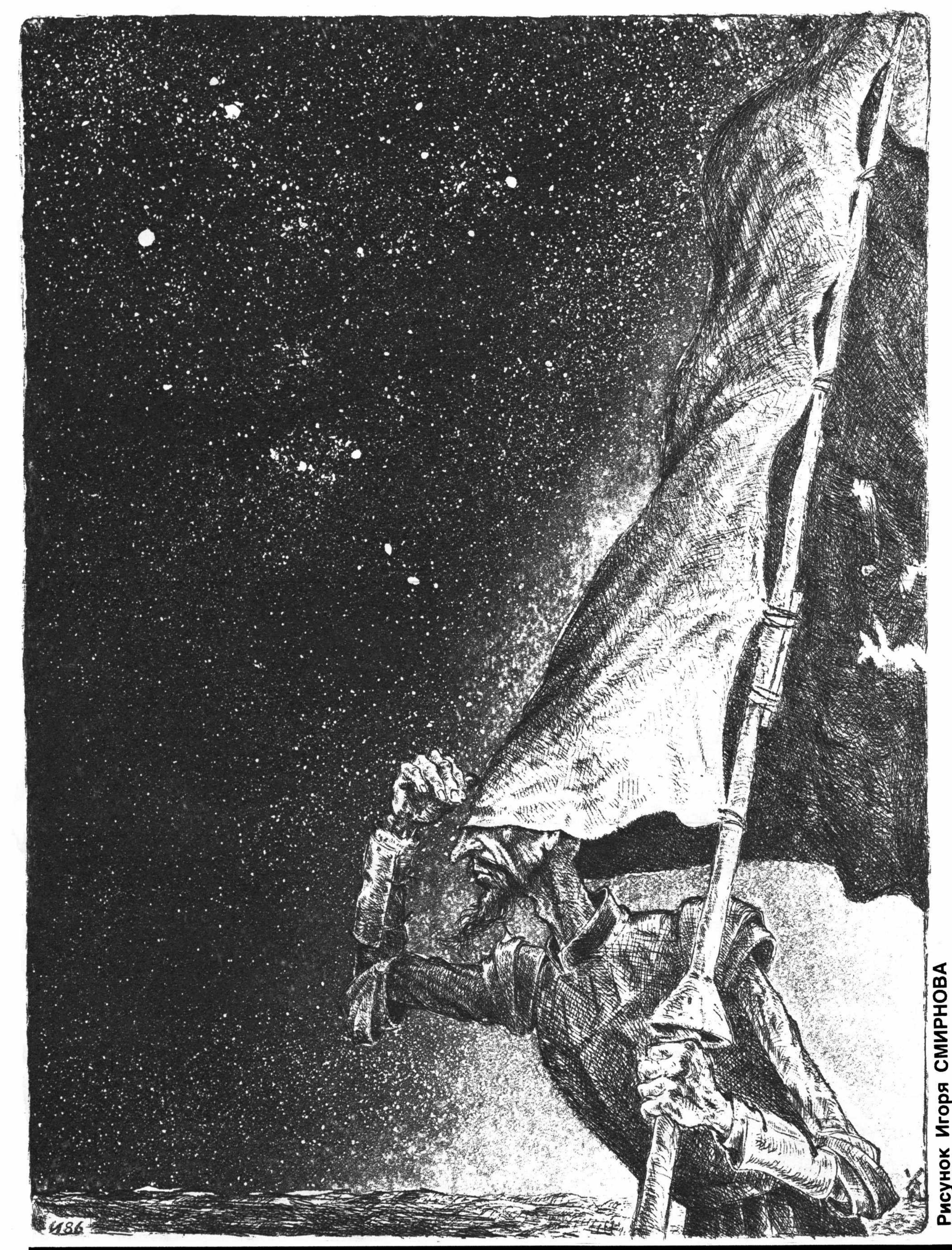

Рисунок Игоря СМИРНОВА

Партия сохраняет свое прежнее название. Не самое прежнее. Была она когда-то РКП(б), потом ВКП(б), потом стала КПСС. Нетрудно заметить, что во всех этих аббревиатурах присутствует одна, самая важная буква «К». Она означает «коммунизм», она обозначает, что партия и после XXVIII съезда остается коммунистической, то есть что партия будет по-прежнему пытаться строить коммунистическое государство.

Впрочем, нет, извините. Коммунизм предполагает отмирание государства со всеми его атрибутами: партиями, правительствами, президентами, верховными советами, госпланами, министерствами, центральными комитетами, судами, прокурорами, партийно-контрольными комиссиями, райсоветами, горсоветами, уголовными розысками, со всей его, одним словом, властью. Так нас по Марксу — Энгельсу — Ленину учили в школе. Значит, мы строим не коммунистическое государство, а коммунистическое общество, короче — коммунизм.

Семидесятилетний эксперимент ничему нас не научил. Партия сохраняет название КПСС, партия продолжает строить коммунизм.

Поскольку сама партия без населения страны построить ничего не может, но может служить лишь авангардом, ведущей, вдохновляющей, руководящей (до сих пор не знаю, от чего происходит слово «руководить»: «за руку водить» или «руками водить»), правящей, цементирующей, идеологической силой, то, наверное, она, партия, должна объяснить населению: что же, хотя бы приблизительно, мы должны в конце концов построить. Это необходимо объяснить, чтобы люди трудились сознательно, знали бы, для чего, ради чего они поколение за поколением, десятилетие за десятилетием преодолевают трудности, терпят лишения, потеряли третью часть населения страны (не считая военных потерь), стоят в бесконечных очередях за творогом, за сосисками, за жильем (десятилетиями), за автомобилями, стиральными машинами и холодильниками (годами), за авиа- и железнодорожными билетами (сутками), за такси на привокзальных площадях (часами), за одеждой, за обувью, чтобы войти в кафе, за бутылкой пива, за установкой телефона, в почтовых отделениях, в бюро похоронных принадлежностей...

Да, необходимо объяснить населению, ради чего все это происходит, что мы должны в конце концов построить, что мы понимаем под словом «коммунизм», коль скоро партия продолжает называться коммунистической.

Но дело в том, что этого не знает ни один человек на земном шаре.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

НЕ НАЛИВАЮТ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ...

Словно наперегонки коммунистические партии Восточной Европы пытаются отрясти прах прошлого со своих ног, сделать это простейшим способом — сменить название. Уже не ПОРП теперь в Польше, а социал-демократия республики Польши. И в Венгрии, и в Болгарии — социалистические партии. Да и в Италии идет смена фасадов. Но уж мы «не можем поступиться принципами», нам не от чего отрекаться, как были, так и есть — КПСС. Что стоит за такой приверженностью к прошлому — об этом публицистические заметки писателя Вл. Солоухина.

Хрущев замахнулся построить коммунизм через 20 лет, к 1980 году. Что он имел в виду? И вообще что это было? Глупость? Но ведь он был генсек, он говорил от имени партии, это было внесено даже в программу партии. Или он думал, что людей можно обманывать, как малых, неразумных детей? А что думали миллионы рядовых членов партии? На ярком примере с тем же Хрущевым легко было понять, что рядовые члены партии совсем ни о чем не думают, по крайней мере не думали в те времена. Напомню общую ситуацию.

Часть Политбюро, а именно Маленков, Молотов, Ворошилов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов, проголосовала за то, чтобы сместить генсека. Хрущева сняли с генсеков большинством голосов, а для того, чтобы завуалировать от широких масс это большинство, и была придумана потом Хрущевым форма «примкнувший к ним». Генсеком, как рассказывал потом Хрущев, был избран Молотов. Вместо того, чтобы воспользоваться только что обретенной властью и отдать необходимые распоряжения, он начал произносить доклад, разоблачающий деятельность Хрущева, и говорил пять часов подряд. За это время на военных самолетах свезли в Москву первых секретарей обкомов (членов ЦК), те вошли в зал, где заседало Политбюро, и, проинструктированные, проголосовали за Хрущева. Хрущев победил.

По всей стране прошли партсобрания в первичных партийных организациях, клеймящих антипартийную группировку и превозносящие дорогого Никиту Сергеевича.

Я тогда состоял на партийном учете в журнале «Огонек» и хорошо помню это собрание. Ни один человек (равно как и во всей стране) не заступился за «антипартийную группировку», за известнейших всем людей: Маленкова, Молотова, Ворошилова... И тогда я подумал: а если бы не свезли на самолетах членов ЦК? Объявили бы утром, что генсеком стал Молотов, и точно так же прошли бы по всей стране партийные собрания, и никто бы не заступился за Хрущева. Как и, правда, никто не заступился за него 14 октября 1964 года. Так я понял, что сама многомиллионная партия, рядовые ее члены ничего не решают. Все делается именем партии, но делают это несколько человек. Остальные всегда, по любому вопросу согласны с ними.

И вот они строили коммунизм, стремясь распространить это строительство на возможно большее число стран, желательно бы на весь мир, и в то же время не зная, а что именно нужно построить. Словечко «коммунизм» было вроде того пучка сена, который вешают на палке перед мордой осла, чтобы он вечно бежал за этим сеном и никогда не мог бы его догнать.

Школьно-классическая формула «от каждого по способностям, каждому по потребностям» практически ровно ничего не означает и никого ни к чему не обязывает. На последних съездах была формулировка: «От каждого по способностям, каждому по произведенному труду». Здравствуйте! Да разве не по этому принципу живут люди во всех развитых странах мира, при том что не морочат головы друг другу разными утопическими идеалами. Не говоря уж о том, что учесть способности каждого, равно как и потребности, нужна опять-таки громоздкая административно-учетно-распределительная система.

Итак, рабочие, фермеры, инженеры, шоферы, машинистки-стенографистки, вице-президенты компаний, учителя, хирурги, продавщицы в магазинах и т. д. и т. д. в Бельгии, в США, в Дании, Германии, Испании, Швеции, в любой нормальной стране, разве все они не живут по этому принципу? Система заработной платы (высокой), система жизнеобеспечения, гарантия благосостояния, устойчивая валюта — все это заставляет их работать по полным способностям, а получают они именно по результатам труда. Зачем же заносить в программу КПСС принцип для его осуществления в отдаленном будущем, когда уже сегодня по нему живет весь цивилизованный мир?

От XXVIII съезда КПСС много ждали, причем ждали не столько перспектив на будущее (будущего у КПСС нет), сколько правдивой, искренней, беспощадной оценки пройденного пути.

Сейчас, какую газету, какой журнал ни откроешь, всюду можно встретить призывы к покаянию. Призывают к нему священники, демократы, писатели и чуть ли не государственные деятели. Но кто же конкретно и за чьи деяния должен покаяться и каким образом? Не может же все население страны опуститься на колени, воздеть руки к небу и каяться. За что? Дело в том, что подлинные, конкретные злодеи, палачи и мучители, разрушители и расточители, истязатели и убийцы — все давно уж на том свете. А сын за отца или за мать, равно как и дочь, как и внук, отвечать не могут. Большинство палачей и убийц были сами убиты в тридцатые годы (и что бы ни говорили, я вижу в этом руку возмездия), другие умерли своей смертью.

Скажем, Юровский — убийца Николая Александровича Романова и организатор убийства всей царской семьи. Историк Мельгунов называет его «самым отпетым преступником», а Сидней Гибс — «хладнокровным палачом».

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты (то есть грабит и убивает.— **В. С.**). Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире... После убийства царя Юровский назначается заведующим Московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками (боюсь, что не десятками.— **В. С.**) новых расстрелов. «Ленин считает Юровского надежнейшим коммунистом». Говорят, что жив сын Юровского, не то генерал, не то адмирал в отставке. Так что же, должен ли он отвечать или приносить покаяние за своего отца?

Мать у писателя Юрия Трифонова была, говорят, комиссаром ЧОНовских войск, участвовала в расказачивании. Должны ли мы винить Юрия Валентиновича за то, что умер без покаяния за действия своих родителей?

Возьмите Аркадия Гайдара. Он участвовал в подавлении тамбовского крестьянского восстания. А когда вспыхнуло восстание в Хакасии, Гайдара сняли с учебы в военной академии и послали в Хакасию. Почему, думаете, его? Не нашлось бы разве других командиров? Потому что была известна его кровавая жестокость. И он настолько оправдал «доверие», что были вынуждены даже его наказать по партийной и служебной линии. Хакасы до сих пор не называют его иначе, как палачом. Мой друг хакас Михаил Кильчичаков рассказал мне эпизод, как сидели в бане 16 заложников. Гайдар им поставил условие: если к утру не скажут, где скрываются бандиты,— расстреляю. А те просто не знали, где скрываются восставшие. И вот утром Аркадий Петрович выпускал их из бани по одному и лично стрелял в затылок. В другом случае он расстрелял пленных, так как не хотел давать людей на конвоирование их в штаб. А был приказ доставить их в штаб. За нарушение этого приказа его и наказали, а вовсе не за бессудные и безрассудные расстрелы.

И вот жив его сын. Должен ли он отвечать и приносить покаяние за своего отца?

Жива вдова теоретика террора Бухарина... Пожалуй, чтобы не быть голословным, выпишу страничку из его книги «Экономика переходного периода» (1920 год). На этой страничке Бухарин разработал классификацию социальных групп, подлежащих ликвидации в начавшемся строительстве социализма. Вот кто подлежал, по Бухарину, ликвидации:

1. Паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры).

2. Вербовавшаяся из тех же слоев непроизводительная административная аристократия (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и пр.).

3. Буржуазные предприниматели — организаторы и директора (организаторы трестов и синдикатов, «дельцы» промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром, изобретатели и проч.).

4. Квалифицированная бюрократия — штатская, военная и духовная.

5. Техническая интеллигенция и интеллигенция вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.).

6. Офицерство.

7. Крупное зажиточное крестьянство.

8. Средняя, а отчасти и мелкая городская буржуазия.

9. Духовенство, даже неквалифицированное.

Комментарии тут, пожалуй, излишни. Разве добавить, что Ленин высоко оценил «Экономику переходного периода» и даже поздравил Коммунистическую академию с этим «выдающимся трудом» ее члена.

(Цитировалось по книге А. Авторханова «Ленин в судьбах России».)

Да, жива и по сей день вдова Бухарина (кстати, дочка одного из вершителей революции), так что же, ей теперь каяться и просить прощения за мужа и за отца?

Хрущев в своем докладе о культе личности процитировал письмо Кедрова Сталину из Лефортовской тюрьмы. Кедров пишет, как страшно его пытают. Значит, настигла и Кедрова рука возмездия, потому что это был тот самый Кедров, кого Ленин направил на русский Север, в Архангельскую и Вологодскую области, для истребления там лучших русских людей, и его с полным основанием можно назвать палачом русского Севера. По своей беспощадности, говорят, он превосходил самых кровожадных палачей того времени.

И живы теперь его потомки.

Так что же, можно ли требовать с них покаяния за преступления, творимые дедом или дядей, пусть хотя бы и двоюродным?

Известно, что родители Василия Аксенова были репрессированы. Евгения Семеновна Гинзбург написала о своих мытарствах книгу «Крутой маршрут». Ее свидетельства тем интереснее, что она не скрывает причастности своей и своего мужа к партийно-правящей элите.

«Мой муж еще оставался членом ЦИК СССР, и поэтому я жила в комфортабельном номере гостиницы «Москва», а при моих постоянных поездках из Казани и в Казань меня встречали и провожали машины Татарского представительства в Москве».

«...Астафьево — пушкинский уголок, бывшее имение князя Вяземского, было в то время «Ливадией» столичного масштаба. На зимних каникулах там в большом количестве отдыхали «ответственные дети» (дети Арбата.— **В. С.**), делившие всех окружающих на категории соответственно марке машин. «Линкольщики» и «бьюшники» котировались высоко. «Фордошников» третировали...

...Несмотря на то, что в Астафьеве кормили, как в лучшем ресторане, а вазы с фруктами стояли в каждом номере и пополнялись по мере опустошения, некоторые дамы, сходясь в курзале, брезгливо критиковали местное питание, сравнивая его с питанием в «Соснах» и «Барвихе».

...Это был настоящий пир во время чумы. Ведь 90 процентов тогдашнего астафьевского населения было обречено, и почти все они в течение ближайших месяцев сменили комфортабельные астафьевские комнаты на верхние и нижние нары Бутырской тюрьмы. Их дети, хорошо разбиравшиеся в марках автомобилей, стали питомцами специальных детдомов... но пока еще никто не знал о приближении чумы и пир шел вовсю».

Заметьте, «пир во время чумы» потому, что скоро многие будут арестованы, а вовсе не потому, что на Украине, на Кубани, в Поволжье инспирирован голод и люди едят людей и погибло более 10 миллионов человек.

Рискую совершить перекос в построении статьи и нарушить чувство меры. Но не могу удержаться и не выписать еще одно место из «Крутого маршрута» Евг. Гинзбург.

«И даже сегодня, после всего, что было уже с нами, разве мы проголосовали бы за какой-нибудь другой строй, кроме советского, с которым мы срослись, как с собственным сердцем, который для нас так же естественен, как дыхание. Ведь все, что я имела,— и ТЫСЯЧИ ПРОЧИТАННЫХ КНИГ И ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЮНОСТИ (выделено мной.— **В. С.**), ведь все это мне дано революцией, в которую я вошла ребенком. КАК НАМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ! КАК ВСЕ БЫЛО ХОРОШО! ЧТО ЖЕ, ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ СЛУЧИЛОСЬ?» (Выделено мной.— **В. С.**)

Прежде чем прокомментировать эти, можно сказать, чудовищные строки, скажем, что на последний вопль-вопрос Е. С. Гинзбург отвечено в воспоминаниях ее сверстницы Н. Я. Мандельштам: «Разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что мы отменяем ее и для себя».

Но вообще-то в этом абзаце больше всего меня удивили и даже потрясли слова о том, что Е. Гинзбург обязана революции тысячами прочитанных книг. Или без революции она и читать бы не научилась? Или в России до революции и книг не было, чтобы читать? А появились они лишь в 1917 году после декрета о печати (то есть об отмене свободы печати) и после того, как из всех библиотек начались бесцеремонные изъятия книг с их последующим уничтожением? Я думаю, что декоративно-помпезные костры из книг на улицах Берлина — это детский лепет по сравнению с вакханалией уничтожения книг и целых библиотек по всей России.

Но, может быть, Женя Гинзбург детство и юность провела где-нибудь за чертой оседлости, в каком-нибудь страшном гетто, где запрещалось читать и где запрещалось учиться? И освободила ее из гетто революция?

Обращаемся к предисловию ее сына Василия Аксенова, предпосланному «Крутому маршруту». Первая фраза предисловия: «Почему на долю моей матери, красивой и романтической девочки-гимназистки из Казани...» Уж как-нибудь в гимназии научилась бы она читать и без Великой Октябрьской революции. Дальше — еще яснее: «...Мой дед, фармацевт Гинзбург, холеный джентльмен с большими пушистыми усами, решил, что, когда девочки (моя мама и сестра Наташа) вырастут, он отправит их учиться в Женеву. Начались усиленные занятия французским языком и, разумеется, фортепьяно».

Удивляет фраза и насчет прекрасной юности, которую якобы подарила ей революция. В Женеве, значит, было бы хуже, а ведь ее юность пришлась на самые страшные, кровавые, голодные, тифозные, братоубийственные годы России. На фоне беспрестанных, и днем и ночью, без суда и следствия, во всех больших и малых городах расстрелов прошла ее юность. Откуда же это вос-

клицание: «Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!» Интересно и хорошо, но, увы, не всем. Миллионов двадцать самых красивых и добрых, самых духовно богатых, лучших россиян, убитых и закопанных в общие рвы и ямы как раз во времена юности Е. Гинзбург, не сказали бы, что им было интересно и хорошо.

Детей (детей Арбата) осталось, наверное, немало (некоторых мы даже называли), но дети не виноваты в деяниях отцов. А отцы, между прочим, если бы были живы, могли бы загородиться и таким ответом: «А мы — что? Это не мы. Нам приказала партия».

Да, отдельные люди, служившие партии, ушли, но партия пока еще остается и, более того, сохраняет свое название, ибо все три аббревиатуры — РКП(б), ВКП(б) и КПСС — означают, по сути, одно и то же: коммунистическая партия большевиков. Никем и ничем другим эта партия быть не может.

Вот она-то, эта партия, и должна была бы принести всенародное покаяние, ибо все, что совершалось на территории страны (а многое и за ее пределами), совершалось ее именем. Совершали отдельные люди, иных мы теперь открыто называем преступниками, иных жертвами, иных дисциплинированными исполнителями, но все деяния от лагерного срока за подобранные на колхозном поле колоски, двадцатиминутное опоздание на работу или за неосторожное слово до массовых новочеркасских, тбилисских, венгерских, чехословацких, афганских кровопролитий — все совершалось именем партии.

XXVIII съезд КПСС был удобным, самой историей посланным моментом для такого всенародного покаяния. И момент безнадежно упущен.

Партия устами своего авторитетного представителя должна была бы раздельно, четко, во всеуслышание сказать, что она виновата:

...в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а потом и разогнала Учредительное собрание, то есть беззаконным, насильственным путем захватила власть в Российской к тому времени уже республике...

...в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

...в том, что, увидев, что 90 процентов населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть, вместо того чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения...

...в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

...в том, что ради удовлетворения своих политических амбиций именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства царской семьи, невинных детей и женщин...

...в том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

...в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: восстания путиловское, колпинское, ижорское, кронштадтское, ярославское, астраханское, ижевское, пермское, пензенское, тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...

...в том, что именем партии было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (расказачивание России), когда войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женщинами и детьми...

...в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквах и монастырях...

...в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя...

...в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями...

...в том, что по всей стране, говорят, было разрушено более 90 процентов монастырей и храмов, а в одной только Москве — 450 храмов, включая главную святыню России — храм Христа Спасителя...

...в том, что в 1929—1930 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением шести миллионов (или сколько их там было) наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане многомиллионных табунов, отар и стад...

...в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов — кочками и кустарником...

...в том, что, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему и для того используя порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное, варварское сведение лесов, происходил поспешный, варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком в тридцать слоев, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все на продажу, и все — сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек благородных рыб, и все на продажу, все мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов гектаров травоносных пастбищных степей (целина)...

...в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи десятки миллионов человеческих жизней...

...в том, что система насилия, угнетения, бесправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к тотальному расцвету преступности...

...в том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача (насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берия)...

...в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, делая это на протяжении семидесяти с лишним лет и продолжая во многом лгать и сегодня, партия приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (полуинтеллигентов)-экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства. Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое...

...в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и не безмолвные изымались и уничтожались)...

...в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, пустыни и в тайгу, где эти народы на три четверти погибли: немцы (Поволжья), чеченцы, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

...в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

И вот вместо того, чтобы во всеуслышание рассказать населению о всех этих преступлениях, партия сохраняет свое название, делает вид, что ничего этого не было, и со слепым, фанатичным упорством продолжает настаивать на утопических, самой жизнью разоблаченных идеях строительства социализма, коммунизма, на идеях марксизма-ленинизма (почему бы и не сталинизма?), то есть держит курс на окончательное истощение, одичание и вырождение народов.

Вместо того, чтобы громогласно покаяться, они встали и... запели «Интернационал»!

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей...

Где свора? Кто псы? Кто палачи? И что они там, несколько тысяч человек в зале съезда,— малые дети, чтобы петь сегодня про свору псов и палачей?

Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда...

У нас, как известно, именно крестьяне и не владеют землей. Зачем же талдычить давным-давно умершие догмы?

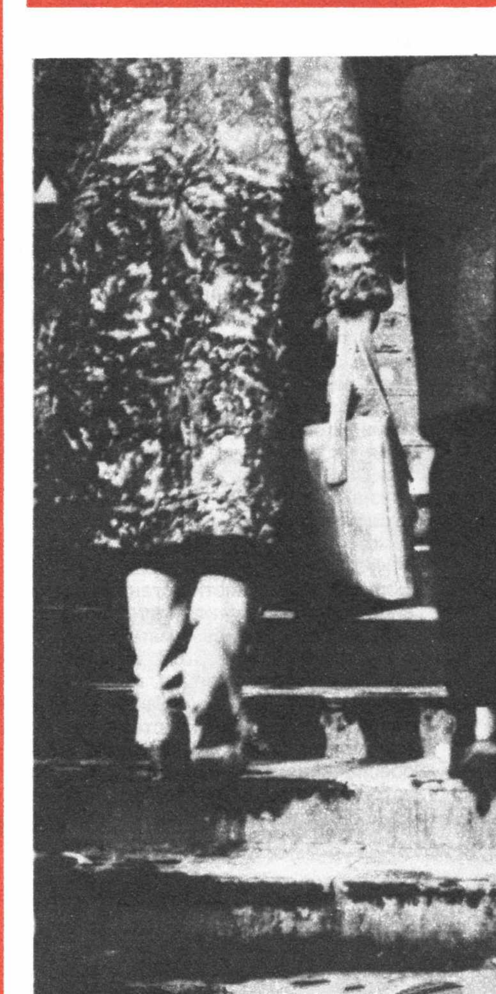
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...

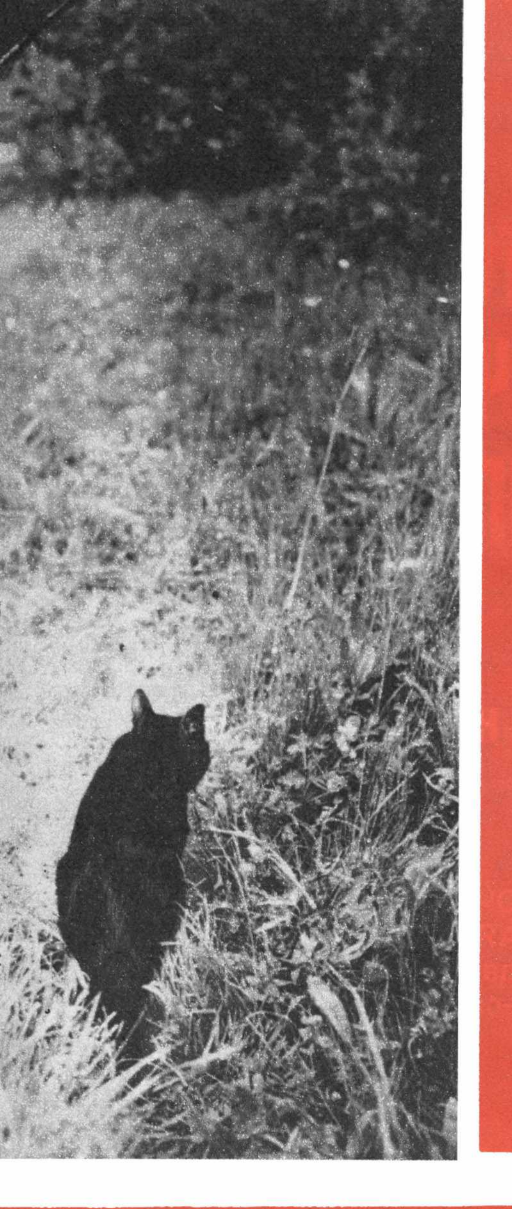
Сегодня эти слова не воспринимают всерьез даже дети. А они стоят и поют...

Впрочем, говорят, что на зал была пущена фонограмма и пел профессиональный хор, а стоявшим в зале достаточно было только раскрывать и закрывать рты, делая вид, что поют. Что же, символично и это.

ФОТО:
Льва ГЕЛЬДЕРМАНА. (Мурманск)
Юрия КОРЕНЬКО. (Белгород)
Олега КУЦКОГО. (Одесса)
Александра МАХЛИНА. (Шебекино Белгородской области)

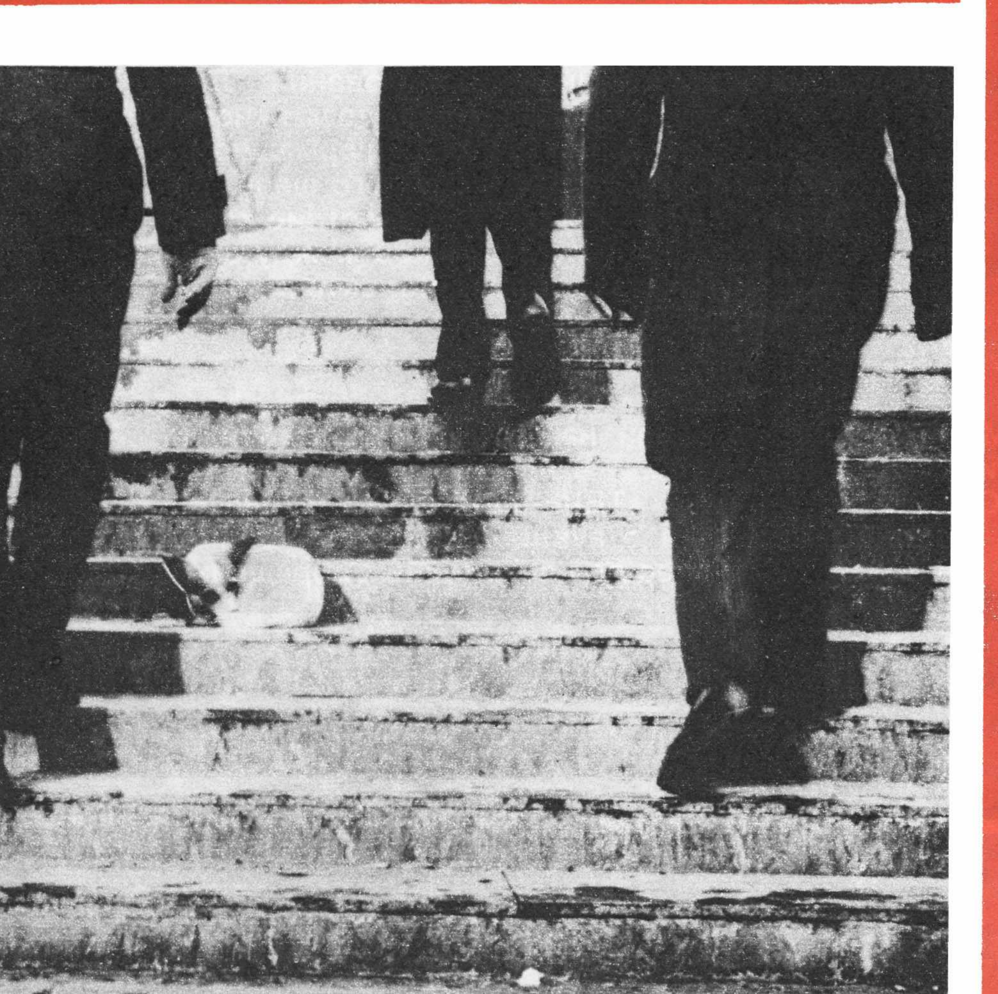

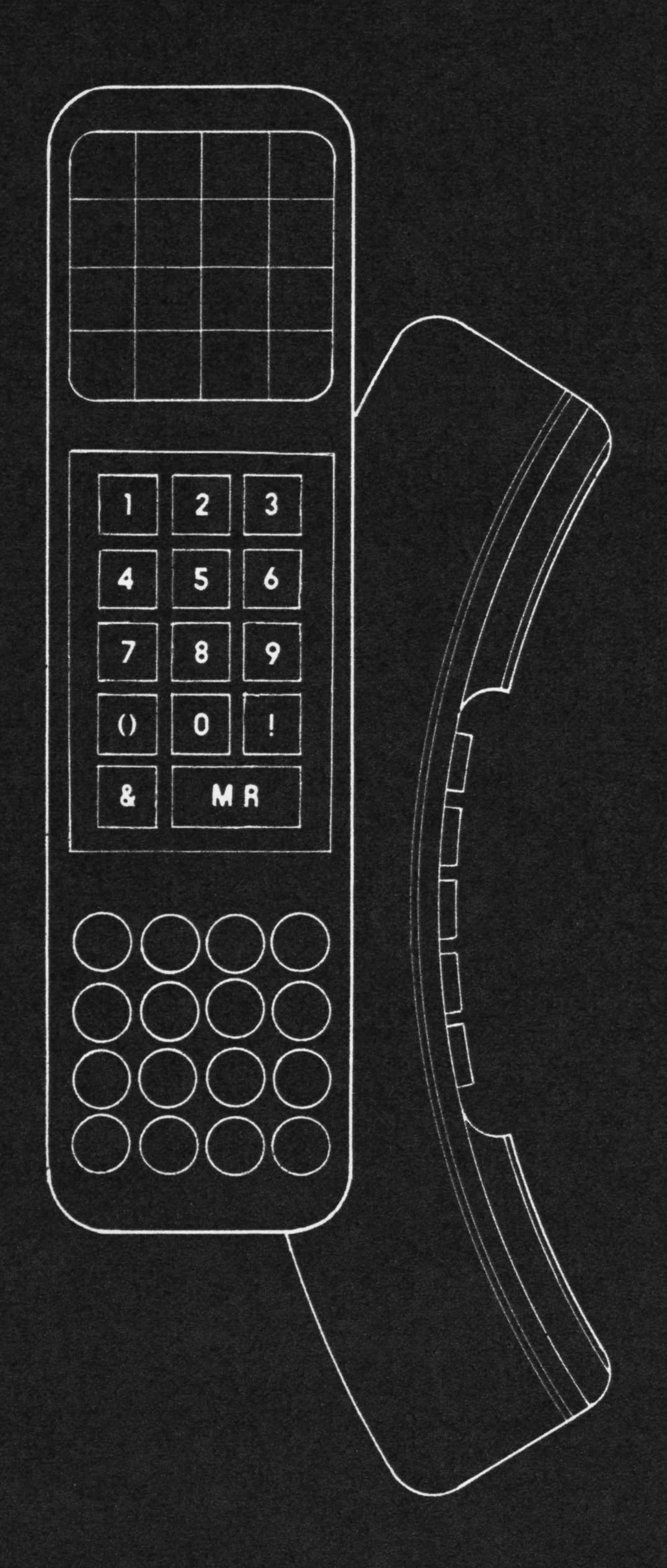

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

КРУГЛОСУТОЧНЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ

для широкой номенклатуры товаров

ВЫ МОЖЕТЕ ЗАКЛЮЧАТЬ СДЕЛКИ ПРОДАЖИ, НЕ ПОКИДАЯ СВОЕЙ КВАРТИРЫ,— теперь, когда начала работать электронная бизнес-система «ТЕЛЕ-МАРКЕТ».

Аренда места ПРОДАВЦА в нашей системе обеспечит вам автоматический сбыт вашего товара — вы регулярно будете получать по телефону в речевой форме исчерпывающую информацию о конкурентных предложениях по приобретению предложенной вами продукции.

ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ ВАМ НУЖЕН ТОЛЬКО ТЕЛЕФОН! Ваш «электронный почтовый ящик» в системе «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» надежно защищен от несанкционированного пользования. Личный кодовый номер-шифр, возможность передавать и принимать информацию из любой точки страны и земного шара, где есть телефонная связь, отсутствие каких бы то ни было посредников между вами и покупателем, кроме электронных,— сервис «ТЕЛЕ-МАРКЕТ».

Круглосуточно канал «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» задействован на поиск покупателей по всей стране. Ваше дело — выбирать, все остальное — в нашей компетенции.

Свободная аренда места ПРОДАВЦА в системе «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» прекращена 1 июля 1991 года. Оставшиеся места реализуются с аукциона. Все справки по телефону: (095) 166-22-03, факсу: (095) 117-26-30. Адрес для письменных обращений: 109280, Москва, Автозаводская ул., 5, а/я 801.

Дайте руку, читатель. Отправимся в «Леголанд», в страну где-то в глубине маленькой Дании, в страну, созданную талантливыми и трудолюбивыми мастерами.

Фото Геннадия КОПОСОВА

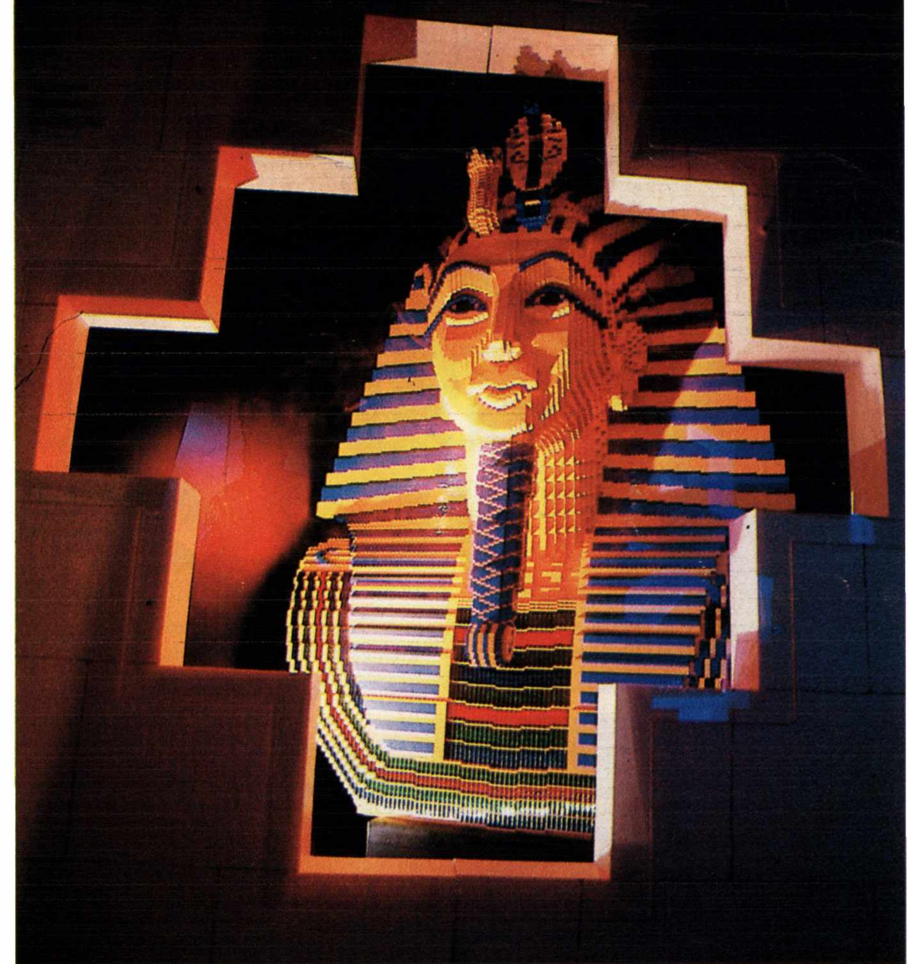

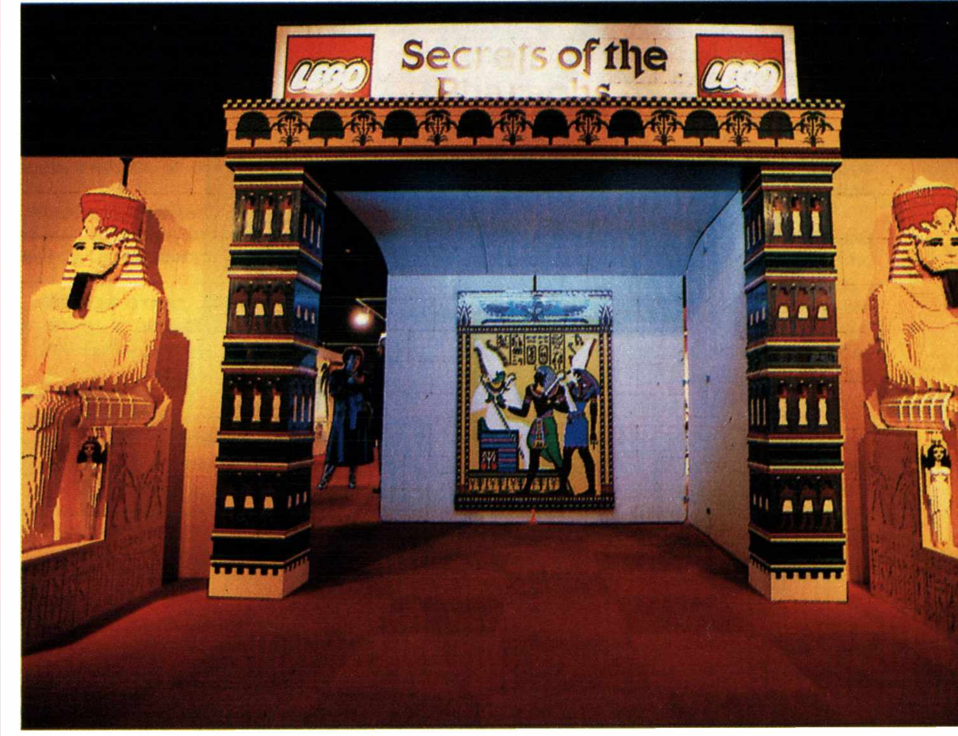

А ЛЕГОЛАНД — ЗА ГОРИЗОНТОМ...

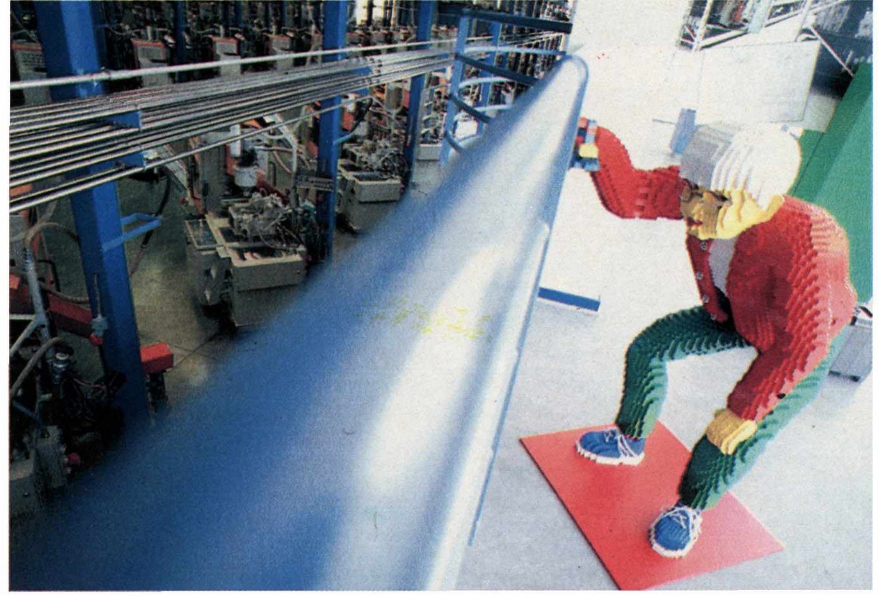

Наслышан и знаю: мы рождены, чтоб сказку сделать былью. И поначалу воспринял «Леголанд» как некую историческую неточность: нам предначертано, а они сделали? Потрогал рукой остановившееся такси, зачерпнул воды из местной речушки — взаправдашние. Сел в вагончик мчащегося по игрушечной (все же) стране по-

езда, и замелькали передо мной королевские дворцы, ветряки мельниц, ресторанчик «Салун», почта, музей, зоопарк, магазины и магазинчики, типография (в ней, шепотком рассказали мне, печатаются какие-то пиратские плакаты)...

Все как настоящее.

Как в жизни, как за символической оградой этой умной детской страны. Немножко озорной, но вполне добропорядочной. И здешний шериф, заметил я себе, работой не обременен. Появится — неслышно — возле азартно шурующих лотками золотоискателей. Или перебросится парой холостых (но из почти настоящего пистолета) выстрелов с вождем индейского племени.

...История не виновата. Мы-то хотели сделать былью сказку, а тут, в Биллунде, небольшом датском городке, поступили как раз наоборот: из бытия, из истории, из повседневности смастерили сказку. Очень складную — как и жизнь там, за несуществующим забором сказочной страны.

К. Б.

Владимир ЛОБАС

«МЫ, ДРУЗЬЯ ГЕЛИЯ СНЕГИРЕВА...»

«Я уехал из России почти двадцать лет назад. Уезжал я с одной целью — писать...» — говорит о себе Владимир Лобас, чье имя, ранее практически неизвестное, теперь на устах у всей читающей публики: «Желтые короли» в «Новом мире» — одно из главных событий первой половины этого года. Это умный, ироничный, жесткий роман, выстроенный на мотивах собственной биографии,— о жизни бывшего советского литератора, ставшего волею судьбы сотрудником радио «Свобода» и... нью-йоркским таксистом.

«К сожалению,— говорит Владимир Лобас,— работа над «Желтыми королями» и по сей день далека от завершения. Исписав в течение шести лет более шести тысяч страниц черновиков, я закончил только первую часть этой книги о нью-йоркских таксистах...»

Неудивительно, что наиболее крупные вещи, осмысляющие судьбу эмиграции, к нам начинают приходить только сейчас. Крупные вещи пишутся долго и трудно. Тем более идущие по горячим следам самой жизни. Герой книги В. Лобаса — сотрудник радиостанции «Свобода» — не герой-диссидент, не фанатик. Как и все обычные люди, он мучается душевным разладом, ощущением своей ненужности и беззащитности. Горячечные воспоминания о Родине, незримое присутствие «ока КГБ», холодная спесь западных «хозяев» (действие книги происходит в годы разрядки, «детанта») — на этом психологическом фоне и происходит действие «Желтых королей».

В «новомировскую» публикацию не вошла документальная глава о Гелии Снегиреве — киевском диссиденте, писателе, погибшем при странных обстоятельствах. Объективно не «вписавшаяся» в романное повествование, эта глава важна не только как дань памяти замечательному человеку, но и как важная ступень духовной биографии героя «Желтых королей».

Отдел литературы

В нашем сложном мире порой случается, что события, которые происходят вдали от тех мест или даже от той части света, где мы живем, события, в которых мы ни прямого, ни косвенного участия не принимали, вдруг оказывают на наши судьбы куда более действенное влияние, чем все наши самые старательные потуги чего-то добиться в жизни или хоть как-то пристроиться. Случилось это примерно года через два после того, как однажды в Москве на квартиру к бывшему генералу, давно лишенному советским правительством и генеральского звания, и боевых орденов, и пенсии,— к известному диссиденту явился незнакомый посетитель.

— Я украинский писатель из Киева,— представился он и назвал свое, ничего не говорившее хозяевам дома имя.— Никаких рекомендаций у меня нет. О вас обоих (то есть о генерале и его жене) я слышал и читал то, что вы написали... Я подумал, что, если приду к вам сам по себе, вы меня не прогоните...

«В этих словах,— вспоминали впоследствии диссидент и его жена,— было столько обаяния и простоты, что мы сразу же прониклись к незнакомцу доверием. Долго сидели и разговаривали...»

Гость вручил подарок — рукопись своей книги. Однако подарком не обошлось, была у гостя и просьба: хозяева насторожились...

Писатель из Киева был ясноглаз и русоволос, просьбу свою — устроить ему встречу с иностранными корреспондентами, с которыми он намерен говорить о политическом положении в стране,— излагал настойчиво, и у старого генерала, который когда-то гнал в атаки, на смерть тысячи и тысячи таких же ясноглазых, русоволосых, дрогнуло что-то внутри, и он сказал, что содействовать не станет:

— Последствия подобного поступка непредсказуемы...

Так выговаривал искателю приключений человек, который уже прошел и аресты, и тюрьмы, и годы истязаний в психушках, где его «лечили» разлагающими сознание инъекциями.

— Вернитесь в Киев,— посоветовала, смягчая отказ, жена.— Постарайтесь еще раз обдумать свое решение, посоветуйтесь с людьми, которым доверяете. Как знать, может, со временем вы будете благодарны за то, что получили сегодня такой ответ.

С тем гость и ушел, а рукопись — осталась...

Грубый генерал-каторжанин, в облике которого и Академия генерального штаба не вытравила в свое время примет мужицкого сына, читал подаренный ему экземпляр и все ниже опускал своевольную, наголо обритую голову.

«Не сразу решился я передать рукопись этой книги для издания за границей. Существовало два варианта. Первый: выехать на Запад самому (есть такая возможность) и, уже находясь там, издать книжку. Второй: остаться на родине и передать рукопись за рубеж.

Я понимал: если останусь, то, по всем данным, исходя из опыта поведения властей моей отчизны, буду арестован и осужден...

Но я выбираю второй вариант: остаюсь. Прошу тебя, читатель, когда услышишь, что меня судят, не интересуйся слишком дополнительной информацией через слухи... а знай заранее, что я сказал на суде то, что ты сейчас прочитаешь.

А «сказал» — скажу! — я на суде так:

— Граждане судьи!.. Я переслал на Запад рукопись своего произведения потому, что, когда литератор напишет вещь, он хочет (и должен!) выстраданный труд свой держать в руках книжечкой, изданной многими экземплярами, которые дошли бы до многих читателей. У себя на родине я этого не мог — издать и держать в руках книжечку. А я ее писал и считал нужной людям...

Так бы я сказал на суде.

Но, возможно, до суда и не дойдет. Даже и до закрытого. Просто меня заберут, и я исчезну...»

Жена генерала тоже читала эти строки и, позволю себе такой домысел, плакала. Умным сердцем своим, которому довелось выстрадать много горя, она угадывала, что писатель из Киева вернется, и тогда ей с мужем придется исполнить то, чего он от них добивался: помочь ему погубить себя окончательно, бесповоротно!

И он вернулся...

Тот год, когда происходили события, о которых идет речь, советские газеты обозвали «Годом Конституции», поскольку на исходе этого года должен был вступить в силу новый свод основных брежневских законов. В течение уже нескольких месяцев телевидение и печать рассказывали о небывалом энтузиазме трудящихся, которые вовсе и думать забыли о беспросветных временных трудностях, а только радовались, что мудрая партия придумала для них новую конституцию!.. И потому, когда генерал и его жена, уже не пытаясь отговаривать автора свежеизданной за рубежом книги, оповестили западных корреспондентов о том, что в такой-то день, в такое-то время у них на квартире некий гражданин СССР намерен в порядке обсуждения высказать критические замечания по поводу Конституции, то, рискуя быть высланными из страны, на созванную без ведома властей пресс-конференцию помчались двадцать зарубежных репортеров!

Потом, возвратясь через месяцы или через годы домой,— в кабинете ли редактора, за столиком ли в клубе журналистов, в собственной ли спальне будут они рассказывать, сколько мужества требовалось иной раз, чтобы просто войти в подъезд обыкновенного московского дома, и будут с горечью чувствовать, что рассказ неуклюж и что им не верят...

В диссидентскую квартиру входили взволнованные, с чувством исполненного журналистского долга. Мужчина лет пятидесяти, тот самый, суждениями которого их собирались угостить (имя, отчество, фамилию записывали в блокнотах печатными, чтобы не перепутать, буквами: GHELY IVANOVICH SNEGIREV), в прошлом член Коммунистической партии, член Союза писателей и Союза кинематографистов, поднялся со стула и прочел вслух заранее приготовленный текст:

«Настоящим заявлением я отказываюсь от советского гражданства. Такое решение я принял в те дни, когда вы проводите так называемое обсуждение проекта новой конституции. Газеты, радио, митинги орут о единодушном восторженном одобрении. В ближайшее время проект станет законом под всеобщее громкое «Ура!».

Ваша конституция — ложь от начала и до конца. Ложь, что ваше государство выражает волю и интересы народа... Ложь и позор ваша избирательная система, над которой потешается весь народ... Ложь и позор ваш герб, колосья для которого вы импортируете из Соединенных Штатов...»

Умолк.

В комнате было тихо.

Даже иностранцы понимали, что произошло. Этот человек, несомненно, отдававший себе отчет в своих действиях, переступил роковую черту. Будто шагнул в зону жесткого облучения.

Ни вспышки, ни звука...

Голова, руки, ноги — все на месте...

Но человек обречен. И нельзя предугадать, что с ним случится. Может, через час его задавит автомобиль... Может, завтра его вышвырнут на ходу из поезда «грабители»... Может, его объявят душевнобольным?..

О событиях этих, происходивших за тридевять земель от Нью-Йорка, я, разумеется, и слыхом не слыхал до тех пор, пока из Мюнхена, из штаб-квартиры радио «Свобода», в наш нью-йоркский филиал не переслали «Заявление об отказе от советского гражданства» и пока аккуратная сотрудница библиотеки, размножив документ, не положила одну из копий в ящичек с надписью «LOBAS» — для внештатного обозревателя...

Так в мою тоскливую жизнь вошли совершенно особые пятницы. Теперь из студии записи я выходил окрыленным, и все благожелательные наставления редактора: — «Избегайте прямых оценок. Ну, к чему эти ваши резкости?» — и самые добросовестные предупреждения о том, что своевольничество неминуемо приведет к потере работы, казались мне не заслуживающей внимания ерундой. Завтра в длинных и злых очередях к пустым прилавкам продовольственных магазинов будут люди шепотком повторять лихую концовку моей программы:

ЛОЖЬ И ПОЗОР ВАШ ГЕРБ, КОЛО-

СЬЯ ДЛЯ КОТОРОГО ВЫ ИМПОРТИРУЕТЕ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Во какая у меня сегодня концовка! Эти слова я помню наизусть; они жгут: это МОИ(!) слова, это МОИ(!) мысли... Разве еще задолго до того, как уехать, не примерялся я в душе тысячу раз сказать именно это, именно так — открыто! — но не смел... И оправдывал себя тем, что миллионы других людей, которые копошились вместе со мной в той, советской жизни, порывались сказать то же самое и тоже — не смели...

Даже здесь, в тихой заводи, живя в Нью-Йорке, в Вашингтоне или в Мюнхене, многие из нас, сотрудников вещавших на Союз станций, вели передачи под псевдонимами, как и я. Осторожность в отношениях с КГБ всегда разумна. Но этот человек, швырнувший им: НЕ ХОЧУ БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СССР! — этот автор, которого я цитировал, находился по ту сторону стены и за псевдонимом не прятался... Свое открытое письмо Советскому правительству он подписал полным именем и указал адрес: «Киев, улица Тарасовская, 8, кв. 6». Он преодолел страх...

Политический отдел «Радио Свобода», запрещавший своим сотрудникам любое антисоветское высказывание, пропускал в эфир публицистику Гелия Снегирева. Джентльмены детанта все-таки уважали чужую храбрость; они понимали, что этого автора ждет... И тем сильнее завидовал я — ему, что не в острословии мы с ним состязались. Суть вещей, по-видимому, заключалась в том, что он и я были сделаны из разного человеческого материала. Ибо я не чувствовал себя свободным — здесь, а он был беспредельно свободен — там!.. И еще: для меня его имя не звучало неким абстрактным символом, как имена Сахарова или генерала Григоренко, которых я никогда не видел. Его, Снегирева, я знал, помнил... Мы с ним много лет копошились рядом... И называть я его привык не по фамилии и уж никак не Гелием Ивановичем, а по кличке, распространенной среди его приятелей,— «Гаврилой».

Я не был его другом. Мы были знакомы постольку, поскольку Гелий тоже был киношником: сценаристом, режиссером, а одно время ходил даже в киноначальниках. Он жил в центре города, в лучшей, чем я, квартире; имел такие, что мне и не снились, связи и вообще был одним из тех, о ком говорят: ну чего еще ему не хватает?.. Однажды он всех удивил: олимпийский, недосягаемый в ту пору для посредственностей «Новый мир» напечатал его рассказ. Вещичку взяли у Гелия небольшую, но это была настоящая проза, и, прочитав, я больше не хмыкал про себя, дескать, как профессионал, как кинематографист, он куда слабее меня... Он был слабее потому, что был непутевым. Голова его была постоянно забита чем угодно, только не сценарными ходами, не поводами кинонаблюдения, не спровоцированными ситуациями...

Мы не были настолько близки, что я должен был разыскать его и попрощаться — перед отъездом. Я вообще забыл о нем и, лишь прожив несколько лет в Нью-Йорке, сняв как-то с полки очередной номер «Континента», вдруг увидел знакомое лицо. Я решил, что обознался; так нет же! Рядом с портретом был напечатан текст:

ЗРЕЕТ ВО МНЕ ОЩУЩЕНИЕ, РОЖДАЕТСЯ НАДЕЖДА, ЧТО МНЕ СУЖДЕНО СТАТЬ ПЕРВОЙ ЛАСТОЧКОЙ. ТОЙ, КОТОРАЯ ВОЗВЕСТИТ ВЕСНУ СВОБОДЫ МОЕЙ РОДИНЫ. ГЕЛИЙ СНЕГИРЕВ.

Еще вчера он был нуль, простой советский человек, которого можно сгноить в лагере или уничтожить в психушке — кто там хватится?!. Но Гелий както сразу чересчур широко шагнул. Изо дня в день его имя повторяли и Би-би-си, и «Немецкая волна», и «Голос Америки», и «Свободная Европа»...

— ВАША КОНСТИТУЦИЯ — ЛОЖЬ ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА! — ни Солженицын, ни Сахаров, да и вообще никто не решался так разговаривать с ними...

Это было невероятно, непостижимо: Гелий ходил на свободе. Они явно не знали, что с ним делать. Я иной раз думал: может, они и не станут его сажать? Может, они объявят его евреем?.. Гелия Ивановича?.. Но разве отчество для них — помеха? Скажут — «Исаковыч» — и вышвырнут в Израиль...

Может, так и случилось бы, но он перешел последнюю грань. Новое письмо было адресовано Генеральному секретарю, лично. «ВЫ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ОБРАЗЦА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО ГОДА...» Тех, кто затронул генсека, не выбрасывают в Израиль.

У нас, на радио «Свобода», где за мою бытность они и пальцем не тронули ни одного сотрудника, появился — в качестве гостя — болгарский писатель Георгий Марков, политический эмигрант, постоянно работавший в Лондоне, для Би-би-си. Главной мишенью радиопередач Георгия Маркова был Тодор Живков. 7 сентября 1978 года (в день рождения болгарского фюрера и, видимо, в подарок ему — от любящей госбезопасности) в сутолоке на мосту Ватерлоо «случайный прохожий» задел Георгия Маркова зонтиком. Охнул Марков: что-то кольнуло в бедре...

Он скончался на четвертые сутки. При вскрытии из верхней части бедра была извлечена крошечная — 1,7 миллиметра в диаметре — металлическая ампула с ядом рицин.

И другой корреспондент «Свободной Европы», Владимир Костов, тоже писавший о своем генсеке, прогуливаясь как-то по Елисейским полям, вдруг почувствовал укол в спину. Костова, однако, удалось спасти. Желатиновая «пробка», закупоривавшая металлическую ампулу с рицином, извлеченная хирургом и показанная на телеэкранах доброй дюжины демократических стран, оказалась дефектной. Она не растаяла полностью при температуре человеческого тела, как это должно было произойти (и произошло при убийстве Маркова), а только подтаяла, и в организм Костова попала лишь незначительная доза яда, содержавшегося в микроампуле...

Я читал письмо, посвященное Брежневу: «ВАША КАРЬЕРА ВОЗНИКЛА НА КРОВИ... ВАШИ РУКИ В КРОВИ...» — и хотелось кричать: нельзя! Гелий, этого писать нельзя!..

Но разве я жил неотступной мыслью о Гелии?.. Я жил своей жизнью, заботами и дрязгами. Орал на сына из-за «тройки» по химии: «Ты живешь в эмигрантской семье и обязан учиться блестяще! Такси захотелось водить?!»

Когда пришла весть о том, что Гелий арестован, я воспринял ее, как мы обычно воспринимаем новость о том, например, что кто-нибудь из наших знакомых, будучи неизлечимо больным, попал в клинику, из которой ему, наверно, уже не выбраться... Жаль, конечно. Но ведь иначе и быть не могло...

Недооценивая нашей госбезопасности, я думал, что на допросах Гелия будут бить. Но кроме того, что он арестован, мы ничего не знали. Не знали, что в его камере сверкает паркетный пол, что его сытно кормят, что тюремщики исключительно вежливы с арестантом, а за состоянием его здоровья следит специальная медицинская бригада...

Не знали мы и такой подробности: с десятого по двадцать седьмой день голодовки заключенного искусственно не кормили, а когда наконец накормили по всем правилам: с выламыванием рук, наручниками и хрустом крошащихся зубов,— он почувствовал в шее иглу — и потом, мечась на койке в бреду, кричал: «Шприц!.. Январь!.. Японский укол!..» — а по ногам, вверх от носков уже медленно полз паралич...

Радиостанции передавали последнее открытое письмо Гелия: *«Леонид Ильич, вы старый человек. Смерть уже задевает вас своим крылом, от вас не отходят врачи... Всю свою жизнь вы прожили ложью. Не в мелочах — соседу и жене вы лгали. Лгали народам — своему и всего мира. Неужели вы так, во лжи, и умрете?..»*

Но Брежнев в тот год еще не собирался умирать, а Бог не принимал молитв Гелия, который уже просил смерти...

Всего этого мы не знали...

«22 сентября в 9 часов 20 минут я вышел из дома на Тарасовской улице, № 8,— кольнул, кольнул знакомый киевский адрес! — и пошел к Ботаническому саду. Светило солнышко, на мне было легкое светлое пальто, сандалии. У здания пожарной команды стоял, загораживая мне дорогу, голубой «рафик». Я хотел его обойти, когда справа, со стороны пожарной команды, возник большеголовый и седовласый человек. И он сказал:

— Здравствуйте, Гелий Иванович. Садитесь, пожалуйста, в машину...»

...За тонкой перегородкой послышались шаги: из спальни — в ванную, из ванной — в кухню. Это поднялась жена; она теперь училась в Манхэттене на курсах операторов электронных машин. Я лежал в своем кабинетике, в своей бруклинской квартире и читал рукопись одного из старых киевских знакомых, о котором доподлинно знал, что его уже нет в живых...

Примерно полгода назад — или больше? — сюда, в Нью-Йорк, дошло известие, что Гелий Снегирев, помилованный советским правительством, и, стало быть, освобожденный (?) из следственной тюрьмы КГБ, внезапно чем-то заболел — и умер.

Это было письмо с того света...

Впрочем, отпечатанный на машинке «Москва» текст меньше всего напоминал заявку на фильм ужасов. Голубенький «рафик» все ехал и ехал по улицам, хорошо знакомым мне с детства... Вывернул на Владимирскую. Значит, из окна Гелию были видны красные колонны университета; потом — музей Ленина, где меня когда-то принимали в пионеры... Да, вот и Гелий упоминает, что из окна «рафика» увидел этот самый музей, затем ресторан «Лейпциг» и, наконец, серое здание КГБ, почему-то всегда укрытое строительными лесами...

«Повернули на Ирининскую, заехали в ворота и — приехали!»

Будничный тон рассказа как бы приглашал «на экскурсию» — внутрь зловещего здания, куда был доставлен арестованный...

«Начали обыск. Какие-то бумаги и подписи — хотя нет, без подписей, я сразу же заявил, что ничего подписывать не буду. Понятые. Какое-то начальство, которое произносило: «Да, Гелий Иванович, вы изрядное ведро грязи вылили на нас и тут, внутри, и там, за рубежом». Потом меня повели через двор, в маленькой каморке обшмонали уже донага... Коридор, лестница, коридор, в руках у меня два матраса, лязг замков и — камера. Сосед: чернявый, симпатичный. Я плохо помнил все эти первые минуты, а он, Иван Иваныч, мне потом рассказал: я походил, осмотрелся, оценил наблещенный паркет и высоту потолка, метров около пяти (до революции здесь был то ли дешевый отель, то ли бордель), присмотрелся к нему, к соседу, и сказал: «О, здесь жить можно, красота!» И, придвинув лицо к нему вплотную, заговорщицки бормотнул: «Так что, «подсадной»? Ну-ну!..»

Ну, вот. И потекла жизнь — да, жить можно, красота! И с первых же дней я стал сочинять вирши...

Одна милая дама дала мне совет:
Если вам суждена
в самом деле тюрьма,
Сочиняйте стихи там, хоть и не поэт.
Помогает, от многих слыхала сама».

Я перелистал страниц десять стихов, сочиняя которые заключенный лечил тюремную тоску: ученических, косноязычных, читать их было неинтересно... И уже вскоре после того, как окунулся в эту рукопись едва ли не с трепетом, я довольно бегло ее просматривал.

«С самого начала я завел со следователем весьма странные отношения: не здоровался, хамил, а в устных и письменных ответах (все ответы в протоколах допросов писал своей рукой) остроумничал и изгилялся, как мог...»

Действительно, странные отношения... На первый же допрос Гелий входит в кабинет капитана госбезопасности, напевая:

«Я его оскорбил. Я сказал: «Капитан, Никогда ты не станешь майором!..»

Это он — со значением, в том смысле, что «большеголовый седовласый» капитан Слобоженюк на нем, на его деле, майорской звезды не заработает. Но еще неожиданней — реакция следователя. Что же он? Кулаком по столу? Отнять курево? Лишить передач, прогулки?.. Не только ведь офицерский гонор подзуживает обломать наглецу рога: служба такая... Не получишь необходимых показаний — какая уж там звезда?! Долго ли строгому начальству прогнать седого капитана — на заслуженный отдых?.. И тем не менее капитан не вызверился, а только напомнил развязному остряку, дескать, вы, Гелий Иванович, как-никак находитесь в серьезном учреждении и песенки распевать у нас на допросах не положено... Да еще вроде бы пожаловался (?) заключенному на свой хомут:

— С меня за это, знаете, как стружку снимут!..

Впрочем, ничего невообразимого не было в том, что Гелия препоручили такому захудалому, не вышедшему в чин гэбисту. Ибо какой еще выдающийся контрразведчик требовался для дознания по делу, основное обвинение по которому именно в том и заключалось, что преступник не желал скрывать свои преступные мысли: «ВАША КОНСТИТУЦИЯ — ЛОЖЬ ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА!..» И если диссиденту поначалу могло что-то показаться необычным в его простоватом и незлобивом по натуре следователе, то лишь степень бесцветности, бездарности этого чиновника, который постоянно, изо дня в день бубнил одно и то же: «Да, Гелий Иванович, именно так у нас и положено» или «Нет, Гелий Иванович, так у нас не положено»... Однако же изумляться, даваться диву тоже особого повода не было: обычный продукт системы — ничтожество, каких полно и в Союзе писателей, и на любой киностудии, и, по-видимому, в КГБ...

Порой, правда, Гелию казалось, что следователь прикидывается эдаким туповатым бюрократом, хотя если вдуматься, то с какой, собственно, целью офицер госбезопасности мог взяться играть такую, чуть ли не комедийную роль?..

Гелий обращался с жалким этим капитаном именно так, как тот заслуживал, не отказывая себе в удовольствии при случае и подразнить «дубогрыза»:

— Скажите, капитан, вас при входе на работу и при уходе обыскивают?

— С чего вы взяли? Нет, конечно.

— Неправда, еще как шмонают!

— Что за глупости?

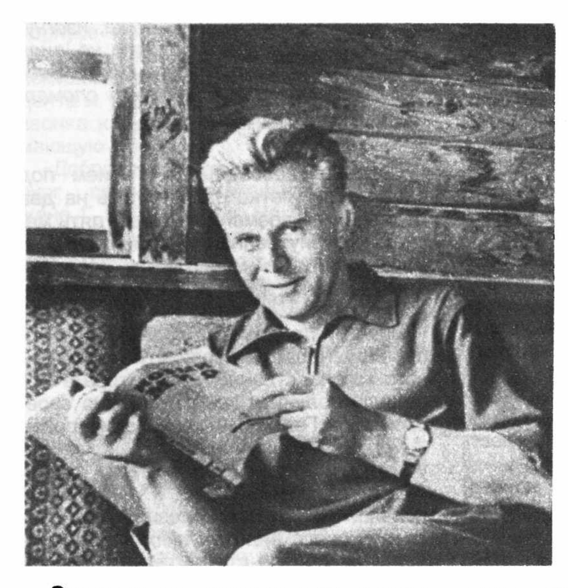
— А вот и не глупости! Меня по дороге к вам и от вас — шмонают...

— Так это же не меня обыскивают, а вас.

— А вы подумайте: меня ведут к вам, и, кроме вас, я ни с кем не общаюсь. За мной следит вертухай... Значит, шмонают вас: или я вам что-то несу, или вы мне что-то вручили. Разве не так? Вас обыскивают, вас!

Следователь со скрипом посмеялся:

— Шутник вы, Гелий Иванович...

Однажды на допросе раскапризничавшийся заключенный схватил со стола лист протокола, изорвал его в клочки и швырнул в мусорную корзину.

Лицо следователя сделалось каменным. Он молча встал, шагнул к бронированному сейфу, открыл его и достал,— дрогнул Гелий, не сразу понял... Но в руках у следователя оказалась всего лишь навсего бутылка канцелярского клея... Все так же молча седая голова нырнула в мусорную корзину, капитан тщательно собрал ошметки, разложил их на столе и стал подклеивать. И лишь закончив кропотливую эту работу, сказал:

— Как же вы так, Гелий Иванович? Культурный человек, а такое себе позволяете?.. Протокол, хоть и неподписанный, есть документ. С меня за ваши «художества» начальство спросит, и крепко спросит!..

Неловко сделалось Гелию за свою выходку: вовсе не имел он в виду унижать пожилого человека; и, полуизвиняясь, заключенный пробормотал: что же вы, мол, меня не предупредили? Я уж не стал бы...

Совершенно, однако, необъяснимым в записках Гелия выглядело то, что «странные отношения» сложились у него, оказывается, не только со следователем, а со всеми, решительно со всеми, кто окружал его во внутренней тюрьме КГБ. Например, прощупывают два прапорщика грязные носки заключенного, резинку в его кальсонах, а писатель, кинорежиссер — барин — колет им глаза:

— До какой же мерзкой ерунды опустились вы, хлопцы!

А «хлопцы» в ответ — ни звука. Скушали. А дальше — больше. Обнаружив во время очередного обыска упомянутые уже стихи (и не просто так — стихи, а зашифрованные!), надзиратели поначалу отложили их в сторону, но потом не только не прикоснулись к тетрадке, но даже не доложили о своей находке наверх, поскольку история эта никакого продолжения не имела...

С нескрываемой симпатией относился к диссиденту и главный следователь Управления полковник Туркин; «обаятельный, умница» — эпитеты Гелия. На допросах полковник появлялся нечасто, но если и заглядывал, то прежде всего справлялся не о ходе следствия, а о самочувствии заключенного, причем не вообще, из вежливости, а входил в детали: не шалит ли сердчишко? Не мучает ли бессонница? И даже такое: не сверлит ли геморройчик?.. Это, знаете ли, препротивная штука, многих в тюрьме беспокоит...

Но, пожалуй, лучше всех относился к Гелию начальник тюрьмы, подполковник Сапожников. Хотя заключенный изрядно въелся в печенки и ему. Седьмого ноября, в праздник, когда по всей стране руководство взыскивает с блюстителей порядка за любое «чепэ» особенно строго, Гелий закричал в прогулочном дворике, что призывает всех политических узников встретить годовщину Октября голодовкой протеста!.. Произошло это на девятый день голодовки самого Гелия, он потерял сознание, упал и был доставлен в камеру на руках надзирателей...

В советской тюрьме за подобное нарушение полагается карцер, но подполковник Сапожников применил иное наказание:

«...через два дня, когда я лежал с голым задом в медкабинете и в меня насильно заливали питательную клизму, пришел начальник тюрьмы и, обращаясь к моей отощавшей заднице, огласил приказ об объявлении мне выговора за нарушение дисциплины».

Как говорится, и смех, и грех: человек добровольно идет на каторгу, а начальник СИЗО, т. е. следственного изолятора КГБ (зверюга ведь должен быть!), журит его выговором в приказе...

За стеной опять послышались шаги. Из комнаты сына — в ванную, из ванной — в кухню. Ойкнула и зашуршала осколками по линолеуму бывшая тарелка или чашка. Потом в квартире стало тихо, как в могиле. Я читал, уже ничего не пропуская...

За окном струился снежок, приближался Новый год, и, забыв о мелких личных обидах, седовласый капитан, которому, кроме неприятностей, дело Гелия и впрямь ничего не сулило, затеял однажды со своим подследственным разговор по душам — о некоторых веяниях в определенных сферах. Гуманные веяния эти поощряли применение закона, согласно которому чистосердечное раскаяние обвиняемого по политической статье иногда вознаграждается полным помилованием. В особенности на стадии следствия, т. е. до суда, до приговора... Тогда и с жены, которая помогала — ведь помогала, Гелий Иванович, еще как помогала! — распространять клеветнические материалы и которая в любой день могла оказаться за решеткой, тоже спадут обвинения...

— Что, много шуму «за бугром»? Надо бы нейтрализовать? — поддел следователя Гелий.

— Не мешало бы нейтрализовать,— признался следователь.— Подумайте, Гелий Иванович.

И вдруг надменный, насмешливый диссидент пообещал подумать!.. Капитан не мог поверить своим ушам. И поверил только тогда, когда понял: в обмен на туманное обещание заключенный клянчил поблажку. Гелию и его сокамернику вздумалось устроить в тюрьме на Новый год елочку...

Конечно же, заключенный играл с капитаном, как кошка с мышкой, но дураковатый капитан клюнул на удочку и не только разрешил неслыханное в следственном изоляторе баловство, а собственноручно принес заключенным две или три пахнущие смолой и морозом хвойные ветки. И чтоб все уж было честь по чести, позволил арестантам сделать елочные игрушки из фольги от полученных в передаче плавленых сырков. И еще приказал гэбист бессонным вертухаям не заметить, что Гелий и его сокамерник «тайно» готовят (в мыльнице?) из хлеба, сахара и воды по глотку хмельной бражки, чтобы чокнуться ею в новогоднюю ночь...

Получив свою копеечную радость, Гелий на первом же после праздника допросе заявил, что ни на какие сделки с органами не пойдет:

— Этого не будет. Забудьте!

— А зря вы, Гелий Иванович,— негромко процедил капитан.— Был бы совсем другой разговор.

Но у следователя и в мыслях не было мстить хитровану, хотя одного телефонного звонка из укрытого строительными лесами здания было бы достаточно, чтобы искалечить жизнь, скажем, сыновьям Гелия...

«...Допросы к февралю стали редки, все уже было обспрошено и на все мною было нагло и находчиво отвечено, но следователь обязан был два раза в неделю вызывать меня на допросы, и где-то двадцатого февраля я отказался ходить в следственный корпус. И опять, как во время голодовки, он стал приходить для допросов в следственный изолятор...»

Ну и о чем же беседовал капитан с Гелием, если все уже было обспрошено и на все отвечено?

Да так, ни о чем... Странные отношения следователя с подследственным развивались, вот они и болтали о всякой всячине. Например, Гелий рассказывал свои тюремные сны... Иногда грустные, иногда смешные...

И следователь выслушивал подобную чепуху?

О, с полнейшим вниманием!.. Уже потом, почти ослепший, лишенный возможности перечитать написанную строку, уже задыхаясь в предсмертной тоске, Гелий, спохватившись, с недоумением заметит об одном из этих снов: «Вещий он был, что ли?..»

В ту ночь заключенному снова снилась тюрьма... Кабинет следователя, привычный вид из окна — каменный колодец...

Нет, не совсем так: во сне внутренний двор тюрьмы открылся Гелию в необычном, смещенном ракурсе, так, что это смещение позволяло увидеть подворотню — уходящий на волю туннель... Выпуская голубенький «рафик», тот самый, в котором пять месяцев назад сюда привезли Гелия, ворота распахнулись, а за ними — залитый солнцем тротуар, прохожие!.. Вдруг за спиной раздается вкрадчивый голос, Гелий оглядывается — рядом стоит полковник Туркин. Лицо его светится радостью, и он объявляет заключенному, что тот свободен...

Гелий видит себя за воротами тюрьмы, но шагнуть к людной улице не смеет... Он боится встретить жену, друзей... Даже во сне Гелию ясно: они непременно спросят, почему его выпустили? И что же он им объяснит?.. Как докажет, что не стал подлецом, что никого не предал?! Ужас обвивает горло, Гелий бежит назад и умоляет вертухая впустить его обратно в тюрьму:

«Мне к себе! Мне к себе, к себе!
Мне в СИЗО! Мне в СИЗО Кэ-Гэ-Бэ!
Моя камера там пуста!
Моя койка не занята!
Мне на волю не по пути!
Пропусти... отпусти... пусти!!!

И тут я проснулся с воплем «Пусти-и-и!» и, как говорится, в холодном поту...»

Это была совершеннейшая идиллия: на допросах заключенный читал стихи, а следователь слушал...

«Второго марта я досыпал бессонную ночь, когда стукнуло, грюкнуло, потом лязгнуло и в камеру вошел подполковник Сапожников. Я давно объяснил, что не встаю в его присутствии, и только повернулся и поглядел. Он подошел к койке, по-братски положил мне на плечо руку и сказал:

— Гелий Иванович, на этот раз вам придется встать. Собирайтесь в больницу...»

Я читал записки Гелия, и от всей этой идиллии с решетками на окнах, минут духовной близости со следователем, забот доброго полковника и по-братски положенной на плечо руки начальника тюрьмы веяло на меня чем-то таким, что мороз пробегал по коже...

Вот сентябрьским солнечным утром по Тарасовской улице шагает Гелий; он давно готовился к аресту и, оказавшись в тюрьме, радуется каждой прогулке в бетонном дворике, радуется тюльке на завтрак, радуется трубке и табаку, переданным с воли женой, и с искренним удивлением записывает: «ДА, ЗДЕСЬ РАДУЕШЬСЯ ВСЕМУ!..»

А вот упоминание о провалившейся голодовке, которую диссидент снял, так ничего и не добившись. После полного физического истощения Гелий восстанавливает силы, что называется, не по дням, а по часам; и опять, и опять записывает, что живет с постоянным ощущением пронзающей душу радости!..

Как же это понять: почему вокруг этого заключенного замельтешили белые халаты? Что привлекло их столь пристальное внимание? Жалоба на застарелый радикулит? На хандру? Но поди ж ты — врачам виднее... Переполошились, услышав, что Гелий Иванович плохо спит... Не помогло снотворное? Назначили коктейль из трех препаратов, посильнее, инъекционно... Едва произнесено слово «стенокардийка», как в тюремной камере, словно это палата кремлевской больницы, появляется внимательнейший кардиолог, который ежедневно снимает кардиограмму, созывает консилиум из трех врачей...

Отлично зная, что такая предупредительность по отношению не то что к заключенному, но даже и к заболевшему офицеру КГБ — явление из ряда вон выходящее, Гелий спросил капитана напрямик: уж не боится ли тот получить в ходе следствия «свежий трупик»?

Однако же размазня-следователь на этот раз как топором отрубил:

— Нет, Гелий Иванович, ЭТОГО мы не боимся. Чего нам бояться? Везде можно заболеть, все может случиться.

И острослов Гелий не нашелся, что возразить. Логика на этот раз была не на его стороне...

Я тосковал о прошлом, которое некогда с такой легкостью перечеркнул. Мне было ведь только двадцать два года, когда я, начинающий провинциальный журналист, замахнувшись написать свой первый сценарий — о хирурге,— устроился санитаром сначала к профессору Авиловой, потом к профессору Дедкову и, наконец, в Киевский институт нейрохирургии...

Я таскал баллоны с кислородом в операционную; вооруженный шваброй и ведром, мыл пол то в ординаторской, то в библиотеке и очутился однажды в подвале, в каком-то безоконном, узком и глубоком, как ствол шахты, помещении... На высоких, грубо сколоченных полках стояли покрытые пылью тысячи и тысячи историй болезни в серых канцелярских папках... Я открыл одну: «Окончательный диагноз — саркома»... Открыл другую — «медуллобластома»; третью — «астроцитома»...

Добросовестность и безответность санитара вознаграждались тем, что уже через неделю мной помыкал каждый, кому не лень, вплоть до алкоголика-лаборанта, в обязанности которого входило чистить клетки подопытных животных. С таким вот поручением я и попал как-то в институтский виварий...

Едва переступив порог удушливого этого помещения, пропитанного еще более мерзкими запахами, чем морг, услышав стоны истерзанных экспериментаторами тварей, я понял: сюжетом моего сценария будет судьба собаки...

Бездомная шелудивая дворняга бродит по зимнему городу.

Сияют витрины, снуют прохожие; сапогом пинает собаку торговка, продающая пирожки...

Дразнят голодную собаку мальчишки; старик, за которым она увязалась, останавливается, грозно подняв палку...

Лишь один человек пожалел несчастного пса, бросил ему кусок колбасы, потом подозвал, погладил и — захлестнул шею арканом!..

Собаку швырнули в машину и привезли в тюрьму...

Клетки вивария — собачья тюрьма... Но зато здесь кормят... К тому же у собаки появился новый хозяин. Пес быстро привык к нему, к его необычным играм: просвечиваниям на рентгене, взвешиваниям, измерениям кровяного давления...

Но однажды, когда исследователь убедился, что животное совершенно здорово, собаке дали наркотик. Она уснула, и снился ей наивный и пьяный собачий сон...

А новый хозяин наполнил шприц суспензией, добытой из раковой опухоли, и сделал впрыскивание...

Экспериментаторы следят за развитием опухоли под черепной коробкой собаки, они ждут столь важных для ранней диагностики симптомов.

Приступ эпилепсии! Тело собаки сводят и передергивают судороги...

За первым приступом следует второй, затем наступает паралич, сужается поле зрения, останавливается перистальтика...

Почему так старательно восстанавливал я в памяти именно те наметки сценария, в которых моя фантазия вступала в противоречие с жизненной правдой?..

Злокачественные опухоли действительно прививают животным, например, при исследованиях новых противораковых препаратов. Но используют для этих целей не собак, а менее ценный «биологический материал»: морских свинок или крыс. Собак применяют для более сложных опытов.

В операционной вивария собакам вживляли в мозг особые имитирующие опухоль модели, с тем чтобы у экспериментатора была возможность контролировать и размеры «опухоли», и темпы ее «роста», и произвольно выбирать, какой именно из жизненно важных центров в мозгу подопытного животного сдавит модель. Иногда для этой цели избирался центр координации движений, иногда — центр дыхания, иногда — центр безусловных рефлексов...

К тому времени, когда я стал в виварии «своим человеком», выяснилось, что цель многих опытов была непонятна не только мне, но и годами работающим здесь лаборантам. За протоколами этих опытов приходили сотрудники нового корпуса, выстроенного в глубине институтского двора.

Я знал, что в новом корпусе тоже есть операционная и что оперирует в ней один из лучших хирургов института — профессор Михайловский, нелюдимый, никогда не улыбающийся...

Почему я вспоминал обо всем этом каждый раз, когда наталкивался в рукописи Гелия на то самое место, где так неожиданно и необъяснимо менялась интонация заметок, где ощущения радости всех оттенков вдруг исчезали, сменяясь агонией духа — отчаянием?.. О, не сомневайтесь, причина была, была!..

«Мне надо записать все шесть месяцев моих под следствием... но я не знаю, сколько мне дано времени, и спешу хоть как-то второпях, лежа, изогнутый в три погибели и почти не видя строки, записать главное — март. Весь ужас, все омерзение, и как я сломался...»

Полгода, проведенные Гелием под следствием, четко разделялись на два неравных по времени периода: пять месяцев во внутренней тюрьме КГБ и — март, проклятый месяц март,— как пишет Гелий, когда он оказался в тюремной больнице...

Врачи из ведомства госбезопасности порекомендовали перевести заключенного из следственного изолятора в тюремную больницу исключительно своевременно. Гелий был госпитализирован 2 марта, а всего лишь три дня спустя у него отнялась правая нога...

Прошла еще неделя, и — отнялась левая... Загадочная болезнь, вторгшаяся в процесс вялотекущего следствия, прогрессировала стремительно: низ неподвижного, утратившего чувствительность тела передергивали судороги.

Когда он проснулся, у постели сидел следователь. Он гладил пальцы парализованного и говорил, что лечение в тюремных условиях — это не лечение. Что необходимо лечь в хорошую клинику. Что надо же, наконец, пожалеть и себя...

— Все, все, Гелий Иванович, в ваших руках. Есть единственный вариант...

— Опять же — чистосердечное раскаяние?

— Да.

— Так сказать: под медицинской пыткой?

— Ну-ну-ну, что вы себе позволяете?!

— Называю вещи своими именами, следователь Слобоженюк.

Помолчали. И капитан опять заговорил о том, что, может, еще не поздно и начальство согласится, а помилование сейчас, в ходе следствия, до суда,—

это совсем не то, что после суда, да и когда еще он будет — ведь нельзя же на суд в таком состоянии; и с жены, которая помогала, спадут обвинения; и детям никто никогда не вспомнит...

— Подумайте, Гелий Иванович, хорошо подумайте. Еще есть время, но его уже мало...

Какая-то вспышка озарила сознание Гелия, он сказал:

— Вы все это знали с самого начала. Моя болезнь — ваш союзник.

Мое любимое детище — история подопытной собаки — так никогда и не стало фильмом. Его похоронили в киноинстанциях. Но гибель одной идеи вызвала к жизни другую... И еще до того, как был закончен новый сценарий, в операционной все того же Киевского института нейрохирургии, где наш документальный герой * удалял аневризмы и опухоли, стояли наши «юпитеры», суетились осветители и ассистенты...

В виварии снимались эпизоды о том, как добывают исследователи «квант нового знания», вживляя в черепную коробку собаки модель опухоли, сдавливающей мозг... Лишь в один из институтских корпусов, в новый корпус, или, как называли его теперь, экспериментальный, где по-прежнему оперировал профессор Михайловский, дорога членам съемочной группы была заказана.

Ни до, ни после операции больных в этом корпусе не навещали близкие. Но нам разъяснили: «Там особая стерильность»,— и наше любопытство киношников было полностью удовлетворено.

И только теперь, много лет спустя, привели меня в «экспериментальный» корпус те заключительные пять страниц предсмертной исповеди Гелия, которые были дописаны уже после его смерти...

Именно в этом — засекреченном — корпусе Института нейрохирургии профессор Михайловский прооперировал помилованного правительством диссидента и удалил из области второго позвонка какую-то охватывающую, обжимающую опухоль...

«Доброкачественная!» — объявил хирург свой окончательный диагноз жене Г. И. Снегирева. Но после успешной операции больного не отпустили домой.

Заключенному, который официально был освобожден из-под стражи, оставалось прожить еще 272 дня, но ни одного из них Гелий Снегирев так и не провел на свободе...

«Нам, друзьям Гелия Снегирева, удалось получить разрешение на посещения, когда позади остались и внезапный перевод больного в сверхзасекреченное отделение Института нейрохирургии, и операция (на позвонке? у шеи?), и внезапное появление Гелия в Октябрьской больнице.

Когда нас начали пропускать к Гелию, его истощенные, высохшие руки были еще способны держать карандаш. Так — парализованный, двигая лишь одной кистью, царапая каракули, рвя бумагу,— он писал нам все то, что хотел бы сказать, но не мог: эта больничная камера отличалась от тюремной лишь большим количеством микрофонов... Так и общались с ним те, кто хотел передать или услышать что-то важное,— разбирая зигзаги, выписывая крупными буквами свои слова... Именно так в конце лета, когда пальцы уже сжимали карандаш из последних сил, передал он нам свою просьбу: СОСТАВИТЬ ХРОНИКУ ЕГО ПОСЛЕДНЕГО — БОЛЬНИЧНОГО — АДА И ПОДСОЕДИНИТЬ КО ВСЕМУ ПРЕДЫДУЩЕМУ В КАЧЕСТВЕ ЭПИЛОГА. ВОЛЮ ЭТУ ЕГО МЫ ЗДЕСЬ И ВЫПОЛНЯЕМ...»

Из записки Г. И. Снегирева другу: «Поговаривают о повторной операции — полагаю, что спрятали еще не все концы».

«В разговоре с близкими врач Гелия часто повторяет: «Положение не улучшается только из-за того, что после удаления опухоли на месте операции остались рубцы, сжимающие спинной мозг. Отсюда — паралич».

В ответ на предложение использовать иностранные противоонкологические препараты:

«ЧТО ВЫ, СОВЕРШЕННО НЕ НУЖНО, ТАК КАК ОПУХОЛЬ ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ».

Из беседы Г. И. Снегирева с другом: «Думаю, будут меня скоро кончать...»

Гелий сообщает друзьям о своем решении вызвать представителя КГБ и потребовать разрешения уехать за рубеж для лечения:

«Я иду на этот шаг, понимая, что это конец — ведь раскрыться они никак не могут. Но больше я так не могу».

В течение следующих дней Гелий отдает последние распоряжения — все устно, писать он уже не может. Среди них: после смерти пригласить на вскрытие одного из друзей, врача-патологоанатома.

28 декабря 1978 года Г. И. Снегирев скончался. Работники КГБ сообщили жене Гелия о его смерти после того, как вскрытие было закончено. Официальный диагноз: рак предстательной железы с метастазами во всех частях тела.

По требованию КГБ похороны состоялись на следующий же день. В обход всех правил, принятых в киевской погребальной службе, тело было кремировано в тот же день и захоронено. Во время процедуры похорон крематорий охранялся работниками КГБ.

Послужной список капитана Слобоженюка, инициативного, остро думающего офицера госбезопасности, украшен блистательным завершением не только дела Снегирева, но и выполнением целого ряда других заданий государственной важности. Вспомним, например, дело Ивана Дзюбы, кумира украинской интеллигенции, которого сломал следователь Слобоженюк, как сломал он и Виктора Платоновича Некрасова, вырвав у него если не «раскаяние», то по крайней мере согласие покинуть страну и «добровольно» отправиться в изгнание...

Я искренне верю, что после публикации глав, посвященных Г. И. Снегиреву, мы хоть что-нибудь да узнаем о дальнейшей судьбе и карьере капитана Слобоженюка, полковника Туркина, подполковника Сапожникова: страна должна знать своих героев.

И еще я надеюсь, что после этой публикации узнаем мы неизвестные нам и по сей день имена «ДРУЗЕЙ ГЕЛИЯ» — людей, победивших страх, дописавших до конца дневник Г. И. Снегирева и передавших этот человеческий документ за рубеж.

Что же касается моей книги «Желтые короли», то в ней главы, посвященные Гелию Снегиреву, играют чрезвычайно важную роль. Эти главы психологически объясняют и обосновывают главный поступок моего героя (может, антигероя?) — эмигранта, сотрудника радио «Свобода», порвавшего с атмосферой полуправды, господствовавшей в русскоязычном западном эфире в годы детанта, и решившего — «спеша вниз» — стать шофером такси...

* Академик А. И. Арутюнов

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ЧТО ВЫШЛО ИЗ «КРАСНОГО ОСТРОВА»

После выхода в № 10 «Огонька» статьи «Красный остров» я получил приглашение из Княгининского районного Совета народных депутатов той же Нижегородской области. Председатель райсовета Иван Степанович Свистунов предложил под крестьянские хозяйства уже не 500, а 1226 гектаров — угодья двух обезлюдевших хозяйств, где прошлой осенью и картошку не убрали. Вместе с Игорем Кирдая, главой акционерного общества «Инеп» и возможным спонсором фермерского кооператива, мы дважды выезжали в Княгинино.

Почвы предлагаются хорошие, чернозем с глубиной гумусного слоя до 60 сантиметров. Местность экологически чистая, можно построить каскад прудов, рядом лес, под поселок готово удобное место — опустевшая и снесенная деревня. Инфраструктуру придется создавать наново: до асфальта около пяти километров, до нитки газопровода километров восемь, нужна электросеть. Но райсовет решил предоставить небольшой участок земли под детский оздоровительный лагерь автозаводу, и расходы на обустройство можно поделить с зажиточным ГАЗом. Юридическая сторона решена: исполком райсовета, опираясь на Земельный кодекс РСФСР, постановил указанную площадь выделить ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств.

Помогает политической определенности и Княгининский райком КПСС: он исключил из членов Коммунистической партии председателя районного Совета тов. Свистунова, обосновав это в основном предоставлением земли фермерам. Все стало на свои места, маски сняты, мосты аккуратно сожжены — забавная история о 500 гектарах обретает черты политического дела. Теперь кадры решают все — или, как пишут газеты, «земля ждет хозяина».

Я уполномочен опубликовать такое объявление:

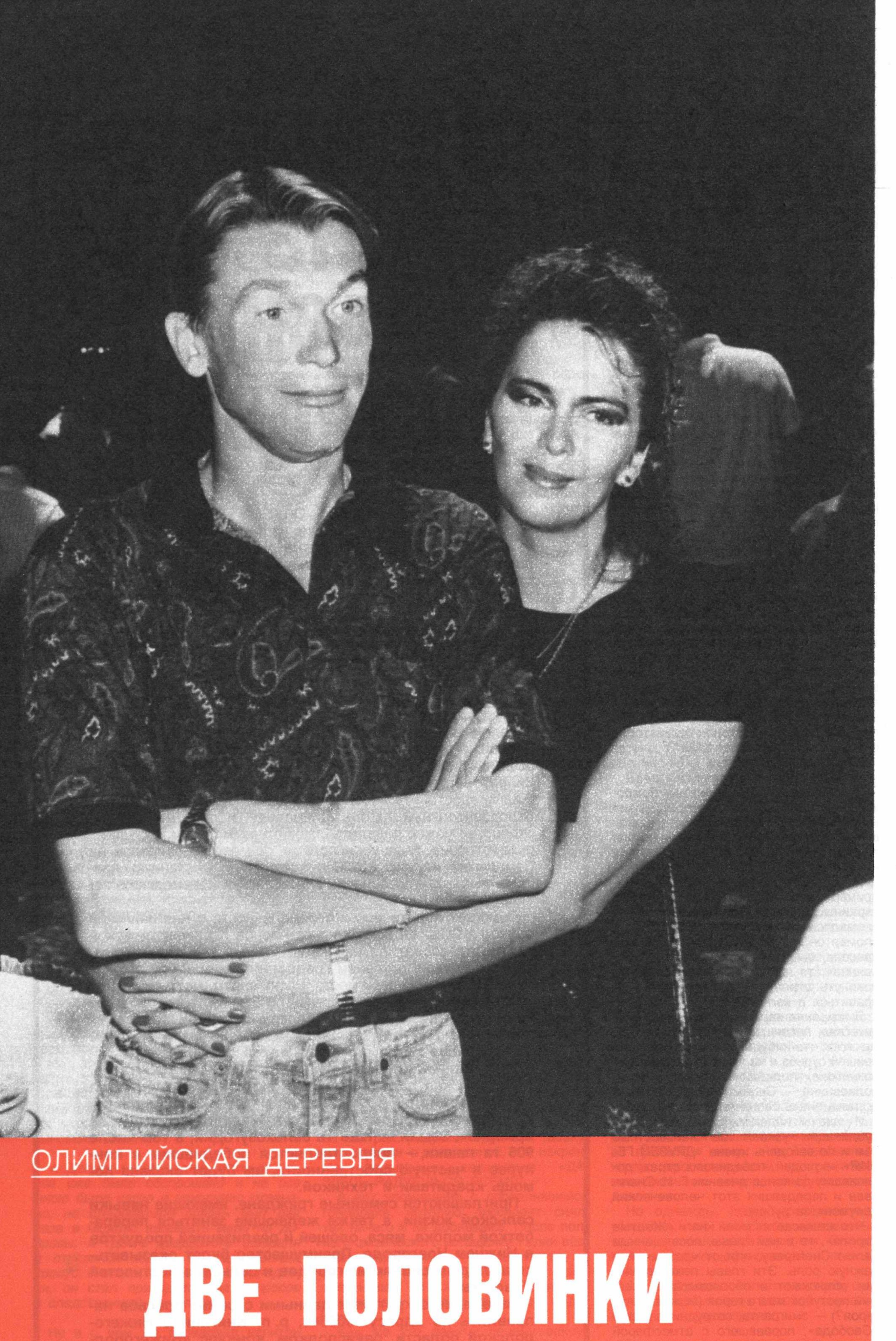
«Княгининский районный Совет народных депутатов, Крестьянская партия России и акционерное общество «Инеп» объявляют конкурс на участие в ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств «Нижегородская ярмарка». Земля — 1226 га сельхозугодий, в том числе 905 га пашни,— предоставляется победившим в конкурсе в частную собственность, им будет оказана помощь кредитами и техникой.

Приглашаются семейные граждане, имеющие навыки сельской жизни, а также желающие заняться переработкой молока, мяса, овощей и реализацией продуктов в Нижнем Новгороде. Преимущество будет оказываться молодым семьям из городов и сельских местностей Поволжья.

Заявление с краткими данными о семье просьба направлять по адресу: 606340, р. п. Княгинино Нижегородской области, райисполком, конкурс «Нижегородская ярмарка». Срок подачи заявлений — до 15 августа 1991 года».

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО,
председатель
Крестьянской партии
России, народный депутат
СССР.

Наталья БЫКАНОВА

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

ДВЕ ПОЛОВИНКИ СЕРДЦА

Некрасивой быть проще, некрасивой, не обласканной славой. Проще, когда дни идут однообразно, привычно: дом, муж, дети. И великое женское предназначение — хранить домашний очаг — как крест на жизни. Лучше не быть на вершине и не дышать тем воздухом, пьяняще-безрассудным, славы и поклонения. Лучше не быть, чтобы потом не падать. Особенно когда тебе двадцать. Вечная проблема соединения вдохновения с немытой посудой. И одиночество как расплата за дерзость. Миллионы женщин ищут ответ на вопрос «Семья или работа?».

Ирине Дерюгиной достаточно было пройти от кулис к гимнастическому ковру и стать в центре под овацию зала и треск фотокамер. Кто-то мог выше прыгать или больше гнуться, но выходила надменная Ирина, и один поворот ее царственной головы решал все. Сотни девочек, подражая ей, хмурили брови и сжимали губы, но дерюгинская стать и победительность жеста неповторимы.

— Я закончила выступать в 23 года, заняв девятое место на первенстве мира 1981 года. Свое звание двукратной чемпионки мира защитить не удалось. Никто не понимал, зачем вообще я поехала в Мюнхен, даже муж с мамой считали тот шаг капризом. В конце 1979 года я получила тяжелую травму колена, неудачно приземлившись после прыжка на тренировке. Был шанс красиво уйти, но я им не воспользовалась.

После больницы пришлось сгонять 13 лишних килограммов. Проблема веса всегда была для меня трудноразрешимой. Выступать после годичного перерыва было тяжело, я постоянно боролась с собой, наделала много ошибок. Конечно, понимала, что прежней легкости уже нет, но мой упрямый характер подстегивал, и в упражнении с обручем даже умудрилась вполне достойно выступать. Я победила себя, победила свою травму, а это было главным.

Мою спортивную судьбу определила наша спортивная семья.

То, что мама, Альбина Николаевна,— заслуженный тренер СССР по художественной гимнастике, знают все, но и папа, Иван Константинович, был в спорте фигурой заметной, олимпийским чемпионом 1956 года по современному пятиборью. Если бы не папа, моя жизнь могла сложиться совершенно по-другому; благодаря ему я вернулась в гимнастический зал, когда Ирине было всего две недели от роду. Могла оставить внучку на дедушку даже на несколько дней и быть абсолютно спокойной, что мой папа позаботится о ней самым лучшим образом.

В этом смысле у нас с дочерью разные судьбы, хотя у обеих мамы — деловые женщины и обе работают тренерами. Меня воспитывала только мама — папа в то время активно ездил по соревнованиям. Все 24 часа в сутки я была с ней, сначала дома, потом в тренировочном зале. Но сначала был балет, для которого я оказалась великоватой. Параллельно занималась гимнастикой. А когда на балетной сцене появилась Надя Павлова, я сказала себе: «Такой, как она, тебе никогда не стать, а перебиваться на вторых ролях не в твоем характере». И в 14 лет целиком сосредоточилась на спорте.

Стала лидером сборной СССР по художественной гимнастике, двукратной абсолютной чемпионкой мира, но, думаю, всего, что могла, достичь не успела. Был ведь чемпионат мира-75, куда мы не поехали из-за сложной политической обстановки в Испании, где проходило первенство. В тот год я выиграла все турниры, в которых участвовала: и внутрисоюзные, и международные. Да

мало ли как еще сложилась бы судьба, не происходи в жизни события на первый взгляд совершенно случайные. Кто бы, скажем, мог подумать, что благодаря травме я выйду замуж за Олега Блохина.

СЕМЬЯ

Посмотрев мое колено, известный спортивный хирург Зоя Алексеевна Миронова решила сделать какое-то особенное исследование: «Блохину делали, сделаем и тебе». Что это такое, мы с мамой не знали и решили позвонить, спросить самого Олега. Так началось наше знакомство. Впрочем, знали мы друг друга и раньше. В спортивном Киеве тогда гремели три фамилии: Блохин, Борзов, Дерюгина. И уже с 16 лет я только и слышала, что выйду замуж за Блохина. Это мне совершенно не нравилось. Терпеть не могу действовать по чьему-то указу. Поэтому даже при встречах старалась к Олегу не подходить. Стоило подойти, как тут же начинались сплетни. Мы были на самом виду, и что не замечали у других, у нас многократно приукрашивалось. Мы могли жить на сборах в соседних комнатах и месяцами не здороваться. Олег считал, что это я такая заносчивая, а я — что он. Но однажды в новогоднюю ночь... Мы протанцевали девять часов подряд, Олег отличный партнер, и я забыла про забинтованное колено. Просто сразу поняла: это мой человек, именно тот, который мне нужен.

РАБОТА

После того как я прекратила выступать, мама не дала мне расслабиться и снова привела в зал, теперь уже делать из меня тренера. Это было мудрое решение, потому что нет опаснее периода, чем переход из действующих спортсменов, знаменитостей, в «ничто». Чем он короче, чем быстрее находит себя в жизни человек, тем для него лучше. Поначалу я тоже не знала, чем заняться дальше: шарахалась из стороны в сторону, искала себя. Поиски осложнялись тем, что я не знала, чего хочу. Тогда многие бывшие спортсмены уходили на комсомольскую работу. Меня эта мода тоже не обошла стороной, угораздило даже поступить в Высшую партийную школу. Олег имел свое мнение относительно моего будущего, хотел, чтобы я стала просто женой.

Этот сложный период, к счастью, был недолгим. Составление произвольных программ девочкам — вот первое мое задание. Я почувствовала интерес к новому делу, и скоро маме пришлось сдерживать мою неуемную фантазию. Главное — забыть, кем ты была вчера, и начать искать себя сегодня, прежние победы не в счет. Я влюбилась в работу и снова могла творить и завоевывать новую вершину.

СЕМЬЯ

Как ни важна для меня работа, судьба мужа волнует меня не меньше. Я всегда чувствовала, что из Блохина получится хороший тренер. У Олега для этого есть потрясающая интуиция и огромный игровой опыт.

Я видела, как после матча он до пяти утра не мог успокоиться, отойти от игры. Просматривал видеозапись, анализировал свои действия и действия партнеров, искал ошибки. Думаю, такой критический самоанализ и дал ему возможность играть до 37 лет.

Закончил выступать Олег только тогда, когда перестал попадать в основной состав. Сидеть на скамейке запасных он не мог. Для Блохина это была трагедия.

Очень кстати подвернулся контракт с австрийским клубом, но, чтобы уехать работать за границу, Олег несколько месяцев обивал пороги своих военных начальников, добиваясь снятия погон. Эта история всем нам потрепала нервы. «Огонек» писал о ней.

Напряженная ситуация возникла и после прощального матча, когда Блохин ждал и надеялся, что кто-нибудь из спортивных руководителей вызовет к себе, поговорит по душам о планах на будущее. Олег мечтал работать в паре с Лобановским в киевском «Динамо». Но в родном клубе все тренерские вакансии были заняты, руководители о нем забыли, и Олег снова оказался не у дел. Тогда он принял приглашение поиграть на Кипре, а уже там, за границей, Блохину совершенно неожиданно предложили тренерскую работу в самой престижной греческой команде «Олимпиакос». И никого в Греции не волновало, тренировал он раньше когонибудь или нет.

Сначала Олег просто за голову схватился, от волнения не мог ни есть, ни спать. Все раздумывал, прикидывал. Тренерский опыт у него отсутствовал, а тут сразу такая ответственность. Я сказала: «Если начинать, то с хорошей команды». Олег предложение принял и сейчас, думаю, не жалеет о своем решении. Хотя однажды побранил с досадой: «Это ты меня втянула».

РАБОТА

Только став тренером, Олег начал понимать, что значит для меня работа. Одно дело быть игроком и совершенно другое — тренером. Взгляд на жизнь при переходе из первого состояния во второе меняется коренным образом.

Спортсмен отвечает только за себя, и, если будет лениться на тренировках, тренер заставит его работать. Спортсмен постоянно опекаем, что освобождает от необходимости принимать многие решения. Тренер отвечает не только за себя, но и за всех своих учеников, что намного тяжелее.

Пока Блохин играл в киевском «Динамо», мы иногда неделями не виделись. Когда Олег подписал контракт с австрийским клубом, я летала к нему каждый месяц. Потом пришла очередь Греции, и снова моя жизнь переместилась в самолет. Что ни месяц — лечу к нему в Афины, теперь уже не к нему, а к ним, потому что с декабря Ира живет с папой. Пошла в первый класс афинской школы, где обучение идет на английском языке. Там ее научат и греческому с французским. Я кручусь, и мне кажется, меня хватает на все: ездить в Афины, тренировать девочек, вести организационную работу в Международной федерации гимнастики... Но семья фактически разорвана, я не могу найти выход. Как-то Олег в сердцах бросил: «Можешь ты хоть в чем-то измениться?» Я подумала и изменила прическу. Конечно, это не ответ на его вопрос. Нужно делать окончательный выбор, а это очень трудно.

СЕМЬЯ

Когда любишь, всегда уступаешь. Два лидера в одной семье — настоящее испытание, но мы не развелись, и это доказывает, что конфликтные ситуации, возникающие между сильными личностями, при желании можно решать. При этом каждый остается собой и не подавляет партнера.

Так получилось, что в трудные для «Олимпиакоса» и Олега дни февраля я была в Афинах. Планировала провести в Греции не больше двух недель, а осталась на все три. Это было действительно сумасшедшее время, и надо было поддержать Олега.

Матч с командой «Атинаикос», после которого по вине болельщиков на команду обрушились санкции, я наблюдала «живьем». Мне эти беспорядки показались не чем иным, как провокацией. Борьба за лидерство в чемпионате между «Олимпиакосом» и «Панатинаикосом» тогда достигла критической точки.

Я хорошо помню, как группа зрителей вдруг начала бросать дымовые шашки, ломать перегородки и крушить стадион. Это были явно не болельщики «Олимпиакоса», а посторонние люди, которым, наверное, была выгодна дисквалификация команды. Начался полный беспорядок. Мы вместе с гостями клуба из киевского «Динамо», которые тоже следили за игрой, еле ноги унесли.

Потом матч с «Сампдорией», и снова штрафы и санкции со стороны теперь уже УЕФА. Тут и президент клуба, не сдержавшись, ударил кого-то. В общем, один к одному.

Сказать, что Олег очень переживал, значит ничего не сказать. Если Блохин выстоит, думала я, это будет огромным уроком на будущее.

Вообще Олег и ребята (Олег Протасов, Юрий Савичев, Геннадий Литовченко. — Прим. **Н. Б.**) чувствуют себя в какой-то степени отрезанными от советского футбола. Приезжают гости из «Торпедо», «Динамо», но из Федерации не было никого, хотя клуб неоднократно посылал приглашения, звал к себе на тренировочный сбор сборную команду СССР. В ответ — молчание.

РАБОТА

Моей маме приходилось со мной очень несладко. Иногда я просто видеть не могла свои комбинации, так надоедала гимнастика, а впереди — последнее выступление в сезоне. Тогда все, кто был в тренировочном зале, начинали выполнять упражнение вместе со мной. Терпение людей, меня окружавших, было велико. Я часто не соглашалась с мамой, меня трудно было в чем-то убедить. Тогда маме приходилось «выливать на меня ушат холодной воды», чтобы не зарывалась.

Только сейчас, став тренером, могу по-настоящему оценить неблагодарность тренерской работы. Свою дочь я тренировать не могу. Пусть лучше сама решит, что ей по душе. Может, продолжит активные занятия спортом, может, увлечется музыкой или иностранными языками. Не сразу, но я поняла, что у ребенка должна быть свобода выбора.

Сейчас очень распространено мнение, что тренер просто обязан жертвовать всем ради своих учеников. Именно обязан. Но свою зарплату тренер может отработать и механически, не вкладывая душу. А чтобы воспитать гимнастку экстра-класса, нужно сверхусилие, нужна душа.

Мы с мамой не считаем, сколько лишних минут и часов отработали в зале, может быть, в этом один из секретов успехов наших учениц. Саша Тимошенко и Оксана Скалдина уже многого достигли. Саша спустя 10 лет после меня стала абсолютной чемпионкой мира, нарушив столь долгую гегемонию болгарских гимнасток. Иногда смотрю на выступления девочек и удивляюсь, как они успевают выполнить сложнейшее упражнение. Мне это кажется невероятным по сравнению с тем техническим уровнем, на котором выступала сама.

СЕМЬЯ

Я очень люблю дом, неплохо готовлю, но долго сидеть в четырех стенах не могу. С другой стороны, постоянные разъезды стали слишком утомительны. Последнее время мой настоящий дом переместился из Киева в Афины, и времени я провожу там больше, чем где бы то ни было. 29 ноября прошлого года, день нашей свадьбы, мы отмечали дома, в Греции, втроем, и это был наш первый семейный праздник за многие годы. Сейчас акценты сместились: если раньше я жертвовала семьей ради гимнастики, то теперь жертвую работой ради семьи и до возможного минимума сократила свое пребывание с девочками на сборах. Мама здесь меня очень выручает. Но напряжение от нашей с Олегом неустроенной жизни, копившееся десять лет, приблизилось к кри-

тической точке, и я поняла, что, если не остановлюсь, могу потерять семью.

Последнее время разлука стала особенно тяжелой. Каждое расставание у меня — внутренняя истерика.

— А Олег?

— Он человек сдержанный. Мы постоянно перезваниваемся, и моей зарплаты на телефонные переговоры уже не хватает, а ведь хочется услышать и Ирин голос.

Дочке уже восемь, ее терпением нельзя злоупотреблять. Когда была поменьше, на каждый папин долгий отъезд реагировала по-детски непосредственно: «А почему папа не с нами? Он нас бросил?» Мне становилось не по себе от ее вопросов.

— А почему вы дочку назвали Ирой?

— Не знаю, так получилось само собой. Может, Олег решил, раз не вышло первую Ирину сделать Блохиной, пусть хоть вторая будет Ира Блохина.

— А Олег не хотел сына?

— Почему хотел? Он и сейчас хочет.

— А вы?

— Я тоже не возражаю.

— Ире, наверное, трудно в непривычной обстановке, без подруг, дедушек и бабушек?

— Конечно, в Киеве ее набаловали, а Олег с ней очень строг. Чтобы она не скучала в Греции, мы ей собаку купили.

— А кто ведет хозяйство, занимается с ребенком, гувернантка?

— От гувернантки Олег отказался и делает все сам.

— А как же стирка, готовка, уборка?

— Готовит и убирает он сам, а что касается стирки, то этим занимаюсь я. Как приезжаю, сразу начинаю стирать. Одежды у них достаточно, чтобы перебиться до моего приезда.

— Для мужчины, а тем более с минимальной житейской подготовкой, как у Олега, эта нагрузка особенно тяжела?

— Человек, который решил доказать, что он может со всем справиться в одиночку, самостоятельно, обязательно это докажет, чего бы это ему ни стоило.

— Да, ему не позавидуешь!

— Не знаю, может, он считает, что пора иметь нормальную жену, а не такую сумасшедшую, как я.

РАБОТА

Мне по душе деловые женщины. Главным женским качеством считаю неуспокоенность. Когда женщина успокаивается, она стареет. Так хочется в жизни успеть как можно больше. Неизвестно ведь, что может случиться с нами завтра; а вдруг я уже буду лежать, прикованная к больничной койке.

— Ваша конечная цель в работе?

— Когда одна цель реализуется, впереди уже стоит новая. Я по-другому не могу. Надо дожить до Олимпиады, а там посмотрим.

— Вы думаете, тогда ваша жизнь изменится?

— У меня есть много предложений поработать за рубежом. Но пока мне трудно бросить свое дело, тем более приносящее плоды. Трудно подвести маму, у нас сложился дружный и эффективный дуэт. Мама очень много сделала для меня.

— Кто из знаменитых женщин внушает вам наибольший интерес и уважение?

— Маргарет Тэтчер вне конкуренции. Мне нравятся ее ум, манера себя вести. А как красиво она ушла!

— А из мужчин?

— Давайте остановимся на женщинах. Конечно, нравятся некоторые актеры или музыканты, я вообще человек увлекающийся, и Олег к этому спокойно относится. Но лучше вернемся к женщинам.

— Хорошо, о женщинах. Каков женский идеал вашего мужа?

— Это его вопрос. А вообще Олегу очень нравится актриса Орнелла Мути. Но я не из тех, кто не выносит чужой красоты, наоборот, могу открыто восхищаться достоинствами других женщин. Моя задача по большому счету — привить своим девочкам чувство красоты. Но один может быть красив лицом, другой умом, третий чем-то другим. Красота — это общее название того, что выделяет людей из толпы.

— Как деловой женщине вам необходимо следить за модой. Какой стиль вы предпочитаете: деловой, классический?

— Конечно, я слежу за всеми модными течениями, но всегда ищу что-то свое, изюминку. Я всегда на виду, значит, надо соответственно выглядеть, даже в магазин не могу выйти ненакрашенной или небрежно одетой.

— Ваши любимые цвета?

— Черный и белый. Строгость и мягкость. Люблю контрастные сочетания. Цвет передает настроение человека, которое меняется довольно часто, особенно у меня. Сегодня мне нравится красный, завтра — зеленый.

— Трудно быть красивой?

— У меня тоже есть недостатки, причем немало, которые я тщательно скрываю. Но по большому счету все старания женщины держаться на уровне, все, что она вообще делает в жизни, она делает только для себя, а не для мужчин. Я в этом убеждена.

На следующий день, рано утром, она вновь улетала. На этот раз в Цюрих, на заседание Международной федерации гимнастики. Но сегодня Ирину ждала еще масса дел в столице. Набросив на плечи тигриный, серо-желтый шарфик, положив в сумку газовый баллончик, эффективное средство от назойливых мужчин, она лукаво улыбнулась и шагнула в мир, который уже много лет лежит у ее ног.

Голубь назначил свидание голубке в двенадцать часов дня на часах городской ратуши. Двенадцать часов — голубки нет. Час дня — ее нет. Два часа — тоже. И только около пяти часов вечера она появилась у часов.

— Почему ты так поздно пришла? — спросил ее голубь.— Ведь от твоей площади до ратуши лететь пять минут?

— Милый, на дворе такая чудесная погода, что я решила пройтись пешком.

На вершине горы отдыхают орел и Чебурашка.

— Ну что, полетели дальше? — спрашивает орел.

— Подожди, дай уши отдохнут.

В Англии искали компанию, которая взялась бы за прокладку туннеля под Ла-Маншем. В парламент пришел человек с лопатой и сказал:

— Я пришел насчет туннеля.

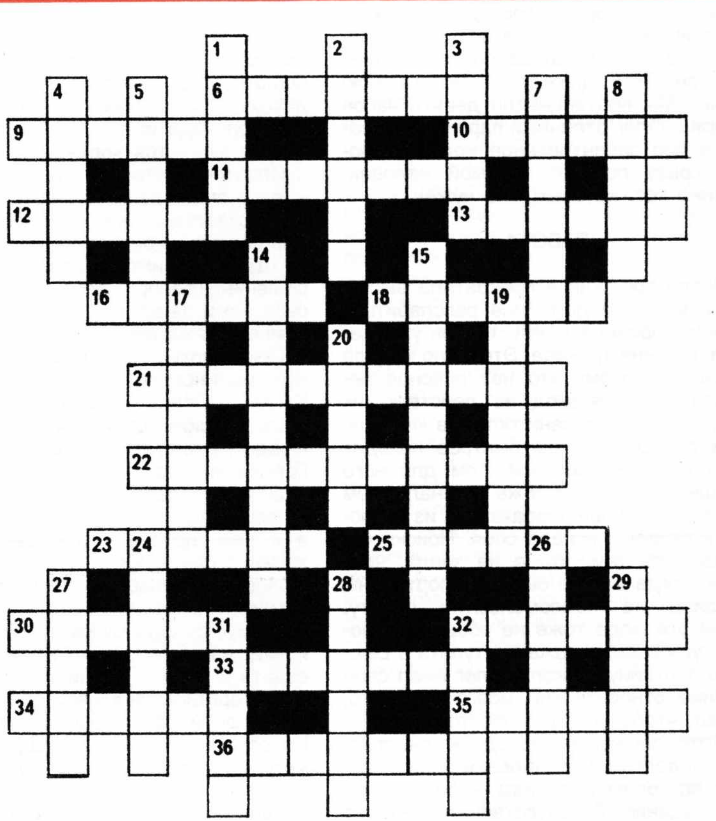
Его спрашивают:

— Вы представитель какой компании?

— Буду копать в компании с моим братом. Он будет копать из Франции, а я из Англии, и под Ла-Маншем мы с ним встретимся.

— Ну а если не встретитесь?

— Тогда будет два туннеля.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Рассказ А. П. Чехова. 9. Часть верхней палубы на военных судах, место для парадов. 10. Измерительный преобразователь. 11. Съедобный гриб. 12. Крупноразмерный плоский элемент строительной конструкции. 13. Лососевая рыба. 16. Способ проявления комического в искусстве, литературе. 18. Советский шахматист, экс-чемпион мира. 21. Распространение знаний, образования. 22. Композитор, Герой Социалистического Труда. 23. Город в Курской области. 25. Прибрежное водное пространство для причала и стоянки судов. 30. Горный массив в Греции. 32. Фотографический закрепитель. 33. Летнее открытое помещение, пристройка к жилому дому. 34. Шов. 35. Фруктовое дерево. 36. Горючее для тракторов, растворитель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Озеро в Хабаровском крае. 2. Линза в оптике. 3. Декоративное, лекарственное травянистое растение. 4. Плоскость для демонстрации фильмов. 5. Опросный лист. 7. Опера Д. Верди. 8. Производственное объединение. 14. Действующее лицо в опере А. П. Бородина «Князь Игорь». 15. Актриса Театра имени Моссовета, народная артистка СССР. 17. Спортивная яхта-катамаран. 19. Основание, предлог для действий. 20. Овощное растение. 24. Струнный щипковый инструмент в составе джаза. 26. Химический элемент, металл. 27. Вид дежурства на кораблях. 28. Местность, обладающая природными лечебными средствами. 29. Финская баня. 31. Сплав железа с углеродом. 32. Керамическое изделие, покрытое глазурью.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Фермата. 7. Петиция. 8. Эквивалент. 10. «Казаки». 11. Трубеж. 12. Сноп. 13. Отпуск. 15. Киль. 16. Пржевальский. 19. Шлем. 20. Анфиса. 23. Щара. 24. Тюбинг. 26. Оцелот. 27. Трясогузка. 28. Скрябин. 29. Нальчик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бианки. 2. Октант. 3. Березань. 4. Мирабель. 6. Азимут. 7. Палтус. 8. Эксперимент. 9. «Трактирщица». 13. Опера. 14. Касса. 17. Клубника. 18. Тральщик. 21. Нансен. 22. Сатурн. 25. Грабин. 26. Окуляр.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с **IBM PC / AT, XT** с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор: пишущих машинок, дигитайзеров, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ. ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 - 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) - 107000 руб.

ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 -31500-33000 руб.
Формат А1 - 107000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» - 51000 руб.
«LASERJET III» - 85000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ
"PANASONIC" - 3400 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» - 28000 руб.
«CANON FC-2» - 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» - 62000 руб.
«CANON 1215» - 80000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» - по 21500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» - 7750-8000 руб.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?

МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

Вниманию организаций, имеющих опыт коммерческой деятельности!

Объединение «МММ» открывает новые филиалы.

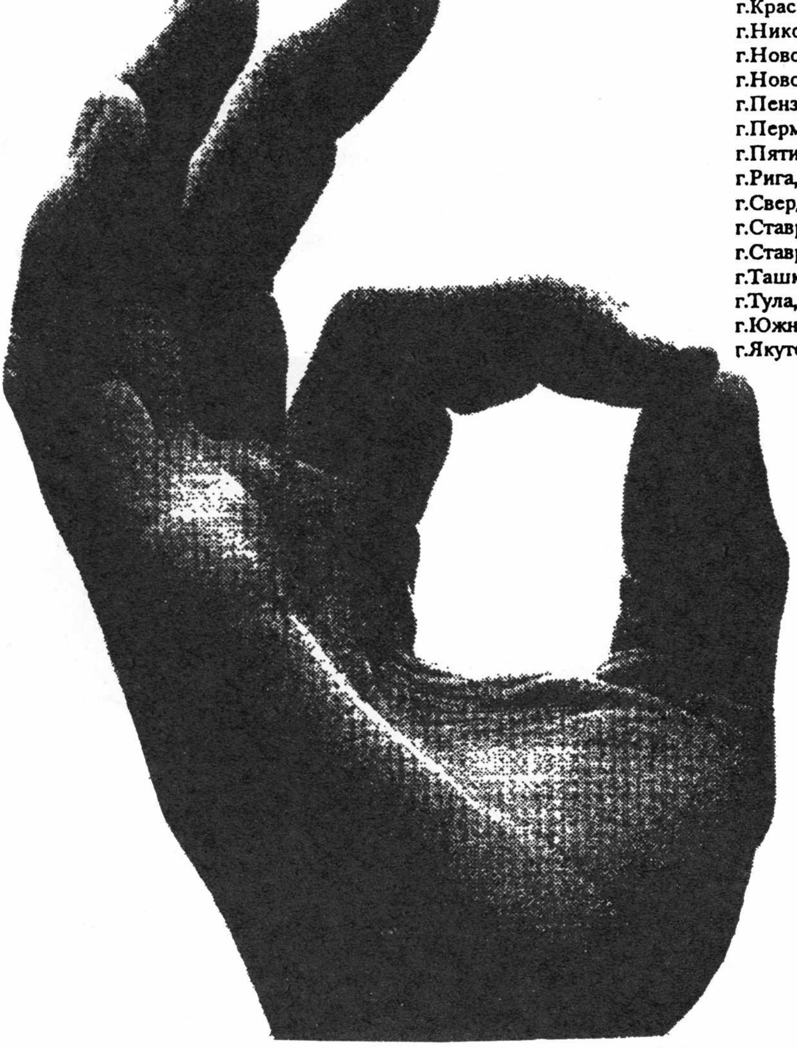
За дополнительной информацией обращаться в письменной форме **по адресу :**

109518 Москва,ул.Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).

Телефоны в Москве: 171-03-97,173-44-15,171-13-81, 171-06-90.

Филиалы «МММ»:

г.Донецк, ул.Горького, д.146;
г.Красноярск, ул.Урицкого, д.61, тел. 27-84-09;
г.Николаев, Мельничная ул., д.23, тел. 37-56-49;
г.Новокузнецк, а/я 4366, тел. 44-27-42;
г.Новосибирск, ул.Фабричная, д.13, тел. 23-75-29;
г.Пенза, 2-ой проезд Молокова, тел. 33-22-65;
г.Пермь, ул.Холмогорская, д.4/3;
г.Пятигорск, ул.Павлова, д.30б, тел. 5-77-50;
г.Рига, ГСП ул.Дзирнаву, д.33, тел. 33-25-08, 33-12-37, 33-23-61;
г.Свердловск, а/я 835, тел. 22-76-14;
г.Ставрополь, ул.Ленина, д.460, тел. 6-15-71, 6-31-47, 2-30-43;
г.Ставрополь, ул.Ленина, д.133б;
г.Ташкент, шоссе Луначарского, д.63, тел. 67-25-57, 67-77-06;
г.Тула, ул.Вересаева, д.24, тел. 20-87-33;
г.Южно-Сахалинск, Коммунистический пр-кт, д.1, тел. 3-25-41;
г.Якутск, а/я 09, тел. 4-14-51.

Если у вас есть свободно конвертируемая валюта и желание истратить ее на приобретение самых современных и престижных товаров, приглашаем вас в Универмаг № 4 «Березка».

Здесь вам предложат, кроме традиционных для универмага электро- и радиотоваров, в широком ассортименте одежду, трикотаж, обувь, изысканные вина и сигареты самых лучших фирм Европы, США, Японии.

Оплата за наличный расчет и по перечислению. Оплату по безналичному расчету со счетов ВЭБ оформят сами работники универмага.

Предприятиям при покупке товаров партиями предоставляется скидка.

Наш адрес: Москва, 105484, Сиреневый бульвар, дом 69, телефоны для справок: 461-00-43, 461-07-41, 461-01-43.

БЕРЕЗКА BERIOZKA

1 руб. Индекс 70663